

М О З А И Ч Н А Я
ПЕРЕПИСКА.

ПОМОГИ
ДА ВЪШЕСТЬ
ЗА ГРЕНДАНЬ.

БУБНОВ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію „Мозаичной переписки”, мы считаемъ не лишнимъ разсказать читателямъ, что письма эти были послѣднимъ трудомъ покойной писательницы Вѣры Петровны Желиховской. Передъ самой болѣзнью, сведшей ее въ могилу, она ~~написала~~ ихъ и много разъ говорила окружающимъ ее людямъ, что съ радостью думаетъ о той пользѣ, которую такого рода чтеніе можетъ принести юнымъ читателямъ. Вѣра Петровна вообще любила писать для дѣтей: „оны цѣнители искренніе и чуткіе къ правдѣ”, часто говорила она. Въ послѣдніе годы жизни Вѣра Петровна много жила за границей. Историческіе памятники, храмы, дворцы, картины галлереи большихъ европейскихъ городовъ, легенды и поэтическія сказанія въ той или другой мѣстности увлекали ее самое, и ей пришла мысль познакомить русскихъ дѣтей съ ними, не въ сухой передачѣ учебниковъ, а въ формѣ беллетристическихъ писемъ молодыхъ дѣвушекъ и юношей другъ къ другу. Трудъ этотъ не былъ законченъ,—смерть пресѣкла его. Но мы, знаи, какъ русскія дѣти любить читать произведенія этой глубоко сердечной писательницы, издаемъ ея „Мозаичную переписку” въ видахъ дѣйствительно интересныхъ историческихъ данныхъ и подробностей изъ жизни нашего недавняго прошлаго. Отъ души надѣемся, что доставляемъ этимъ и удовольствіе и пользу многимъ любознательнымъ русскимъ дѣтямъ.

Анна Петровна Меликессиан.

Мозаичная переписка.

I.

Отъ миссъ Уиллисъ, ся ученицѣ, Екатеринѣ Сергѣевнѣ Берестиной (переводъ съ англійскаго).

Вилья. Августа 5. 189*.

Итакъ, дорогая миссъ Китти,—я исполнють уговоръ: я первая начинаю уловленную переписку. Беру перо, вмѣсто камертони и, такъ сказать, даю первый аккордъ, за которымъ, надѣюсь, безостановочно и гармонично польется наша симфонія. Нужды нѣть, что музыканты будуть играть свои разнообразныя партіи въ разныхъ концахъ Европы; сойдясь,—всѣ звуки сольются въ стройную гармонію, къ которой всѣмъ намъ пріятно будетъ возвращаться. Когда, съ помощью неба, миссъ Анни выздоровѣть, миссъ Мери сдѣлается славной кантатристой, братъ вашъ Фреди научится моему родному языку, поживъ со своей тетушкой въ Лондонѣ: а вы, съ мистеромъ Алексеемъ, объѣздите всю Волгу и весь прекрасный Крымъ; представьте, какъ намъ всѣмъ пріятно будетъ возвращаться къ нашей общей перепискѣ,—вспоминать эпизоды прошлой разлуки, дополнять наши письма живымъ словомъ воспоминанія!.. Яувѣрена, что братъ вашъ, мистеръ Алексей, найдеть въ нашихъ разсказахъ столько сюжетовъ для своихъ *tableaux de genre*, что согласится, наконецъ, что не въ одномъ вашемъ отечествѣ есть типы и мѣстности, достойные его кисти. Я даже не сомнѣваюсь никако, что, послушавъ на-

шихъ общихъ писемъ, мистеръ Берестинъ сизойдетъ на ваши проекты: объездивъ югъ Россіи, онъ прежде поѣдетъ съ вами и къ м-те Laroche и вообще за границу,—а потомъ уже васъ повлечеть на далекій Кавказъ и въ Азію, куда его самого увлекаютъ его артистическія стремленія.

Отъ м-те Ларошъ и миссъ Мери изъ Парижа мы еще не имѣемъ извѣстій... Впрочемъ онъ, быть-можетъ, прежде писали вамъ, въ Россію, или въ Лондонъ миссись Джулін Эйттонъ?.. Не забывайте, пожалуйста, аккуратно пересылать намъ ихъ письма, чтобы не было пробѣловъ въ мозаїкѣ нашихъ сношеній. Вы такъ остроумно обозвали собраніе нашихъ будущихъ писемъ „мозаичной перепиской“, что такъ, вѣроятно, и назовете ихъ полное собраніе, когда миссъ Анни исполнитъ свое непремѣнное намѣреніе,—переплететь ихъ въ бархатъ съ золотымъ обрѣзомъ.

Что могу я сказать вамъ о нашей дорогой миссъ Анни?.. Путешествіе, вы знаете, всегда на нее хорошо вліяло; теперь-же она еще счастлива присутствіемъ этой превосходной Avdot Thominichna, которая, хотя ворчить и часто вздыхаетъ за русской церковью, но такъ предана своей возлюбленной barischna и такъ хорошо умѣеть ей служить, что очень намъ полезна... Кстати! Мы съ ней уже не ссоримся по утрамъ за туалетъ миссъ Анни. Съ тѣхъ поръ, какъ старый докторъ покойной матери кузины вашей, котораго ея няня обожаетъ, подтвердилъ намъ въ Москвѣ, что ей,—миссъ Анни,—полезно вытираться холодной водой, Avdot Thominichna не отымаеть у насъ болѣе таза и губокъ, а позволиеть своей шитомицѣ обходиться безъ кипятку... Конечно она при этой операции всегда охаетъ и качаетъ сердито головой, но перестала думать, что я злоумышленница и не желаю вашей кузинѣ Анни добра. Мы съ ней теперь большие друзья, особенно съ прошлаго воскресенія, когда я сама отвезла ее въ русскую церковь къ обѣднѣ. Она очень успокоилась, убѣдившиесь, что за границей

не весь „язычники“, а „встрѣчаются православные люди“... Чуть ли она тамъ, послѣ обѣдни, не перезнакомилась со всеми вашими соотечественниками... По крайней мѣрѣ разсказовъ было столько, что миссъ Анни смѣялась сердечно.

Мы теперь ожидаемъ прїѣзда графини Стрѣльневой. Она телеграфировала, что они здѣсь будуть че-резъ недѣлю, всей семьей, проѣздомъ въ Біаррицъ. Тогда рѣшился, куда мы ѿдемъ: съ ними-ли на море или прямо въ горы... Родные кузины вашей настаниваютъ на морскомъ курортѣ и даже находять, что миссъ Анни горный климатъ совсѣмъ не нуженъ... Графиня, ея тетушка, желала бы увезти ее на берегъ моря до октября, а тамъ—прямо въ Ниццу. Но, какъ вы знаете, весь доктора, не исключая и вѣнскихъ профессоровъ, подтвердили мнѣніе московскихъ медиковъ, находять что море намъ вовсе не нужно, что оно даже можетъ еще болѣе разстроить первы вашей кузины. Они единодушно посылаютъ насъ въ горы, въ чистый воздухъ,—не зараженный міазмами, какъ бѣдная Ницца,—этотъ пріютъ и гробница чахоточныхъ,—въ теплый, но не жаркій, а главное не вѣтреный климатъ. Это именно то, что мы можемъ найти на югѣ Австріи, въ Тиролѣ или Баваріи.

Сестра матери миссъ Анни сама желаетъ посовѣтоваться о племянницѣ съ вѣнскими знаменитостями... Пускай!.. Но вѣдь мы имѣли письма московского семейнаго врача вашего къ здѣшнему профессору-специалисту, и онъ уже подтвердилъ намъ его опредѣленіе. Даже указалъ намъ мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, надо намъ провести осень и зиму. Кромѣ того, онъ рекомендуетъ тихую, чрезвычайно регулярную жизнь, а вѣдь у тетушки миссъ Анни такая большая семья—и взрослая молодая барышни и маленькия дѣти. У нихъ, наѣбное, шумный образъ жизни. Какое-же спокойствіе для больной?.. Положимъ, миссъ Анни не больная и не считаетъ себя таковой, а просто первно разстроенный и слабый отъ природы

субъектъ; но тѣмъ не менѣе жизнь въ большой и къ тому же мало ей знакомой семье совершенно ей не годится...

Да она и сама не желаетъ оставаться у графини. Она много разъ мнѣ говорила, что кузина своихъ совсѣмъ не знаетъ, а дядю, графа Стрѣльнича, даже немножко боится... Когда они пріѣзжали въ Москву, на похороны ея матери, тетка ея показалась миссѣ Ани такой суетной и равнодушной, а мужъ ея такимъ сухимъ, холоднымъ и гордымъ, что она и теперь боится ихъ пріѣзда. Я, разумѣется, увѣрена, что она ошибается, и такъ ей это и говорю; но она упорно повторяетъ, что не любить родныхъ своей матери, что вы—близкіе ея отца, — единственныя ея родные, которыхъ она любить и уважаетъ, а съ другими не хочетъ имѣть ничего общаго...

Я надѣюсь, что знакомство съ семьей графа Стрѣльнича измѣнитъ ея рѣшеніе. Я искренно желаю, чтобы она сошлась и полюбила своихъ кузинъ и кузеновъ; но должна сознаться, что была бы чрезвычайно огорчена если-бъ намъ пришлось вступать въ незнакомую, большую семью, гдѣ, я очень этого боюсь, спокойствіе дорогой миссѣ Ани было-бы неувѣренно... Тѣмъ болѣе, что ужъ я, конечно, бы потеряла всякий авторитетъ. Я надѣюсь, что это общее желаніе наше,—поэтому что я должна сказать, что няня, Aydot Thominichna почему-то не любить графини и еще гораздо болѣе меня враждебна проекту нашего возвращенія въ ея семейство; итакъ, мы надѣемся, что наши желанія, а главное—указанія докторовъ, превозмогутъ, и что мы не поѣдемъ ни въ Біаррицъ ни въ Остенде, а двинемся изъ Вѣны на югъ, въ горы.

Покамѣсть миссѣ Ани очень довольна нашими прогулками здѣсь. Погода прекрасная, и я не даю ей застаиваться въ сумракѣ сырыхъ, холодныхъ храмовъ или уставать въ залахъ безконечныхъ картинныхъ галлерей и музеумовъ, а больше держу ее на

солнышкъ, ереди чудныхъ цвѣтниковъ и аллей здѣшнихъ садовъ и парковъ.

О! Но я замѣчаю, что мой „первый аккордъ“ грозить превратиться въ длиннѣйшую сонату... Пора закончить, чтобы вамъ не надоѣсть болтовней старой дѣвы, вась искренно любящей.

Ваша истинно *Lettina Willis.*

II.

**Отъ Анны Александровны
Берестиной ея двоюродной
сестрѣ, Катеринѣ Сергеевнѣ
Берестиной.**

Въ Самару.

Вѣна. Августа 7 (19) 189*.

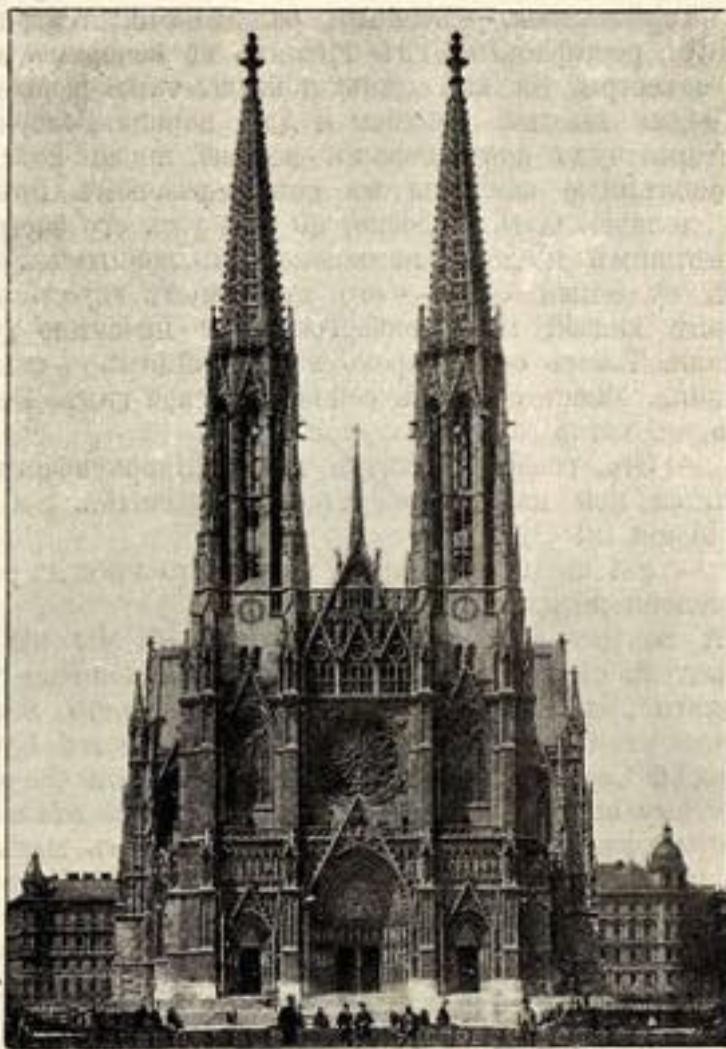
Голубушка моя, Катичка, здравствуй! Что-жъ это ни одинъ изъ васъ еще мнѣ не писалъ?... Вотъ цѣлыхъ пять дней, что мы въ Вѣнѣ, „въ басурманской Австріи,“ —какъ выражается Авдотья Фоминична. Жду — не дождусь съ Волги вѣсточекъ, а ихъ нѣть какъ нѣть!.. Отъ Манички изъ Парижа получила коротеньку записочку, которую и посылаю; даже отъ Феди и Юленьки изъ Брайтона письма удостоилась,— тоже вамъ отправляю; а отъ тебя съ Алешей ни сло-вѣчка!.. Это стыдно!.. Онь—лѣтній и къ тому-же великий художникъ; не теперь, такъ въ будущемъ непремѣнно: „великий русскій художникъ“, —Федя совершенно правъ!.. Ну и Богъ съ нимъ, если онъ не хочетъ доставить удовольствія своей бѣдной больной сестренкѣ. Лгу: я совершенно здорова. (Но ты ему этой приписки не показывай, Катюша, потому что я хочу его разжалобить!) А тебѣ грѣшно меня забывать и къ тому же дѣлать пробѣлы въ нашей литературной мозаикѣ...

Не хотѣла я тебѣ писать первая, да ужъ такъ-и-быть!.. Можетъ вы тамъ, бѣдные, въ вашихъ Жигулевскихъ горахъ разочаровались? Можетъ бѣгаете до-устали въ напрасныхъ розыскахъ сюжетовъ для Але-шинскихъ „жанровъ и пейзажей“, такъ что ужъ вамъ не до переписки?.. Богъ съ вами! Буду писать вамъ о нашихъ здѣшнихъ прогулкахъ.

Читайте, бѣдненькие, и казнитесь, что отказались съ нами поѣхать, стараясь воздержаться отъ грѣха зависти,—не то мнѣ вась станетъ еще болѣе жаль!

Если-бы вы видѣли, какая прелестъ здѣшнія окрестности и виды на Дунай и горы!.. Miss Willis восхищается вѣнскими садами и парками, а въ особенностяхъ цвѣтниками Штадтъ-Парка; но я не скажу, чтобы они мнѣ особенно нравились. Они удивительно *тренированы*,—я съ ней согласна, но именно этой-то искусственности и не люблю... Эти цвѣтники не гряды и клумбы вольно растущихъ цвѣтковъ,—какъ у насъ въ Берестномъ или Сергушинѣ, а какіе-то арабскіе или персидскіе узоры, выведенны словно кистью по свѣтлой, подстриженной муравѣ разноцвѣтными травами, тоже все какими-то необыкновенными: бурыми, зелено-синими, красно-желтыми или черно-малиновыми листьями. Очень искусно,—слова нѣть, но это растительные арабески, а совсѣмъ не цвѣточные гряды. Въ нихъ тронуть нельзя цвѣтка, чтобъ не нарушить симметріи... Что жъ это зацвѣтники?..

Точно такъ же и деревья и кусты. Все подстрижено, все расфигурено! Представь себѣ, въ Шенбрунѣ, напримѣръ, въ прекрасномъ подгородномъ паркѣ Марии Терезіи, совсѣмъ нѣть простыхъ тѣнистыхъ аллей: всѣ деревья обозражены, передѣланы въ какія-то фигуры, арки, шары, стѣны. Стѣны, вдругъ въ нѣсколько саженей вышиной, гладко-прегладко подстриженны!.. Идешь—словно въ зеленомъ коридорѣ прогуливаешься... Ну развѣ это хорошо?.. Также и въ хорошенькомъ Аугартенѣ, саду Іосифа II, и во многихъ мѣстахъ Пратера. Но этотъ загородный паркъ

Соборъ св. Стефана въ Вѣнѣ.

не весь измученъ садовниками, какъ бѣдныи Шенбрунъ, онъ слишкомъ великъ; туда вся Вѣна ъздить кататься верхомъ и въ экипажахъ, и онъ переполненъ зрѣлицами, — всячими балаганами, театрами, играми, ресторанами, гдѣ гремятъ по вечерамъ всякие оркестры. На всѣ цѣны и вкусы тамъ развлечения,—для высшей публики и для народа. Говорить, Пратеръ чудо какъ хорошъ весною, когда всѣ его великолѣпные каштаны въ свѣтло-розовомъ цвѣту. Это должно быть чудесно, но мы ужъ его застали отцвѣтшимъ и даже немножко запыленнымъ... Но вотъ чудесный садъ, — это въ самомъ городѣ при дворѣ князей Шварценберговъ. Мы нечаянно туда попали. Ъдемъ себѣ черезъ мостъ, видимъ — статуя конная... Миссъ Уиллissъ сейчасъ за свой гидъ, Бедекера, съ которымъ неразлучна.

— Это, говорить, статуя князя Шварценберга, а вотъ за ней паркъ, пишутъ,—прекрасный... *Set us try to get in!**).

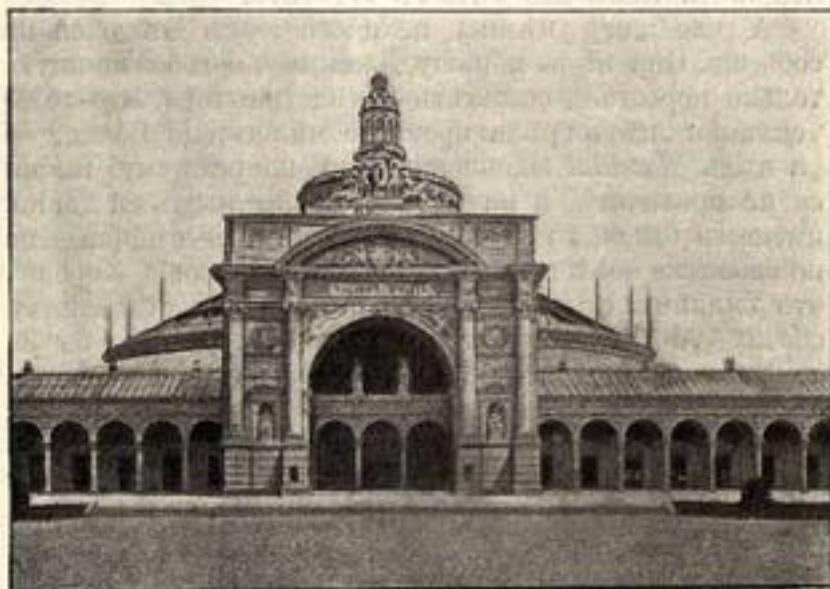
— *Set us try!*—отвѣчаю, потому что я всегда рада въ зелени посидѣть.

А вечеръ бытъ чудный, солнечный. Мы же въ тотъ день съ нею устали отъ осмотра безконечно-громаднаго „Kunsthistorisches“ Музеума,—просто мозгъ и глаза утомились отъ впечатлѣній и пестроты! Пусть Алексѣй Сергеевичъ не воображаетъ, что я сейчасъ буду ему описывать разные *chefs d' oeuvres* итальянской и фламандской школъ, которые тамъ видѣла: ни-ни!.. Пусть самъ прѣѣзжаетъ смотрѣть. У меня уже все перепуталось въ памяти,—такъ тамъ всего много. Я ужасно люблю картины,—ты знаешь, особенно пейзажи (кстати: я себѣ чудесныя краски купила и туристскій альбомъ-ящикъ, на которомъ всюду рисовать удобно. Хочу съ натуры малевать,—пусть нашъ Ачеша трепещетъ моей конкуренціи); но когда я вижу слишкомъ много картинъ, я теряюсь и устаю

* Попытаемтесь туда войти.

до того, что теряю способность отличать Рафаэля отъ разрисованного подноса.

Ну и вотъ, очутились мы съ моей милой Уилличкой въ паркѣ, небольшомъ, по прелестномъ! Такомъ прелестномъ, что я сразу рѣшила на другой день, послѣ обѣдни,—а была суббота,—притащить сюда свою старенькую и притащила! И моя Дунечка очень довольна была! Хоть разумѣется, вначалѣ, морщилась и отчаянно вопила: „И что *всамдѣли!* Куда ты меня

Ротонда въ Платовѣ въ Венѣ.

тачишь?.. Вотъ еще,—катать меня по чужимъ городамъ, да на гулянья выдумала... Людей пугать?.. Чтобъ еще нѣмцы подумали, что ты со старой обезьянкой катаешься!“ Я, разумѣется, никакого вниманія на ея протесты не обратила, нарядила ее въ ея новый ватерпруфъ,—и повезла въ гости къ принцамъ Шварценбергъ. И она потомъ сама рада была! Все восхищалась, гуляя по этому трехъярусному саду,—онъ на трехъ террасахъ расположень да такъ, что

идешь — идешь, — вотъ, кажется, конецъ ему: аллеи упираются въ зеленую стѣну, покрытую плющемъ и розами, или же въ гротъ съ каскадами, которые бьють изъ преграждающихъ дорогу скаль... Нѣть больше ходу, кажется, — а нѣть: заглянули мы въ крайніе уголки, а тамъ узенькія крытыя аллейки, между кустами и камнями, вверхъ ползутъ и вновь вѣсть приводятъ въ чудесный садъ... Такъ онъ обманно, хитро устроенъ. Няня все повторяла: — „Вотъ хитрые эти нехристи! Какъ все умѣютъ устроить!“

А что „всѣ нѣмцы нехристи“, — съ этого ея не собѣшь. Она вѣдь и нашу Джемиму, богобоязненнную, только перестала сожалѣть вслѣдствіе того, что-де, — „сказано: „нѣть грѣха превыше милосердія Божія,“ — „а вѣдь *Дженни Яковлевна* (она попрежнему имѣнія не призналась, а называлась, привычнымъ ей давно, именемъ бывшей маминой гувернантки), — бѣдная, — не по своей-же волѣ въ басурманствѣ родилась!“ Хорошо, что Уилличка не догадывается о такихъ разсужденіяхъ своей *Aydot Thominichna*, а то еще потерпѣло бы ей хорошее мнѣніе о ней... Перестала бы она говорить о моей Дуняшечкѣ: „she 'snot learned, but wery clever, indeed“,* — а я непремѣнно хочу, чтобы онъ другъ друга всегда любили и уважали.

Пробовала я своей старой упрямщицѣ доказывать, что не одни мы, православные, Христа и Богородицу славимъ; показывала адѣшие храмы, — св. Стефана, Августинскую церковь, съ ея чуднымъ памятникомъ на гробницѣ Маріи-Христины **), нѣть, ничто не береть! — „Что же, говорю, неужели тебѣ не нравятся эти алтари, эти чудесныя мраморныя статуи?“ — „Какіе такие алтари, когда они открыты? — отвѣчаетъ. Что-ли бываются алтари безъ царскихъ дверей?.. А статуи хороши, что говорить! Только не внутри церквей имъ мѣсто... Пусть бы наружу ихъ ставили, а въ храмѣ

*) Она не образована, но очень умна!

**) Дочь императрицы Маріи-Терезіи, умершая въ молодыхъ годахъ.

Божиємъ святымъ иконамъ мѣсто, не каменнымъ кукламъ!" И на мраморный изображенія *Доброты*, *Милосердія* и *Созерцанія* Кановы указываетъ!.. Я начинаю терять надежду на возможность развить и образовать мою старенькую, Катюша!.. Она не поддается даже образовательной силѣ путешествій.. Для нея „акромія" Россіи и русскихъ ничего не существуетъ, право!.. Представь себѣ, что она даже увѣрена, что кромѣ русскаго языка никакого другого нѣть, а что французы и нѣмцы—„взяли да нашъ говоръ на свой ладъ и переничили"...

— На что они шляпу—въ шапу, воду—въ вѣтру, тарелку—въ таллѣръ, картофель—въ картофельнъ, сахаръ—въ сукеръ и все вотъ такъ-то передѣлали?.. Вонь, нѣмчуры! Даже наши дрожки—*дрожкенами* называютъ!.. А ты говоришь, —*свои языки!*.. Какие тамъ свои? Ничего хорошаго у нихъ своего нѣть, а только у насъ перенили все, да по-своему переничили...

Пробовала я ее спрашивать: „Такъ отчего - же, няння, ты ихъ не понимаешь?"

— Да вотъ, говоритъ, оттого и не понимаю *всюю*, что они на свой ладъ всѣ христіянскія слова переверкали.

Что съ ней будешь дѣлать?.. Придется отказаться отъ ея просвѣщенія.

Но Авдотья Фоминична меня увлекла отъ другихъ сюжетовъ. Ужъ очень субъектъ она интересный!.. Заговорить о ней—и не оторваться!

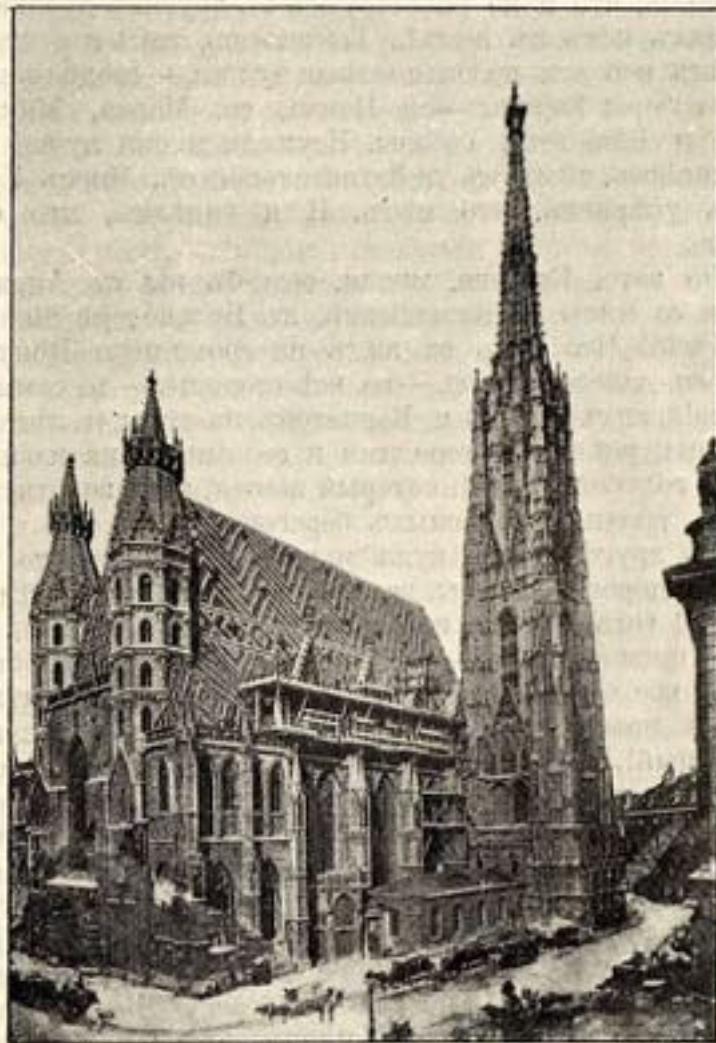
Ну, ужъ хоть я и запоздала,—а мнѣ не велять поздно сидѣть,—но такъ и быть возьму еще одинъ листокъ бумаги... Вотъ бѣда! Не умѣю я обстоятельно и интересно писать,—но ужъ ты прости меня, „малолѣтку неразумную", — помнишь, какъ меня тети Кати называла?.. Ужъ я все же спать не лягу, не рассказавъ тебѣ, что мы вчера чудесно по Дунаю прокатились, а погомъ въ вагонахъ съ какими-то крючками, цѣпляясь за поперечныя балки въ гору

ползали, — на Каленбергъ; а оттуда ужъ пышкомъ прошлись такими чудными, тѣнистыми тропинками въ лѣсу, на другую гору, Леопольдсбергъ. Это прелестъ, что за прогулка!.. Ужъ и на пароходѣ до Нусдорфа берега Дуная красивы, а потомъ, чѣмъ выше, тѣмъ великолѣпнѣе виды на окрестности Вѣны и на самый городъ. Что за игрушки здѣсь городки и деревушки: всѣ въ зелени, въ цвѣтахъ, со своими старинными церквами, съ пестрыми домиками, красивыми фабриками и даже съ кладбищами-цвѣтниками, сплошь покрытыми розами!

Ахъ, Катюша! Миѣ такъ жаль, такъ жаль, что у насть въ Россіи нѣтъ такихъ живописныхъ мѣстечекъ. Не то что такихъ самихъ по себѣ,—есть и лучшія, но не такія они выхоленные, разукрашенные, какъ здѣсь... Никто о нихъ у насть не заботится, никто не устраиваетъ, а вѣдь не отшлифованый, какой бы ни былъ драгоценный камень, такъ не можетъ быть красивъ, какъ отдѣланный. А здѣсь самые бѣдные крестьяне заботятся о красѣ своихъ домовъ и садовъ. И какіе они уютные, живописные съ виду, всѣ въ въ ползучихъ растеніяхъ, въ виноградникахъ, въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ.

А эти дорожки по горамъ, огороженные, установленные лавочками и бесѣдками въ тѣхъ мѣстахъ, где лучшіе виды, где отдохнуть пріятно въ тѣни, глядя на красивыя мѣста. А фонтаны ихъ, водопады, потоки чистые, пѣняющіеся, съ переброшенными живописно мостиками!.. Не знаю, какъ дальше будетъ, — Джемима увѣряетъ, что югъ Австріи, куда мы думаемъѣхать, еще красивѣе. Оно такъ и должно быть: тамъ горы выше, природа величественнѣе; но миѣ ужасно привратся окрестности Вѣны!.. Вотъ храмы, старинный соборъ св. Стефана, не такъ миѣ понравиались, какъ я ожидала... Не то чтобы онъ не былъ удивителенъ со своей рѣзьбой, съ рельефными фигурами, выбитыми въ гранитѣ; но онъ какои-то тяжелый, мрачный и потомъ не только снаружи, но даже внутри — всѣ

востоке, к западу от центральной части, и востоке от неё, на северо-западной оконечности острова, возвышается крест моря, сплошь покрытый ледяными листами. На склоне — обширный лес, состоящий

Церковь в Вене готического стиля.

эти гады, жабы, чудовища, производяще тяжелое впечатлѣніе. Я не того ожидала отъ прославленного вѣнскаго пятиглавкового собора St. Stephanskirche. Надѣюсь, что я не разочаруюсь въ другихъ древнихъ храмахъ какъ въ немъ!.. Ты знаешь, какъ я мечтала видѣть всѣ эти прославленныя чудеса,— средне-вѣковые соборы Европы,— св. Павла, св. Марка, Миланскій и Кельнскій соборы. Неужели и они лучше въ описаніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительности?.. Миссъ Уиллъ увѣриетъ, что нѣтъ. И я надѣюсь, что она права.

Но зато, Катюша, милая, если-бы вы съ Алешей были со мною на Каленбергѣ, въ Бельведеръ Stephansniewarte! Что тамъ за видъ на громадную Вѣну и далеко, далеко за нею,— во всѣ стороны,— до самыхъ Штирійскихъ Альпъ и Карпатовъ, на горы, и лѣса, и долины, усыпанныя городами и селами, и на извилистый голубой Дунай, который вьется, какъ золотистая лента, среди живописныхъ береговъ.

Съ другой горы, куда мы легко прошли по чудесной дорогѣ, любуясь все время,—видъ пожалуй еще лучше! Онь гораздо пространнѣе; но я не успѣла на него насмотрѣться,— несносная Джемима торопила меня, все боясь, что солнце зашло, что будетъ сырь, что я простужусь... А вечеръ былъ такой теплый, чудесный!.. Мнѣ очень хотѣлось опять на пароходъ, но она и слышать не хотѣла: заперла меня въ вагонѣ, еще слава Богу, что не въ трамвай! Она ужъ приговаривалась къ нему, чтобъ не пройти немножко дальше, но я взбунтовалась, и мы вернулись желѣзной дорогой.

Знаешь, это была такая чудесная прогулка, что мнѣ даже ночью снились ея подробности,— право! Чудная тѣнистая дорожка по берегу Шрейбербаха, бюстъ Бетховена, на его Bethovenengang (онъ страшно любилъ эти мѣста!), теченіе Дуная и его хорошенкіе островки, которые издали, ну, точно изумруды, разбросанные по блестящей лентѣ. А въ какихъ облакахъ заходило солнце,— если-бы ты видѣла его съ вершины

Леопольдеберга! И какъ горѣли, розовѣли и сіяли зарумяненные имъ воды, облака, лѣса и горы... А какъ, потомъ, среди всей этой фантасмагоріи цвѣтовъ, зацвѣтилась бѣлымъ электричествомъ и желтыми огоньками Вѣна, сквозь голубоватый туманъ, въ которомъ она тонула... Ахъ! Если-бы только Алеша смотрѣль со мною на всю эту дивную красу!

Ну, довольно! Запечатаю — не перечитывая, а то еще, пожалуй, захочется что-нибудь прибавить... А мои пѣстуны обѣ стоять надъ душой: старочка моя увѣщааетъ меня, соннымъ голосомъ, скорѣе ложиться, а Джемима рѣшительно грозить потушить мои свѣчи.

Смотрите же вы, волгоплаватели: жду писемъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ мое, а не то разсержусь и не дождется вы отъ меня ни строчки.

А пока цѣлую обоихъ крѣпко.

Ваша Анютка.

III.

Отъ Анны Александровны
Берестиной.

Парижъ. M-me Laroche,
для передачи Марѣ Михайловнѣ Сахновичъ.

Вѣна. 9 августа (21) 189 *. Ч.

Милочка моя, дорогая Маня!

Вчера получила твоё коротенькое письмечко, а сегодня ужъ отослала его Катѣ, вмѣстѣ съ уморительнымъ письмомъ Феди о его похожденіяхъ „въ странѣ Джоновѣ Булей“ и Юленъкинымъ, въ которомъ она просить позволенія присоединиться къ нашему „Обществу мозаичной корреспонденціи“. Я уже отвѣтила ей, что мы, разумѣется, все будемъ очень, очень рады ея участію въ нашей затѣѣ, потому что мы вѣдь, ты знаешь, условливались писать не простыхъ письма о

своихъ дѣлахъ, а передавать въ нихъ все, что узнаемъ интереснаго въ нашихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту; исторіи, легенды, всякія *интересныя* описанія и разсказы должны ихъ „иллюстрировать“, какъ опредѣлила моя Джемимочка. Такъ подумай же, какія занимательныя вещи можетъ сообщать намъ наша молоденькая тетушка, такая умница, такая краснорѣчивая изъ своего новаго отечества, Англіи!.. Я ей такъ и пишу: „Нашъ корреспондентъ изъ страны Джона Буля—ненадеженъ по малолѣтію и по лѣни, въ которой онъ въ своего старшаго братца, а вашего родного племянничка, живописца-академика, уродился. Къ тому же онъ юмористъ (не даромъ просилъ позволенія псевдонимомъ „*Скалозубъ* — въ буквальномъ смыслѣ“ подписьваться). Нашъ мистеръ Фредди павѣрное будетъ отдѣльваться коротенькими, смѣхоторными посланіями; а вы,—„говорю“,—въ качествѣ супруги *достопочтеннало* мистера Вальтера Эйртона, будущей леди паресы Соединеннаго Британскаго Королевства такое пріобрѣтеніе для задуманной нами „бархатной книги“, что мы всѣ въ восторгѣ и благодарности вамъ пришлемъ дипломъ на титулъ нашего „Почетнаго корреспондента“.

Миссъ Уиллissъ въ восхищениі. Она всей душой раздѣляетъ эту затѣю и только жалѣть, что еще неѣть у насъ „членовъ-корреспондентовъ“, которые писали бы по-французски и по-нѣмецки, какъ она сама пишетъ по-англійски... Это, разумѣется, съ педагогической точки зрѣнія. Вотъ видишь ли, по ея мнѣнію,—наша переписка должна быть „интернациональной лигой“. „Всякий долженъ писать на какомъ языкѣ угодно,—изъ четырехъ нарѣчий гospодствующихъ въ Европѣ“ — говорить она. Хорошо еще, что ограничиваетъ число... Она увѣрена, что всѣ мы будемъ переписываться *такъ интересно*, что — „все равно“ — переписка наша будетъ переведена въ Англіи, Германіи и Франціи, „если мы захотимъ ее напечатать“... Только

этого недоставало,— не правда ли? Нась будуть переводить и печатать!

Я подозрѣю, что моя Уилличка *меня* ублажасть такими предположеніями.

А впрочемъ она очень серьезно написала Юленъкъ, что просить ее и надѣется, что она *тоже* иногда будетъ писать по-англійски, ради того, чтобы ея, Джеммы Уиллисъ письма, не являлись бы одиночными вставками на иностраннѣмъ языкѣ.

— Your cousins' auntie is such a darling *) — заявляетъ она, что, я увѣрена, она не откажется меня порадовать согласіемъ».

— Въ такомъ случаѣ не попросить ли намъ т-те Laroche да кстати и Манечку (miss Мегу, какъ она тебя называетъ), — писать намъ французскія письма? предложила я ей. У старенькой Юленъкиной и Катиной гувернантки навѣрное найдутся теперь въ Парижѣ ученицы всѣхъ націй; вотъ мы и попросимъ Мери залучить для насъ еще какую-нибудь американочку, а то и нѣмочки, какую-нибудь, изъ своихъ новыхъ подругъ... Ужъ тогда у насъ точно будетъ интернациональная переписка!..“

И представь себѣ, милочка, что она обрадовалась и схватилась за мою шутку, какъ за серьезную возможность. Смотри, — еще напишетъ т-те Ларонгъ.

Я пишу тебѣ всѣ эти подробности частно, для одной тебя, письмомъ не въ счетъ абонемента. Помнишь, я предупреждала тебя, что ты иногда будешь получать отъ меня письма помѣченныя буквой „Ч“, то-есть *частное*; и что такія письма ты будешь оставлять у себя или рвать, какъ хочешь, но только не отсылать другимъ, въ общее собраніе нашихъ циркулярныхъ писемъ. Вотъ это одно изъ такихъ. Хотя въ немъ еще ничего *такою* нѣть, по зачѣмъ обижать мою добрую Уилличку?.. Богъ съ ней!.. Пусть ее думаетъ, что я такой ребенокъ, что все меня тѣшить,

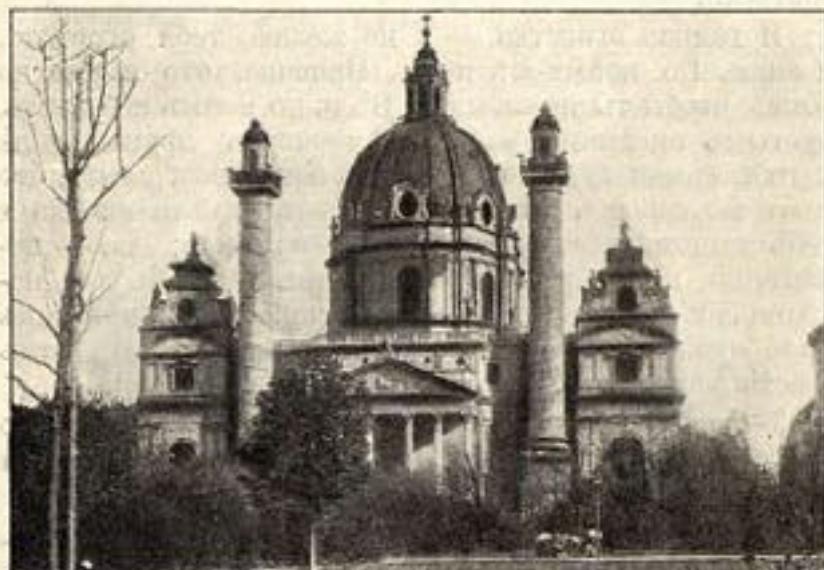
*) „Тетушка нашихъ двоюродныхъ сестеръ и братьевъ такая милочка“...

и что я върю всему, — вѣмъ ухищреиамъ ся для моей забавы и удовольствія. Она дѣйствительно любить меня, какъ роднаѧ,—какое! Гораздо больше иныхъ родныхъ! Чего только она не измышила, чтобы развлечь меня и заставить забыть главную причину моей высылки изъ Россіи на неопределеное время. Какъ она слѣдить за мной! Какъ аккуратно, каждый день записываетъ малѣйшія проявленія моей болѣзни, малѣйшія колебанія температуры и какъ усиленно старается это дѣлать незамѣтно, чтобы я не думала, что она придастъ этому какое-нибудь значение, а будто бы такъ, просто выполняетъ формальность. Какъ онъ обѣ, милыя мои старушки, тихоничко совѣщаются знаками и междометіями: Джемима показываетъ Дуняшъ термометръ, объясняетъ, — какъ она должна мнѣ давать лѣкарства, въ случаѣ чего, въ ея отсутствіи; а Дуняша смотритъ и головой киваетъ, поддакиваетъ... Такъ мнѣ смѣшино иногда!.. А иногда и грустно... Только и есть у меня, что родные отца, да вотъ эти двѣ дорогія души, въ сущности мнѣ постороннія; а я — папы не знала совсѣмъ и мамочку-то едва помню!.. А ужъ про ея родныхъ — и говорить нечего... Богъ съ ними! Есть у меня братья, есть сестра Катя и ты.

Если-бы знала ты, милушка, какъ вы вѣсѧ мнѣ недостаете, особенно ты, Манечка, — ты, тоже чужая мнѣ, но такая, *такая близкая!* Такая дорогая!.. Такъ мнѣ, порою, хочется услышать твой чудный голосъ, пѣніе твое, которое, право, лучше всякихъ лѣкарствъ на меня дѣйствуетъ... Глупые эти доктора! Если-бы знали они, вмѣсто всякихъ горъ, юга, деревенскаго воздуха, послали бы меня въ Парижъ и велѣли съ тобою жить... Правда, что вѣдь ни одинъ изъ нихъ не былъ съ нами въ деревнѣ; ни одинъ тебя не слышалъ и не можетъ знать, какъ твоє пѣніе на меня волшебно дѣйствовало.

Эгоистка я. Зачѣмъ тебя смущаю?.. Учись, голубушка моя, дорогая. Учись, чтобы сдѣлаться на весь міръ знаменитостью; чтобы не одну меня заставлять

плакать отъ восторга; чтобы всѣ признали силу и власть твоего голоса и оцѣнили его чарующее, волшебное дѣйствіе на душу, какъ цѣлию я, да и саму тебя полюбили, какъ я люблю тебя... Только нѣть. Врядъ ли кто сможетъ! И вотъ, чтобы доказать, какъ я крѣпко тебя люблю, я постараюсь совсѣмъ тебѣ не писать о томъ, о чёмъ, помнишь, мы съ тобой говорили? Я напоминать больше никогда тебѣ этого не буду, но только ты, смотри не забывай *тогда* сказаннаго... И не думай, чтобы я *могла* забыть, могла измѣ-

Церковь св. Карла въ Вѣнѣ.

ниться... Я *тѣ* сдѣлаю. И чувствъ своихъ тоже не могу измѣнить: какъ не боялась того, что скоро меня ждетъ, — такъ и не боюсь. Не могу бояться, потому что твердо вѣрю въ разумъ и доброту и любовь Того, Кто насъ создалъ, а потому и знаю, что тотъ, кто самъ себѣ не врагъ, долженъ довѣрчиво предаваться Его волѣ. Я такъ увѣрена въ этомъ, что никогда ни

о чёмъ для себя не молюсь, какъ только развѣ чтоъ, если возможно, дождаться еще полтора года,— своего совершенногѣтія,— мнѣ вѣдь пятнадцать лѣтъ скоро... И то вѣдь я потому желала-бы этого, что у меня правъ было-бы больше,— передъ закономъ правъ, ты понимаешь?.. Вижу твое сердитое лицо, твои черныя нахмуренные брови... Ну, не сердись, не сердись!.. Я теперь долго не напомню, не бойся. Я только заговорила теперь, чтобы ты *окончательно* убѣдилась, что мое слово крѣпко, и что я *вполнѣ* искрѣна,— а потому ни тебѣ и никому нечего меня жалѣть и за меня бояться...

Я гадкая эгоистка,— я не желаю тебя огорчать, я знаю. Но пойми-жь и ты, Манечка, что я ужасно боюсь, чтобы ты не забыла... Вѣдь по моимъ веселымъ, пустымъ письмамъ, которыя я всѣмъ другимъ да и тебѣ самой буду писать, тебѣ легко вообразить, что я *все то* забыла. Ужь ты не сердись, если иногда я тебѣ напомню, что воля моя неизмѣнна; да, — неизмѣнна, ни въ какомъ случаѣ, даже если-бы я и поправилась совершенно, — все равно! Мнѣ самой такъ мало нужно, а я такъ страстно желаю обоимъ вамъ счастія, что ничто не измѣнить моего рѣшенія.

Теперь надолго ставлю точку. Напишу тебѣ скоро другое, общее письмо, а это, пожалуйста, прочти и сожги.

До свиданія, голубушка дорогая. Если-бы ты знала, какъ тошно мнѣ ожидать предстоящаго нашествій иноплеменныхъ, — прѣѣзда моихъ многочисленныхъ родственниковъ и родственницъ.

Твоя всегда и навсегда, моя милая,
Анютка.

IV.

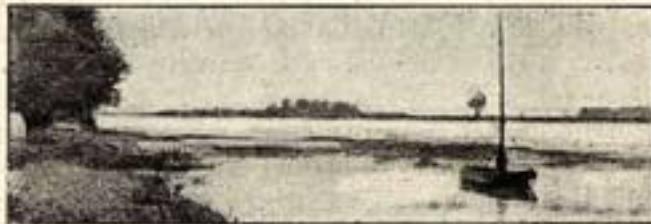
Отъ Катерины Сергеевны
Берестиной и ея старшаго
брата Алексея, Аннѣ Александровнѣ Берестиной, въ Вѣну^{*)}).

8 августа, — по вашему — 20.

Пароходъ «Русалка».

На Волгѣ. Между Угличемъ и Рыбинскомъ.

Дорогіе друзья Анюта и миссъ Уиллисъ! Вы залѣнились: мы въ Твери отъ васъ писемъ не дождались. Хорошо, что мама догадалась телеграфировать, что отъ васъ имѣеть телеграмму уже изъ Вѣны, а то мы съ Алешей беспокоились-бы. Значить вы съ пути не писали, — you, lazy people?^{**)} Ну, Богъ вамъ простить,

По Волгѣ.

какъ и мы прощаемъ, — о чёмъ свидѣтельствуютъ наши письма... Написала: *nanni* — и сама усомнилась. Алексѣй想要 исполнить обѣщаніе свое; даже сей-часъ повторялъ, что тоже „непремѣнно, непремѣнно“ сегодня же напишетъ тебѣ, Аниюта; но онъ такъ занятъ и такъ боится пропустить что-нибудь интересное,

^{*)} Всѣ письма молодыхъ Берестиныхъ, писанные къ Аннѣ и ея гувернанткѣ, на половину переведены съ англійскаго.

^{**)} Ленивый народъ.

что даже обѣдать его не уговоришь съ палубы спуститься. Если не эскизы набрасываешь, такъ въ безконечныя бесѣды пускается, да съ кѣмъ? Все больше въ третій классъ, на пость уходить или съ пароходными рабочими въ разсужденія пускается... Такъ что мнѣ за нимъ и не услѣдить! Зовешь его зовешь, ищешь-ищешь по всему пароходу, — да такъ и бросишь. Проявится. — „Гдѣ ты пропадаешь?“ — „А я, говорить, въ трюмъ или къ кочегарамъ спускался, — машину осматривалъ. Ужасно интересно!..“ Разъ было меня затащить туда, — такъ я не знала, какъ и выскочить, такая тамъ жара — адъ кромѣній!.. А это еще было на покоѣ, когда мы стояли у пристани; воображаю, какъ тамъ пріятно, когда пароходъ идетъ: печи пылаютъ, котель кипитъ, и все эти рычаги, словно громадныя желѣзныя руки ходятъ, вытягиваются, словно тебя воть-воть захватить хотятъ и въ порошокъ стереть. А онъ тамъ часами пропадаетъ, любуется и все жалѣтъ, что нѣтъ съ нимъ Феди...

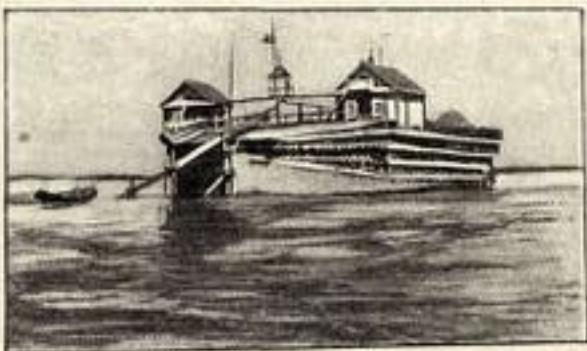
— Зачѣмъ, говорить, его папа къ Юльѣ съ Вальтеромъ услалъ?.. Будто только въ Англіи и можно учиться?.. Поѣздилъ-бы съ нами — и тутъ насмотрѣлся-бы!

Насмотрѣлся-бы, — любителемъ, какъ самъ Алеша, — но ужъ никакъ не научился-бы дѣлу, какъ научится съ дядей Вальтеромъ. Я надѣюсь, что два-три мѣсяца на берегу моря въ Англіи подвинуть нашего мальчика не только въ знаніи языка, что инженеру очень важно, но и вообще принесутъ ему большую пользу... Ничего о немъ, съ отѣзда изъ Берестного, не знаю.

Мама подозрѣваетъ, что онъ только тебѣ одной, Аня, теперь пишетъ. Такъ ужъ ты, дѣточка, пожалуйста аккуратно пересылай его царапанья намъ въ деревню, а ужъ оттуда мама меня не забудетъ. Она и пишетъ часто и на телеграммы не скучится. А папа все больше въ разѣздахъ. На той недѣлѣ изъ Москвы возвратился, а теперь къ тебѣ, туда, въ Лѣсовое поѣхалъ, размежевывать твою лѣсную дачу отъ земли

твоей тетушки, графини Стрѣльневой... Она свой лѣсъ такъ рубить, что только щепки летятъ, да скоро и тѣхъ не останется; такъ пана испугался, чтобъ ся поврѣренный по ошибкѣ и твоихъ дубовъ и сосенъ не задѣлъ, и самъ туда взглянуть побѣхалъ.

Мы чудесно провели эти десять дней. Погода — прелестъ, даже жарко въ городахъ бывало; а на пароходахъ великолѣпно, особенно вечерами. Какія мѣстечки чудесные на нашей Волгѣ-матушкѣ — залюбушься! Даже здѣсь, въ ея верховыхъ, гдѣ она узенькая, мелководная; а говорятъ и сравненія иѣть, какая красота дальше, за Нижнимъ Новгородомъ, будеть. Особенно

Бѣзъна.

ниже къ Самарѣ... Мы постараемся такъ разсчитать остановки, чтобы въ Жигулевскихъ горахъ быть въ самыя лунныя ночи. Я заранѣе о тебѣ жалѣю Аня, голубка моя, что ты ихъ не увидишь со мною вмѣстѣ. Ты такъ любишь природу, такъ умѣешь все въ ней подмѣтить, всѣмъ любоваться, а я вѣдь — топорная; не изъ тонкаго воска, а изъ простой глины создана. Я боюсь, что не сумѣю тебѣ хорошо описать все, чѣмъ увижу. Развѣ Алеша поможетъ, — онъ гораздо лучшій цѣнитель, чѣмъ я, да и поэть въ душѣ... Онъ куда лучше, краснѣе разсказываетъ, чѣмъ бѣдная я, — не безъ повода съ десятилѣтия моего возраста про-

званная нашей Уилличкой „a matter of fact little housewife“ *).

Тъмъ не менѣе I shall do my best,— постараюсь, какъ умѣю, все описать по порядку. Живя въ Твери и въ Угличѣ по пѣсколько днѣй, я добросовѣстно вела дневникъ; записывала все, что видѣла и слышала и намѣрена также и далѣе продолжать; а потомъ буду выписывать изъ своей записной книги то, что всѣмъ можетъ быть интересно, въ письма мои, которыхъ должны „найти бессмертіе“ въ сборникъ, придуманномъ тобою и твоимъ хитроумнымъ Телемакомъ (въ

Т в е р ь.

юбкѣ) — о, нашъ юный Анахарсистъ (въ таковой же), отправившійся странствовать по бѣлу-свѣту. Я нарочно заявляю вамъ заранѣе, что буду руководствоваться точными свѣдѣніями, не пренебрегая даже путеводителями, хотя у насъ ихъ почти не водится; знаю, что рискаю еще упрочить свою репутацію педантки и отчасти bas bleu, но право-же я не умѣю, взявшись за дѣло, кое-какъ, спустя рукава, исполнить его. .

Въ Тверь, какъ вы знаете, мы съ братомъ прѣѣхали по желѣзной дорогѣ, безъ всякихъ приключений; а на

*) Позожительной маленькой хулиганкой.

другой же день отправились гулять и кататься по городу и за городъ. Это хорошенъкій тихій городокъ на высокомъ берегу Волги. Теперь онъ не имѣть большого значенія въ политической и торговой жизни Россіи, но когда-то имѣль его, когда въ немъ княжили удѣльные князья. Онъ старинный городъ—живеть ужъ восьмой вѣкъ; а строилъ его великий князь

Отрочь-Успенскій монастырь.

Владимирскій, Всеволодъ Георгіевичъ. Въ Твери нѣ сколько памятниковъ старины, въ особенности древнихъ церквей. Прежде всего мы пошли въ соборъ, поклониться святому, великому князю Михаилу Ярославовичу, котораго здѣсь моши; но долго въ городѣ не оставались, потому что Алеша, не откладывая, хотѣль воспользоваться чудесной погодой, чтобы съездить на лѣвый берегъ Волги, осмотрѣть замѣчательный Отрочь-

Успенскій монастырь, а, главное, снять съ него нѣсколько эскизовъ.

Мы спустились къ пристани, наняли лодку и поплыли къ „Стрѣлкѣ“,—такъ называется устье рѣчки Тверцы, тихо впадающей въ Волгу съ противоположнаго берега, удивительно красиво расцвѣченаго весаханными полями и разноцвѣтной зеленью бабьяго лѣта. Издали старый монастырь, со своими сѣрыми стѣнами и башенками по угламъ, съ главами древнихъ церквей своихъ, представляется отжившой вѣкъ своей обителью, скрѣе развалинами, чѣмъ храмомъ, гдѣ еще живутъ монахи и правятъ службы церковныя... Но подойдя ближе, видишь, что онъ поддерживается и все еще живетъ, хотя ему перевалило за шесть вѣковъ: онъ свое основаніе считаетъ съ 1265 года. Я думала, что название его *Отрокъ-Успенскій* монастырь въ связи съ драмой въ Угличѣ,—съ убіеніемъ царевича Дмитрія; но мнѣ никто не подтвердилъ этого.

Мы вошли въ одну изъ угловыхъ башенъ. Въ нижнемъ этажѣ ея была очень древняя часовня, съ вылившимися иконами старого письма; а надъ часовней пустая каморка, нѣчто въ родѣ сторожки. Внутри ограды нѣсколько церквей, кромѣ собора во имя Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ находится гробница св. митрополита Филиппа. Это—главная достопримѣчательность этого монастыря. Намъ показывали подъ другою церковью подземелье: гдѣ, говорять, Малюта Скуратовъ совершилъ свое злодѣйское убийство... Алеша присѣть тамъ на ступеняхъ этого мрачнаго склепа, чтобы сдѣлать набросокъ въ свой альбомъ; но я скрѣе ушла на свѣтъ Божиаго яснаго солнца. Мнѣ всегда тяжело дышится въ мѣстахъ, гдѣ завѣдомо мнѣ совершились преступленія... Съ 1569 года ушло много времени, а мнѣ все казалось, что въ этомъ мрачномъ подвалѣ пахнетъ кровью убіеннаго старца-праведника, и такъ было жаль несчастнаго царя Иоанна и его злобное, но слѣпое орудіе — этого изувѣра Скуратова!

Когда я читаю о такихъ историческихъ ужасахъ или просто вспоминаю что-нибудь такое, преступное, иу право же, сама не знаю почему, по мнѣ всегда

Митрополитъ Филиппъ въ кельѣ и Малюта.

гораздо больше жаль преступниковъ, нежели жертвъ ихъ... Прежде, въ дѣтствѣ, меня даже пугало такое настроеніе моей души: я боялась въ немъ сознаться! Какъ же это я, ненавидя злодѣяніе, сочувствую убий-

цамъ и злодѣямъ?.. Но вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, что я поняла исходную точку моей жалости... Тебѣ, Анютѣ, мнѣ нечего объяснять ее; ты еще дѣвочка, но такія чувства понимаешь глубже и тоньше многихъ взрослыхъ людей, вѣроятно съ самаго ранняго дѣтства...

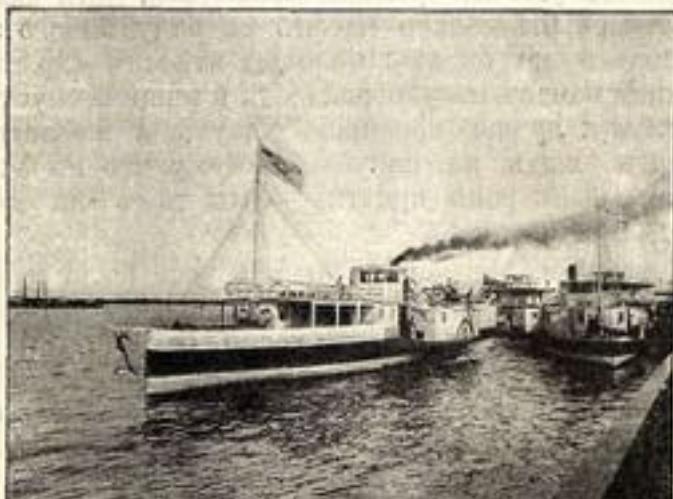
Однако я берусь философствовать, — а это вовсе не моего ума дѣло.

На другой день нашъ братецъ прикинулся меня къ знакомымъ, а самъ пропадалъ до самаго обѣда; все по городу рыскалъ съ карандашомъ и альбомомъ. Послѣ обѣда мы съ нимъ опять въ экскурсію отправились за нѣсколько верстъ отъ Твери, версты за четыре, кажется, въ другой Успенскій монастырь, Желтиковъ, по прозванию... Отчего этотъ — *Желтиковъ*, а тотъ, на лѣвомъ берегу, — *Отрочъ*, я такъ и не узнала. Попозже осенью онъ можетъ будеТЬ желтымъ отъ цвѣта листвы окружающей его густой рощи но, вообще, его вѣрище было-бы назвать *зеленымъ*. Это красивое мѣстечко на берегу рѣчки Тьмаки,— тоже странное название; но зданія монастырскія не такія живописныя и древнія.

На слѣдующее утро, въ 9 часовъ, мы уже неслись „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, но только не по широкому и глубокому раздолю, потому что хоть и миниатюренъ и плоскодоненъ быТЬ нашъ пароходикъ „Эolina“, но тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ на немъ подымалась суета, бѣгали служащіе, капитанъ отчаянно кричалъ съ рубки на вымѣрявшихъ воду и на рулевого, а мы всѣ страшно боялись сѣсть на мель... Не всѣ, впрочемъ: моему братцу даже очень улыбалась перспектива застрять гдѣ нибудь, взять лодку и побѣгать по берегамъ, въ вѣчныхъ поискахъ этюдовъ.

Въ особенности къ вечеру, когда мы проходили мимо богатѣйшаго села Кимры, разохотился онъ слѣзать. Это такое сельцо, что многие города за поясъ заткнется. Привольно раскинулось оно по высокимъ

зеленымъ холмамъ со своими каменными домами и высокими, прекрасными, богатыми словно-бы столичными храмами. И тоже на лѣвомъ берегу Волги. Я подчеркиваю это потому, что въдь всѣ лучшіе города и села Приволжья расположены по правому, высокому берегу рѣки; лѣвая же сторона обыкновенно плоская и мало заселенная; по ней только нивы да поля стелятся. Но понятно, что на протяженіи такой громадной рѣки, пробѣгающей чуть ли не по всей

По Волгѣ.

Руси православной, должны быть исключенія изъ общаго правила. И вотъ именно на такомъ исключительномъ мѣстечкѣ разрослось торговое село такъ, что уѣздный его городишко Корчева, тутъ же напротивъ него, совсѣмъ пропадаетъ въ его величинѣ и блескѣ. Кимра не только сама богатѣеть, но весь уѣздъ кормить своимъ промысломъ. Я слышала, какъ обѣ этомъ одинъ пассажиръ, мѣстный торговецъ, Алексѣю разсказывалъ на палубѣ. Онъ вѣдь со всѣми знакомится и всюду себѣ собесѣдниковъ находитъ... Такъ вотъ этотъ бородачъ въ смазныхъ сапогахъ и

высокомъ картузѣ разсказывалъ, что въ Кимрахъ выдѣлывается на всю Россію сапожный товарь, кожа и сафьянъ всѣхъ сортовъ на миллионы рублей.

Онъ называлъ нѣсколько очень извѣстныхъ фирмъ, фамиліи богачей миллионеровъ, „кимряковъ“ природныхъ. Потомъ дальше показывалъ заводъ кожевенный Потапенко,—одного изъ нихъ; а заводъ этотъ тоже такъ обстроенъ и такой богатый, какъ цѣлый городокъ.

Мы его уже въ сумерки проходили. Мнѣ сказали, что теперь нѣсколько часовъ къ ряду ничего замѣчательнаго не будетъ: молодой мѣсяцъ скрылся, и дождикъ началъ накрапывать,—я и рѣшила спуститься въ каюту: лучше пораньше уснуть, а на-завтра со свѣтомъ опять на палубу... Потому что въ Угличъ должны были рано притти,—а мы тамъ на денекъ или два оставались.

И вотъ я раньше солнышка уже была наверху. Какое чудное было утро! По свѣтлѣвшему небу упłyвали обрывки тучъ, остатки грозы, таки пролившейся ночью ливнемъ; крутые и ужъ довольно высокіе берега зеленѣли, кое гдѣ перерѣзанные мѣловымъ обрывомъ, кое гдѣ отдѣленные оврагомъ или темною рощей. Вблизи рисовался еще довольно большой городъ, который мы только что прошли; а огненно-розовая заря занималась на востокѣ, проглядывая сквозь облака яркими пятнами, румянила небо и воду и зажигала крестъ на высокой колокольнѣ, надъ упłyвшимъ отъ насть городомъ...

Я спросила проходившаго мимо матроса,—что это за городъ? Или село богатое, потому что по росписанью города никакого не должно было быть раньшести часовъ,—Углича. Мнѣ отвѣчали, что это Калязинъ... Калязинъ, мимо котораго мы должны были пройти въ два часа ночи?!. Вотъ такъ—такъ!.. Славно же мы со вчерашними отмелями или, какъ здѣсь ихъ называютъ, „съ перекатами“, запоздали!

И точно, только въ девятомъ часу на высокомъ берегу выяснился Угличъ, со старенькой церковью противъ самой пристани. Она была такая необыкновенная, такая оригинально-типичная, эта древняя церковь Фрола и Лавра, что Алеша тутъ же рѣшилъ прежде всего срисовать ее, что и исполнилъ, не мало не смущаясь тѣмъ, что такое прилежание пріѣзжаго съ „Эолины“ барина, присѣвшаго по уходѣ парохода на столбикъ у пристани, привлекло на него любопытство всѣхъ мальчишекъ и бабъ-торговокъ, продававшихъ тутъ хлѣбъ, молоко, да крутыя яйца. Смѣшилъ меня Алеша ужасно своей ретивостью. Зато какихъ только типовъ и видовъ онъ не соберетъ!.. Будеть ему надѣй чѣмъ потрудиться, если захочетъ все это серьезно разрабатывать.

Ну, теперь два слова объ Угличѣ, откуда мы сей-часъ ушли на „Русалку“, и будетъ!.. Передаю перо Алексю и даю отдыхъ своей рукѣ, проработавшей часа четыре къ ряду для васъ,—двухъ милыхъ, дальнихъ страницъ, лишенныхъ блага, которымъ пользуемся мы,—любоваться своимъ роднымъ отечествомъ.

На высокомъ, кругомъ берегу Волги высится позабытый людьми городокъ, гдѣ триста лѣть тому назадъ въ одинъ свѣтлый весенній день свершилась драма,—убить быть царственному младенцу, неповинный ни въ чемъ ни дѣломъ ни даже помысломъ, а потому и причисленный, какъ мученикъ, къ лицу святыхъ православной Церкви. На всемъ городѣ Угличѣ лежитъ печать старины и печального запустѣнія; но, разумѣется, всего тяжелѣй она легла на остатки дворца, когда-то, говорятъ, очень большого и на небольшую церковь „св. Дмитрія на крови“, построенную царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ на самомъ мѣстѣ убіенія царевича. Она потому такъ и названа, потому и выкрашена ярко-красной краской. Тяжелое впечатлѣніе производятъ эта унылая, кровавая, церковка и эта мрачная руина дворца! Наполовину облупившаяся, она смотритъ своими подсѣтниками

оконцами изъ слюды и своими оголенными кирпичами, словно сама плачетъ надъ кровавыми своими ранами, чувствуя себя отжившей и такой беспомощной среди веселой зелени деревъ, въ сосѣдствѣ съ двумя новыми, высокими соборами, зимнимъ и лѣтнимъ. Эти соборы подавляютъ своимъ величіемъ остатки древней святыни, составляющей главный интересъ Углича.

Мы въ тотъ же день обошли весь городъ.

Надъ верхнимъ этажемъ „дворца“ прибита икона св. Дмитрія. Я подчеркиваю такое название, потому что оно совсѣмъ не идетъ къ развалинѣ, въ которой уцѣлѣла всего одна спальня царевича—вверху, а подъ нею какой-то сырой подвалъ, съ провалившимся поломъ. Тамъ, еще ниже, подземелье, гдѣ хранилась княжеская казна и быль, говорятъ, во времена оны, подземный ходъ, проходившій подъ Волгой, на ей лѣвый берегъ... Теперь въ темнотѣ проглядываютъ, чрезъ отверстія проваловъ, только черные тяжелые своды; но я увѣрена, что яркая фантазія нашей миссъ Анны сумѣла бы ей тамъ нарисовать много интересныхъ и страшныхъ подробностей. Вѣдь этому зданію болѣе четырехсотъ лѣтъ; онъстроенъ въ половинѣ XV вѣка и всего два раза подправленъ: при царѣ Михаилѣ и потомъ по приказанію императора Александра I. Но въ этотъ послѣдній разъ очень неудачно! Надо было видѣть негодованіе Алеши, когда онъ слушалъ разсказъ старенькаго-престаренькаго мѣщанина, который увѣрялъ насть, что самъ, самъ прекрасно помнить „какъ Царь-Батюшка Александра Навловичъ повелѣлъ листаврацію сдѣлать“, и какъ стала „купецъ Кожевниковъ“ распоряжаться... Привель живописцевъ, а тѣ со стынъ соскребли старое письмо,— иконы и лики святыхъ, оштукатурили ихъ и расписали вновь,—„значитъ по-своему“...

Вотъ послушала-бы миссъ Уилисъ, какъ ея бывшій неугомонный ученикъ изъ себя выходилъ, бранился!.. Досталось на орѣхи „варвару“—купцу Кожевникову и его соглядатаямъ, профанамъ, загубив-

шимъ древнюю живопись нынѣшнимъ, дѣйствительно безобразнымъ малеваніемъ, которое покрываетъ стѣны единственной уцѣлѣвшей отъ дворца комнаты, обращенной въ часовню. Кромѣ множества,—тоже лубочныхъ,—портретовъ царей, понавѣшанныхъ безъ толку, мы замѣтили тамъ иѣсколько интересныхъ вещей: очень древнюю икону перукотвореннаго Спаса, надъ гробницей, въ которой монки св. царевича Дмитрія были перенесены въ Москву, и носилки, на которыхъ люди ее несли. Онъ были обиты краснымъ сукномъ, но отъ него почти и слѣдовъ не осталось, потому

Дворецъ царевича Дмитрія.

что народъ вѣрить въ цѣлительную силу этихъ обрывковъ и украдкой рвать ихъ и уносить.

Но вотъ интересную исторію намъ разсказывать церковный сторожъ въ церкви „св. Дмитрія на крови“: главный колокольня ея колокольни *сосланъ*,—его тутъ иѣть! Да, онъ сосланъ въ Сибирь царемъ Борисомъ Годуновымъ и теперь находится въ Тобольскѣ... И вотъ за какую провинность.

Когда 15 мая 1591 года подкупленый злодѣй за колольня законааго наследника русскаго престола, люди, первые увидѣвшіе младенца Дмитрія убитымъ,

бросились къ колокольнѣ бить въ набатъ. На звонъ сбѣжались угличане, захватили убійца и избили ихъ камнями. За это и бытъ снять главный колоколь; по приказу Годунова „былъ онъ битъ кнутомъ нещадно и ухо у него было вырвано,” а въ 1593 году препровождень онъ въ ссылку, гдѣ пребываетъ и понынѣ... Неправда-ли интересная характеристика и правовъ?.. Но что мнѣ очень понравилось,—это, что царевичъ

Дмитрій здѣсь почитается покровителемъ дѣтей. Представьте себѣ, друзья мои, что здѣсь память мученика-младенца празднуется два дня къ ряду, 15 и 16 мая, и второй день исключительно дѣтскій праздникъ. Оба дня крестные ходы и торжественные служенія во всѣхъ церквахъ; но въ особенности у „Дмитрія на крови“ въ нижнемъ храмѣ во имя архистратига Михаила, такъ какъ тамъ, возлѣ алтаря,

Семьшина угличской колоколъ.

находится именно то самое мѣсто, гдѣ убитъ былъ царевичъ. Въ этотъ день низкіе своды древніаго храма переполняются дѣтишками; послѣ обѣдни они идутъ всѣ въ верхнюю церковь прикладываться къ иконѣ, въ которую вмѣсто драгоцѣнныхъ украшеній вѣланы *четыре орлышика*, найденные въ ручкѣ убитаго царевича, и „ковчежецъ“, наполненный землей, напоенной его кровью...

Я тоже прикладывалась къ этому образу. Онъ обыкновенно лежитъ сверхъ плащаницы, которая по-

крываеть серебряную раку во имя св. Дмитрія и изукрашена работой его матери, инокини Мареи... Мощи его, ты знаешь, въ Москвѣ, въ Архангельскомъ Кремлевскомъ соборѣ; но на меня, сильнѣе еще чѣмъ дѣйствительна его гробница подѣйствовали эти подробности, на мѣсть, гдѣ онъ погибъ жертвой политическихъ страстей, гдѣ жила, трудясь въ его память и молясь за него, бѣдная царица - мать, склонившая въ монастырѣ свое великое горе и неутѣшныя слезы.

Въ русской исторіи немноги такихъ трогательныхъ страницъ.

До свиданія, мои дорогія. Поклонъ нянѣ Авдотѣ Фоминичнѣ. Теперь напишу изъ Рыбинска, а можетъ и позже.

Ваша всѣмъ сердцемъ
K. Берестина.

Ухъ!.. На силу-то дождался очереди. На силу отогналъ эту несносную lady Sensee отъ пера и бумаги!.. Представь, кошечка моя, бѣляночка,—битые два часа стою надъ ней и умоляю: „Пусти меня! Да пусти-же, несносная; вѣдь ты цѣлый томъ накаллиграфировала,—моему царапанью въ конвертѣ мѣста не будетъ!“ Нѣть таки! Сидитъ и строчить, сидитъ и строчить!.. Все мнѣ назло: чтобы постѣ меня обвинять въ нерадѣніи... А чѣмъ-же я виноватъ?.. На почтѣ не примутъ посылки вмѣсто письма; а вѣдь она, злодѣйка, не письмо, а цѣлый томъ изъ Россійской исторіи, кажется, вамъ настроила. Dear me! What am I to do with such an autocrat of a sister, dearest miss Willes?!.. *) Развѣ сладишь съ такимъ деспотомъ?.. Воспитали вы эту любимѣйшую изъ вашихъ воспитанницъ всѣмъ другимъ воспитанникамъ вашимъ на терзанія, — это фактъ!.. Посмотрѣли бы вы, что она со мною дѣлаетъ, и какъ я подъ ея ферулой стражду!..

*) Что жѣ дѣлать съ такимъ автократомъ - сестрой, дражайшая миссъ Уиллесъ.

Я—человѣкъ положительный, смиренный, чуть ли не на пять лѣтъ старше этой закоснѣлой моралистки. Вы сами знаете: навязалась она со мной въ артистическую мою экскурсію, какъ добрая. «Я—говорить,— буду тебѣ помогать,— карандаши чинить, палитру мыть и носки штопать». Для послѣдняго дѣла я и взялъ ее съ собой, эту „назидательную азбуку“ на двухъ ногахъ,—не даромъ ее такъ назвали съ десятилѣтняго возраста; а она,—что дѣлаеть?.. Покою мнѣ не даетъ! Ни поговорить ни съ кѣмъ ни временемъ своимъ распоряжаться не позволяетъ,—совсѣмъ меня поработила, злодѣйка... И никакого сладу съ нею нѣтъ съ тѣхъ поръ, что мы съ вами отпраздновали ея послѣднее рожденіе въ Берестномъ. Чуть я на свое старшинство сошлись, она сейчасъ въ отвѣтъ: „Мнѣ и самой двадцать-второй годъ, слава Богу; а я не виновата, что *иные люди* до старости мальчишки!“ А! Каково ехидство моей сестрицы?.. То-есть до чего вы мнѣ должны быть благодарны за то, что я ее съ собою взялъ,—васъ избавить отъ ея менторства,—вы и вообразить не можете.

Ну вотъ! Отвѣтъ душу, — пожаловался. Но зато теперь ужъ долго не ожидайте моихъ остроумныхъ и назидательныхъ сообщеній: Катерина Сергеевна не позволить мнѣ пользоваться ея перомъ и чернилами узнавъ, что я изобличилъ ея дурное со мной обращеніе; а я какъ-то позабылъ свои письменныя принадлежности дома... Я! Такой страстный охотникъ до переписки, — представь себѣ, Аничка!.. Совсѣмъ не понимаю, какъ могъ такой казусъ приключиться; но увѣряю тебя, кисочка-бѣляночка, что это единственная причина того, что я не очень часто пишу роднымъ и знакомымъ... А будь со мной такой богатѣйший письменный приборъ, какой съ собою возить миссъ Китти, — я бы всѣмъ вамъ надоѣль了自己的 письмами. Это вѣрно! Нечего тебѣ скептически улыбаться, а Джемимъ презрительно головой трясти!.. Всѣ вы обидчицы и никогда мнѣ не воздавали долж-

наго... А ужъ я ли не стараюсь заслужить... Вотъ и теперь такое дѣльное письмище настрочилъ, несмотря на бездну затрудненій и неотложныхъ занятій.

Крѣпко цѣлую киску-бѣлянку въ обѣ щечки, а до-
стоуважаемую миссъ Джемиму - Пенелопу-Каролину
Уиллисъ—въ самое ея сѣденькое темачко, какъ разъ
между раздѣленіемъ ся локоновъ. Farewell, my
darlings, ***) не забывайте меня въ своихъ молитвахъ.
И Авдотья Тимишину прошу о томъ же, съ почтитель-
нымъ поклономъ. А что, она еще не усовершенствова-
лась въ нѣмецкомъ языкѣ, проживая у нехристей
басурманскихъ? А уроки англо-нижегородского языка,
по моему усовершенствованному, for their benefit, ***)
самоучебнику, какъ идутъ у твоихъ гувернантокъ,
Анюточка?.. Не позволяй имъ лѣнтийничать... Напо-
минай, что по возвращеніи ихъ ожидаетъ строгій эк-
замень ихъ преподавателей,— самозванного альбон-
ского инженера сэра Фреди-Тэди-Феди и русскаго
вольнаго художника, васъ крѣпко любящаго

Александра Берестина.

(Пость-скриптумъ рукой Катерины Сергеевны.)

P. S. Ну скажите, на милость, какимъ вздоромъ
четыре страницы наполнить!..

Стоило писать—бумагу тратить. Если-бы знала—не
дала бы, дѣйствительно, ему ни пера ни чернилъ.
Теперь хохочеть и увѣряетъ, что его письмо для васъ
будетъ несравненно интереснѣй моего... (Что весьма
вѣроятно,—это въ скобкахъ и по секрету отъ моего
брата.) Храни васъ Богъ, милыхъ моихъ.

**) Счастливо оставаться, милыхъ.

***) Для ихъ пользы.

V.

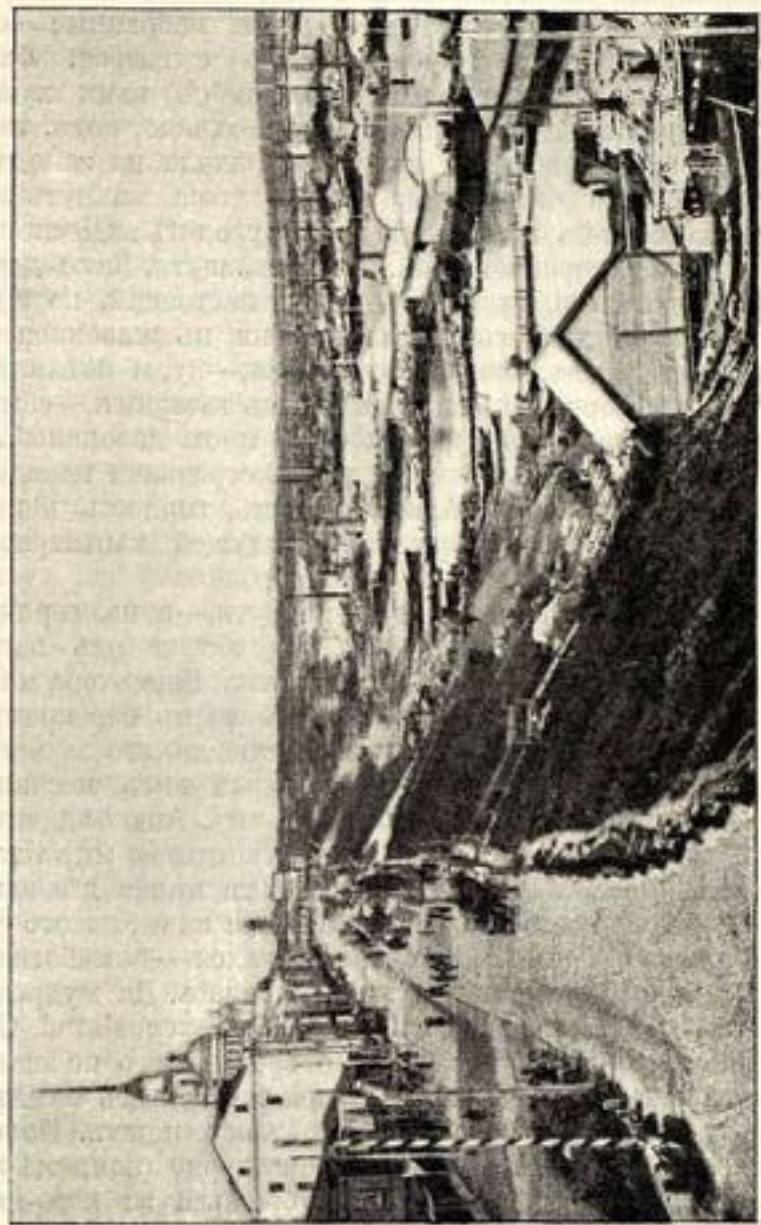
Отъ Алексѣя Сергѣевича Берестина Марьѣ Михайловнѣ Сахновичъ.

Рыбинскъ. Августа 14.

Голубка моя, здоровы-ли вы?..

Въ первую свободную минуту я побѣжалъ на почту и ничего отъ вѣсть не нашелъ. Чѣмъ такъ?.. Условіе было для общихъ писемъ — большиѳ города: Тверь, Ярославль, Нижній; а для меня — Угличъ, Рыбинскъ и всякие закоулки, гдѣ Катѣ не придетъ мысли итти на почту спрашивать писемъ... Неужели вы намѣрены не держать слова и не писать мнѣ совсѣмъ?.. Знаю, что вы противнѣйшая педантка; помню, какъ вы меня отговаривали, не соглашались „обманывать Кати“, — по вашему, совсѣмъ несправедливому и не рациональному выраженію; но вѣдь въ концѣ же концовъ я умолялъ вѣсть? Развѣ не убѣдила я васъ, скажите?.. Развѣ не дали вы мнѣ слово, что пожалѣете мѣня?.. Хоть изрѣдка бы мнѣ поглядѣть на ваши четкія, прямые, характерные строки и знать, что когда вы ихъ писали, то думали обо мнѣ, — только обо мнѣ! И для меня *одною* ихъ написали, не раздѣляя ни словъ ни мыслей вашихъ для другихъ.

Ну, да! Я вѣдь знаю, что вы думаете; вижу вашу улыбку, ваши сдвинутыя брови и презрительное выраженіе вашего лица возмущенной римской патриціанки. Вижу ихъ, любуюсь ими, чуть не плачу отъ бѣшенства, что не могу ихъ *длѣстственно* видѣть, — но не боюсь! Не боюсь никакъ. Нисколько! Именно потому, что чувствую себя правымъ, а вѣсть виноватой, — такъ вы и знайте!.. Стыдно изъ-за пустой щепетильности не порадовать человѣка, который ради вашей радости готовъ дать себя разнять по частямъ

Набережная реки Рыбинской.

и поджарить на сковородкахъ, какъ мы съ вами, было, поджаривали въ нашей рощѣ набранные боровики... Да-сы!.. Нечего, ничего смѣяться, безчувственная!.. Можетъ мнѣ разлука съ вами хуже поджаривания на маломъ огнѣ; а я, однако, вотъ, поѣхалъ же на востокъ, когда вы ѿхали на западъ, и мнѣ можно было бы и самому тоже махнуть за границу, если-бы не желаніе вамъ угодить... Деспотъ вы этакій непреклонный!.. Я, вотъ, шутя, Катю деспотомъ называю, ну а ужъ вы-то настоящій, не шуточный мой деспотъ. Послали меня въ живописи и знаніи отечества совершенствоваться,—ну, и поѣхалъ. И ѿду къ мордѣ, къ калмыкамъ, къ татарамъ,—самъ не знаю куда,—лишь бы вы были мною довольны!..

Да! А вы жалѣете меня двумя строчками порадовать,—формалистка!.. А все гордость, гордость непомѣрная; какъ можно великой будущей кантатриѣ слабость воли выказать!..

Нѣтъ, радость моя,—штути-не-шути,—а на сердцѣ тяжело у меня; тѣмъ болѣе, что вообще отъ васъ неѣть писемъ. Катя тоже беспокоится... Еще вчера мнѣ говорила, что Маруся съ одной Анею въ перепискѣ, а о насть совсѣмъ позабыла... Неужели это можетъ быть?.. На-дняхъ она въ Вѣну цѣлый томъ послала и меня заставила полтомика прибавить. Ани бѣдненькую, понятно, надо всѣмъ намъ тѣшить; но мнѣ такъ невыносимо тяжело сознаніе, что эта милая дѣвочка въ сильной опасности, что я самъ не знаю, какого ей вздору настроить. Какъ ни старался—беззаботная моя, смѣхотворная жилка не проявилась. Да мудрено было веселью проявиться въ такихъ условіяхъ! Съ одной стороны, почти мѣсяцъ о васъ ничего не знаю, а тутъ еще эта удивительная моя способность видѣть все время передъ собой того, къ кому пишу... Положимъ, въ иныхъ случаяхъ это не дурно (напримѣръ въ данную минуту!), но когда боишься за кого-нибудь близкаго и видишь его больнымъ, измѣнившимся, какъ говорятъ измѣнилась наша милая, дорогая бѣ-

ляночка,—гдѣ взять веселое настроение, чтобы ее по-забавить?.. А тут еще и за другихъ,—безжалостныхъ эгоистовъ,—беспокойство... Одна она тамъ, думается! Тоже вѣдь не застрахована,—можетъ и заболѣть и мало ли что случиться! Какъ знать, чего не знаешь?

Знаете ли вы, что отецъ вашъ былъ у насъ въ деревнѣ и говорилъ мамѣ, что не одобряетъ вашего пребыванія въ Парижѣ?.. Лучше, говорить, воробей въ рукахъ, чѣмъ синица въ облакахъ: сидѣла бы Манечка дома, помогала бы мнѣ хозяйствничать,—лучше было бы, чѣмъ послѣднія средства тратить на какія-то будущія блага. Вашъ отецъ пессимистъ и не вѣрить въ успѣхи и славу, которую все мы для васъ предвидимъ и которой я, лично, даже крѣпко побаиваюсь... Повезеть вамъ,—вы на насъ и смотрѣть не захотите.

Что со мной тогда становится?!.. Кажется, и я при-соединяюсь къ мнѣнию Михаила Васильевича: лучше-бѣ-вамъ въ Сосновкѣ сидѣть, огурцы солить, да масло сбивать, чѣмъ въ кантатрисы стремиться... Эхъ! Бѣда наша въ томъ, что мы все малымъ недовольны, а все кверху летѣть хотимъ. А вверху то солнце ярко блестить, оно правда, да только лучи его крѣпко жгутся... Исторія Икара, падающаго на землю съ обожженными крыльями, чаще въ мірѣ повторяется, чѣмъ мы то замѣчаемъ.

Вотъ и меня Катя, да и все, все въ знаменитости прочать; а куда ужъ тамъ! Очень желалъ бы я на-столько быть обеспеченнымъ, чтобы имѣть право не думать о будущемъ,—въ смыслѣ расчетовъ и выгодъ... Думаю, что былъ бы счастливъ, какъ огурецъ въ меду, если-бѣ можно было бы мнѣ весь вѣкъ скротать съ одной своей дорогой, безцѣнной, необходимой для счастія моего знакомой, хозяйствничая съ ней на иѣ-сколькихъ десятинахъ родовой земли, устранивъ вся-кіе помыслы о мірской славѣ и преуспѣніяхъ... Но, къ несчастью эта знакомая тщеславна и горда!.. Ей жизнь кажется немыслима безъ успѣховъ, безъ извѣст-ности, безъ громкой общественной дѣятельности... Не-

чего дѣлать,— приходится и мнѣ за неё тянуться! Искать мнѣ совсѣмъ ненужныхъ мірскихъ преуспѣй, ради того, чтобы отъ нея не отстать. Слишкомъ не весело было бы мнѣ стать въ безславные ряды „мужей знаменитостей”... Надо, волей-неволей, ста-раться и самому возвыситься до ея будущаго величія, чтобы не быть „послѣдней спицей” въ ея триумфаль-ной колесницѣ. Не шутя, голубочка моя, я работаю усиленно; проектовъ будущихъ картинъ у меня масса, и я надѣюсь въ этой поѣздкѣ добиться хорошихъ результатовъ. Тѣмъ болѣе, что Катюша моя сымаетъ сь меня всѣ путевые заботы и хлопоты.

Если только отъ васъ получать хоть разъ въ мѣсяцъ вѣсточку, доброе, теплое словечко на поощреніе и поддержку,— я бы совсѣмъ былъ счастливъ... Раз-умѣется настолько, насколько можетъ быть счаст-ливъ вдали отъ васъ, вами одной живущій, горячо и преданно любящій васъ, вашъ, на всю жизнь,

Алексѣй Берестинъ.

VI.

Три письма **Мары Михайловны Сахновичъ**. 1-е Михаилу Васильевичу Сахно-вичъ. 2-е Алексѣю Сергеевичу Берестину и 3-е Аннѣ Але-ксандровнѣ Берестиной.

Парижъ. 14 Августа (26).

Милый папа, будь, ради Господа, спокоенъ за меня и не тревожься никакими заботами: ни денежными, ни о здоровье моемъ, ни о сердечныхъ моихъ треволненіяхъ,— какъ ты выражаяешься.

Денегъ мнѣ надолго хватить. Добрѣйшая Тереза Яковлевна (она плѣтъ тебѣ поклонъ) съ меня берегъ всего 4 франка въ день, за все-про-все. Кормить всѣхъ

квартирантовъ, даже не такихъ ѿбалованныхъ какъ я, прекрасно; заботится о дочери „de ce bon Michel Basilitch“, словно о какой-нибудь принцессѣ и не позволяетъ мнѣ заболѣть, какъ бы я сама о томъ ни старалась. У нея такое благоговѣніе ко всѣмъ Берестиннымъ, что она распространила бы свои заботы на всѣхъ друзей ихъ и сосѣдей, даже если бы я сама не была въ числѣ ея ученицъ, чутъ не живя въ Берестномъ больше чѣмъ въ Сосновкѣ, пока была дѣвочкой, а т-те Laroche жила тамъ гувернанткой.

Парижъ съ птичьего полета.

Затѣмъ, милый папа! Перестань ты ради Бога сокращаться обо мнѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Я съ тобою не могу согласиться: у насъ съ Алешей не дѣтскій романъ, а сознательная честная привязанность, которая скорѣе усиливается тѣмъ, что она началась съ дѣтской дружбы, а не съ первого взгляда вспыхнула, и никакъ не умалняется. Онъ меня любить не меныше, чѣмъ я люблю его; по именно потому, что мы оба другъ друга любимъ не эгоистично, мы и заботимся другъ о другѣ и не рѣшимся на иеразумный,

преждевременный бракъ. Ты знаешь, что оба мы могли бы давно стать мужемъ и женой, если бъ сами не сознавали необходимости ждать, ради болѣе прочнаго, нашего же счастія. Когда онъ и я будемъ вполнѣ увѣрены въ независимомъ кускѣ хлѣба, — тогда и обвѣнчаемся. За многимъ я, для себя, не гонюсь, но ни за что не хотѣла бы быть бременемъ на изживеніи мужа и въ полной зависимости отъ него. Потому я и не избрала, изъ Богомъ данныхъ мнѣ музикальныхъ способностей *исключительно* самой блестящей, самой мною любимой и цѣнной выше всѣхъ остальныхъ, — пѣнія. Это — чудный даръ, за который я горячо благодарна Богу, но онъ не такъ проченъ, какъ общее знаніе музыки. Я чуть ли не больше теперь занимаюсь музыкой, чѣмъ пѣніемъ. Я хочу, какъ французы говорятъ, имѣть *deux cordes à mon arc*. Хочу имѣть право учить и пѣнію, пока голосъ не пропадетъ, — вѣдь горло, ты знаешь, самый непрочный въ мірѣ инструментъ, — и музыку знать въ теоріи и на практикѣ, — для тѣхъ же наущенныхъ заработковъ.

Вѣдь это вздоръ, что всѣ меня „кантатрисой“ прославили. Какая тамъ кантатриса? Такихъ пѣвицъ, какъ я — тысячи! Я о сценѣ и не думаю; но думаю непремѣнно добиться солиднаго знанія музыки и всѣхъ правъ на ея преподаваніе. Пѣніе — это моя роскошь, мое наслажденіе! А знаніе генераль-баса — мой будущій хлѣбъ. Увѣрю тебя, что я не увлекаюсь мечтами о славѣ, какъ ты думаешь, и не въ ней ищу счастія... Я очень благодарна покойной тетушкѣ за оставленные мнѣ три тысячи, безъ которыхъ не могла бы здѣсь быть и учиться такъ успѣшно и музикѣ и языкамъ.

Насчетъ недовольства Сергея Андреича и Катерины Борисовны разрывомъ „изъ-за меня“, — какъ ты думаешь, — сына ихъ съ его богатой родственницей и крестной матерью, отъ которой Алексѣй Сергеевичъ *мой* ожидалъ большого наслѣдства, то и въ этомъ могу тебя успокоить. Алеша не изъ-за меня навлекъ на

себя недовольство этой выжившей изъ ума старухи, а изъ-за графини Грабольской, ея племянницы, на которой она ему предлагала жениться, ее называя наследницей всего состоянія своего. Согласитесь, что

Статуя Республики въ Парижѣ.

если бъ даже Берестинъ и не зналъ меня, то все же онъ бы не могъ себя продать, женитьбой на старой, косой и больной наследницѣ миллионовъ своей крестной мамашы. Съ отцомъ его я никогда объ этомъ не

говорила; но Катерина Борисовна положительно иль сколько разъ мнѣ это рассказывала, сердясь на „вздорную старуху“,—такъ она сама ее называла,—а сына своего оправдывала безусловно... Я даже думаю, что она такъ нарочно со мною говорила, чтобы я знала ея взгляды и мнѣніе. Да я и сама развѣ могла не быть увѣренной въ нихъ?.. Я удивляюсь тебѣ, папа! Какъ, зная этихъ чудеснѣйшихъ людей всю жизнь, ты могъ это предположить?.. Тебѣ просто померещилось что-нибудь, по вѣчной твоей мнительности и щепетильности.

Ну, Господь съ тобой. Будь здоровъ и спокоенъ. Дасть Господь, все хорошо будетъ. Будешь въ Брестномъ, скажи Катеринѣ Борисовнѣ, что я крѣпко цѣлую ей ручку; а Сергею Андреевичу,—что я заказала для него сѣмнѣтьхъ дынь, которая ему такъ понравились на Московской выставкѣ.

Обнимаю и цѣлую тебя крѣпко.

Твоя Маня.

VII.

Парижъ. 16/28 августа.

Вѣдь вотъ какой вы беспокойный человѣкъ, Алеша! Ну, что Вамъ съ того, что мои письма будуть Вамъ адресованы, а не Катѣ? Развѣ въ тѣхъ не будутъ тѣ же *прямые, четкие* строки? И развѣ я въ нихъ не то же самое скажу Вамъ, что и въ писанныхъ къ Вамъ прямо?.. Милый, дорогой мой голубчикъ! Неужели вы думаете, что я такъ не назову Васъ въ письмахъ моихъ къ сестрамъ, и къ мамѣ вашей, и ко всѣмъ на свѣтѣ? И что вы не бываете въ моихъ мысляхъ и памяти, кому бы я ни писала и что бы я ни дѣлала?.. Кажется, въ этомъ вы сомнѣваться не можете! Но мы не дѣти, не пятнадцатилѣтніе школьніки, чтобъ услаждаться воровской перепиской или

нѣжными словами „по секрету“, припрятанными „отъ всѣхъ“. Дорогой мой! Я, напротивъ, хочу, чтобы всѣ знали, какъ горячо я въсѣ люблю; какъ счастлива вашей любовью и мыслю, что мы скоро будемъ женою и мужемъ. Я горжусь этимъ и была бы несчастлива если бъ должна была скрывать свои чувства. Слава Богу, этой необходимости нѣть: всѣ близкіе наши это знаютъ, и никто не противится намъ.

Но вотъ именно поэтому мнѣ и хотѣлось бы, голубчикъ мой, чтобы въ нашихъ отношеніяхъ все было чисто и открыто; чтобы не было въ нихъ ни зазоринки, въ которой мы боялись бы сознаться.

Вы правы, что во мнѣ гордость говорить; но только гордость не „канатрисы-знаменитости“ (какъ вамъ не стыдно такъ смеяться надо мной!), а гордость честной, правдивой дѣвушки, которая желала бы всей душой, чтобы вся жизнь ея, въ великомъ и въ маломъ, прошла такъ, какъ за прозрачнымъ стекломъ, чтобы никто ее, а глазное, сама она себя не могла никогда упрекнуть въ фальши, въ лицемѣрии, въ этихъ порокахъ, по-моему, самыхъ презрѣнныхъ!

А вы ихъ отъ меня требуете! Зачѣмъ же?

Вы знаете, что отецъ вашъ просилъ вашу маму сказать мнѣ, что онъ желалъ бы, чтобы *въ этой разлукѣ* мы не имѣли частной переписки; вы знаете тоже, что я узнала объ этомъ нежеланіи отца вашего послѣ отѣзда,—послѣ того, какъ я было малодушно уступила вашимъ уговорамъ и просьбамъ. Зачѣмъ же, зная это, вы меня смущаете своимъ огорченіемъ,—упрекаете въ равнодушіи, въ эгоизмѣ?.. Это стыдно и грѣшно!

Вотъ я, изъ-за слабости своей къ вамъ, и обманула довѣріе вашего отца и сестры... А развѣ это вамъ можетъ быть не столько же непріятно и тѣжело, какъ мнѣ самой?.. Разумѣется, нѣть! Разумѣется, въ этомъ и самому себѣ столько же вредите, какъ и мнѣ... Хотя бы по тому ужъ одному, что вмѣсто хорошаго, ласковаго письма, какое хотѣла бы я вамъ написать,

мое письмо вышло сухое, ворчливое, непрятное. Простите мнъ его, милый мой!.. Вѣдь вы должны сами знать, что на-сердцѣ у меня для васъ другія слова,— но онъ не высказались благодаря неловкому сознанію, что я нечестно поступаю, которое меня тяготить все время. Нѣть, голубчикъ мой, такія письма ни вѣдь ни меня радовать не могутъ. Я бы предпочла ничего не знать о васъ и вамъ о себѣ вѣстей не подавать, чѣмъ обманывать дорогихъ намъ людей; а при такихъ условіяхъ, какъ наши, исполненіе желаній вашего отца совсѣмъ не тѣжело, и вы меня больше не вводите въ соблазнъ. Это письмо я вамъ пишу заѣмъ, чтобы успоконить васъ, чтобы вы и сами хорошо усвоили мои мотивы; потому что нельзя же вѣдь компрометировать въ глазахъ вашей сестры или Ани, объясняя дѣло въ письмахъ къ нимъ; но оно первое и послѣднее письмо лично къ вамъ, а имъ обѣимъ я буду писать все, какъ къ вамъ самому. И вы приписывайте, что вздумается въ письмахъ Кати,— какъ дѣлаете, когда она пишетъ Анютѣ или Юленѣкѣ.

Такъ будетъ честный и спокойнѣе.

Радуюсь всей душой вашимъ занятіямъ и успѣхамъ. До свиданія, дорогой мой, милый Алеша. Да хранитъ васъ Господь-Богъ какъ я Его о томъ молю каждый день, каждый часъ. Bon courage et bon espoir!.. Я полна надежды на Бога, полна довѣрія къ вамъ и въ будущее наше счастіе.

Ваша по смерть и навсегда

Маня.

VIII.

(Частное,—предназначенное, Ани, тебе одной — и пламени твоей свъчки.)

Милочка моя любимая! Дорогая, золотая Анюточка, ты неисправимая фантазерка. Не грѣшино ли тебе пугать меня и заставить плакать надъ твоими письмами?.. Если бъ не успокоительные сообщенія миссъ Уиллсъ, вѣдь я бы измучилась беспокойствомъ за тебя: думала бы, что ты скрываешь правду, что тебе хуже и вслѣдствіе этого у тебя такая, вдругъ, увѣренность, что ты только особой милостью Божіей можешь прожить еще полтора года?! Господи помилуй, Анююша, милая, Христосъ съ тобой! Ради Бога оставь ты такія фантазіи. Само собою разумѣется, что вся человѣческая мудрость должна заключаться въ молитвѣ — „да будетъ воля Твоя!“ Но исполненіе твоихъ ожиданій, родненькая моя, сдѣлало бы несчастіе столькихъ людей тебя любящихъ, что, будемъ надѣяться на милость Божію, — что Его воля такова не будетъ. Что же касается до твоей просьбы не забывать намъреній твоихъ относительно меня и Алеши, то могу ли я, милочка родненькая, забыть твою любовь къ намъ обоимъ, твое желаніе намъ счастія. Твои проекты вѣдь къ одному счастію нашему сводятся; къ доставленію намъ скорѣйшей возможности — по Катиному выражению — „не нарушая благоразумія“ все окончательно рѣшить. Спасибо тебе глубокое, но не сердись на меня за то, что я опять повторю то, что говорила и прежде: я бы хотѣла болѣе всего на свѣтѣ, чтобы мы съ Алешей оба имѣли право надѣяться на себя, на свои средства — не материальные, пойми, а средства... какъ бы это сказать? Не то что умственные, а нравственные способности воли и раз-

ума; на умъные приложить къ жизни таланты намъ Богомъ данные, — nos facultés mentales, да! Именно: наши духовныя способности. Если мы научимся руководить ими и прилагать ихъ къ дѣлу, онъ должны будутъ дать намъ обеспеченіе къ жизни безбѣдной, а это все, что намъ нужно. Не думай, родненькая, ради Бога, чтѣ я это говорю отъ гордости,—о нѣть! Право, отъ любимаго и любящаго меня человѣка я приму все радостно; все, что онъ можетъ мнѣ дать, себя и другихъ не обижая. Да вѣдь ты знаешь же мои понятія и взгляды? Ты знаешь, что я искренно говорила всегда, что не люблю людей, боящихся благодарности, потому что думаю, что они къ ней не способны. Меня чужія услуги, добро, которое миѣ дѣлаютъ, не тяготятъ потому, вѣроятно, что я понимаю, какое счастіе оказывать ихъ, и сознаю, какъ рада была бы сдѣлать то же самое другимъ. А ужъ тебя-то я такъ знаю, такъ люблю, что все, что бы ты для меня ни сдѣлала, доставило бы мнѣ только радость и счастіе, какъ новыя доказательства нашей дружбы. Только позволь мнѣ надѣяться, что ты не будешь имѣть *необходимости* заботиться о материальныхъ нуждахъ моихъ.

Вотъ, кисочка-бѣляночка наша, все, что я хотѣла сказать тебѣ *одной* въ отвѣтъ на твое милое, дорогое письмо. Теперь перейду къ *офиціальному* отчету, — къ compte rendu нашихъ похожденій съ m-me Laroche, ея племянницей m-me Hortense, а иногда и со знакомыми ея, съ которыми я лучше сошлась. Крѣпко, крѣпко еще разъ благодарю тебя, дорогая.

Сожги этотъ, отдѣльный листокъ, а затѣмъ читай мое другое полновѣсное посланіе своимъ старушкамъ и перешли его на Волгу нашимъ путешественникамъ „по востоку“.

IX.

(Отъ той же, къ той же).

Парижъ. 27/15 августа.

Вы, милые мои, вѣчно недовольные мною ворчуны, жалуетесь на краткость моихъ писемъ? Такъ вотъ же вамъ письмо, котораго вы въ три дня не одолѣете.

Развѣ не сообразили вы, что въ виду бессмертія нашей переписки я тоже не хотѣла ударить лицомъ въ грязь и собирала материалы, прежде чѣмъ предпринять свое первое всемирное посланіе?.. Хорошо вамъ! Вы обѣ пишете, какъ говорите, — говорите, какъ пишете, словно прирожденные Демосеены или Цицероны женскаго рода. А другимъ смертнымъ вѣдь приходится собираться съ духомъ и обдумывать сюжеты, а потомъ ужъ приступать къ „мемуарамъ“... Начинаю, какъ подобаетъ, со вступленія.

Какъ почти всегда бываетъ съ людьми заранѣе предубѣждennыми въ хорошую ли, въ дурную ли сторону о вещи или мѣстѣ, я не нашла Парижъ такимъ, какимъ себѣ его представляла. По первому взгляду я въ немъ немножко разочаровалась...

Впрочемъ, Парижъ не виновать въ томъ, что *сразу* не поразилъ меня ни красотой ни великолѣпiemъ: онъ и красивъ и великолѣпенъ, но дѣло въ томъ, что я-то ужъ слишкомъ многаго отъ него ожидала и невольно довела о немъ представлениe до чего-то сказочнаго, невозможнаго. Меня сбили съ толку возгласы французской прессы: „Oh! la ville des villes! O! La capitale du monde, la mammelle de l'univers! La Babylone europ  ne!“ и такъ далъе... Ну, вотъ, я ждала сразу увидѣть роскошь востока, дворцы Шехеразады, — въ носъ бьющія чудеса. Но съ первого взгляда и съ первыхъ шаговъ ничего этого не увидала, а, напротивъ, удивилась и огорчилась непріглядностью Gare

du Nord, ея грязью и тучами мусора, гонимаго въ-
тромъ вдоль узкихъ улицъ, похожихъ на коридоры,
окаймленные высокими пестрыми стѣнами, перепол-
ненные движениемъ и крикомъ суетливой толпы.

Трудно людямъ, мало бывавшимъ въ большихъ
столицахъ, а деревенскимъ жителямъ, какъ мы, тѣмъ
болѣе, представить себѣ столпотвореніе движущихся
людей, лошадей и всѣхъ сортовъ экипажей, ежедневно
происходящее въ нѣкоторые часы дня на улицахъ
Парижа. Въ часы катаній, напримѣръ, отъ четырехъ до
семи часовъ, въ узкихъ улицахъ, выходящихъ къ
Champs Elysées или къ Avenue du bois de Boulogne,
иногда приходится гуськомъ тянуться, — faire file;
а очень часто и долго стоять въ ожиданіи движенія
передовыхъ экипажей. У парижанъ на это и терминъ
особый есть: „nous sommes plantés“, — говорятъ они.

Но надо видѣть эту массу всѣхъ видовъ экипажей
стремящихся по Елисейскимъ Полямъ,—этой широ-
чайшей красивой аллѣ, украшенной цвѣтами, фонтанами,
прелестными (съ виду,—я тамъ не была) театрами,
кафе-ресторанами и роскошными домами,—
мимо Palais de l'Industrie, вверхъ къ Тріумфальной
аркѣ на площади de l'Etoile и выше, къ Булонскому
лѣсу. Когда всѣ улицы Парижа, между завтракомъ
и обѣдомъ, изолъютъ на эту аллею всѣхъ охотниковъ
до фешенебельного катанія, съ непривычки голова кру-
жится и сердце замираетъ отъ опасенія, чтобы не сѣ-
нились экипажи, не споткнулись лошади, не наѣхали
бы громадные, какъ движущіеся дома, mail coaches
или шарабаны богатыхъ англичанъ на мелькающихъ
велосипедистовъ, которые шныряютъ между лошадьми
и колесами, какъ бѣсенята или какъ рои суетливыхъ
ичель въ цвѣтникѣ. А на движущійся цвѣтникѣ точно
похожа эта широкая, прямая дорога, отъ Place de la
Concorde къ лѣсу, въ часы прогулокъ. Французы,
въ особенности женщины-парижанки, любятъ пестроту,
яркие костюмы; цвѣты вездѣ — искусственные и живы-
е, — на шляпкахъ, въ бутоньеркахъ мужчинъ, па-

бичахъ кучеровъ. Ужъ не говоря, что всѣ подоконники, балконы, улицы и перекрестки переполнены цвѣтами и зеленью.

Но гдѣ пестрота, сумятица и давка, такъ это, ми-
лый мой, въ большихъ многоэтажныхъ и многозаль-
ныхъ магазинахъ Лувра, Bon Marché, Printemps и пр.
Помилуй Богъ, что тамъ за столпотвореніе!.. Я испуга-
лась, какъ впервые попала въ Bon Marché... Это цѣлое
царство товаровъ, модъ, продавцовъ и покупателей.

Прѣездъ Елисейскихъ полей въ Парижѣ.

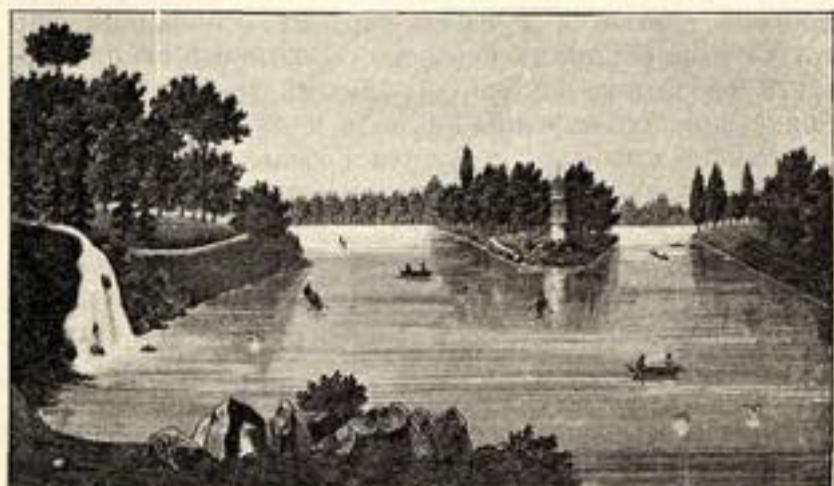
Я не могу себѣ представить, какъ могутъ иные дамы и барышни цѣлые дни проводить въ толкотнѣ этихъ дворцовъ торговли? Находить, что веселье въ Парижѣ ничего быть не можетъ, какъ рыться въ этихъ горахъ и грудахъ, наваленныхъ въ беспорядкѣ товаровъ; перебрасывать кружева, ленты, цвѣты, бѣлье, платья, матеріи, — все, чѣмъ только можно продать и купить на свѣтѣ. У меня, такъ просто въ глазахъ рябитъ, голова кружится отъ этого сумбура; я забываю, что мнѣ нужно и готова вмѣсто шляпки купить пару подсвѣчниковъ, а вмѣсто двухъ аршинъ кружевъ — сапожную

щетку. Право!.. Я всякое соображение потеряла, очутившись въ этомъ Вавилонскомъ столпотвореніи.

То ли дѣло бродить по заламъ старыхъ дворцовъ или музеумовъ, не спѣша, не толкаясь; какъ мы на той недѣли обошли Луврскій дворецъ, потомъ Люксембургскій, а вчера—Пантеонъ и музей Клюни, на лѣвомъ берегу Сены, въ старомъ городѣ, гдѣ университетъ и множество всякихъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ эта часть Парижа и прозвана классическимъ названіемъ „quartier Latin“. Эти прогулки составятъ программу моего сегодняшняго письма: начну Лувромъ, закончу Латинскимъ кварталомъ; только ради Бога пусть миссъ Уиллiss не ждетъ отъ меня лекцій и не относится строго-критически къ моимъ дилетантскимъ замѣткамъ.

Я не въ состояніи, разумѣется, описать полсотни залъ-музеевъ Луврскаго дворца; могу лишь передать общее впечатлѣніе ихъ на меня: это—бездонное море, океанъ красоты скульптуры, живописи, зодчества и всякихъ искусствъ, въ которомъ подробности тонуть; совсѣмъ какъ безконечно разнообразныя, въ отдѣльности, волны океана тонуть въ общемъ величіи его красы. Изъ моря сокровищъ всплываютъ только иѣкоторыя, самостоятельный всемирно славящіяся великія произведенія живописи и ваянія, какъ „Положеніе во гробъ“ — Тиціана, „Св. семейство“ — Рембрандта; какъ „Прекрасная садовница“, — т.-е. Богородица съ Младенцемъ и св. Иоанномъ въ саду — Рафаэля и другія его чудные картины. Или же, какъ громадныя статуи Мельпомены и Юпитера, и еще иѣсколько произведеній древней, средневѣковой и новѣйшей скульптуры, въ этихъ громадныхъ безконечныхъ залахъ нижняго этажа Лувра. Изъ нихъ первостепеннымъ чудомъ ваянія считается Венера Милосская; но, рискуя привести miss Willis въ такое же яroe негодованіе, въ какое ш-те Laroche пришла отъ моего „вандальства“, я откровенно сознаюсь и вамъ, что гораздо *большею* ждала, по репутаціи, отъ этого *chef d'oeuvre'a*... Ну, право же,

я никакой особой красоты не усмотрѣла въ этой бѣломраморной, безрукой, довольно громоздкой особѣ, слегка согнувшейся и повернувшей голову!.. Профиль у нея правильный, — слова нѣть; но чтобы возвести эту статую въ восьмое чудо свѣта — я не вижу никакихъ основаній. Я, понятно, не судья и, вѣроятно, ошибаюсь, ее такъ обезцѣнивая; но вѣдь я пишу свои личныя впечатлѣнія, — зачѣмъ же мнѣ кривить душой?.. Ты знаешь, что я врагъ рутинъ и ничего не знаю унизительнѣе, какъ быть одной изъ овецъ Панургова

Озеро въ Буловскомъ лѣсу.

стада. J'ai toujours eu la hardiesse de mes opinions personnelles; а потому и заявляю прямо, что видѣла множество совсѣмъ неизвѣстныхъ статуй, которыхъ мнѣ кажутся несравненно красивѣй, чѣмъ эта Венера съ острова Милосса.

Чудо какъ хороши залы Луврскаго дворца! Особенно ихъ расписные потолки, отдѣлка стѣнъ и дверей, какъ, напримѣръ, такъ называемая зала драгоцѣнностей, гдѣ въ витринахъ и стеклянныхъ шкафчикахъ разложены всевозможныя произведенія ювелириаго,

мозаичного и токарного искусства. Ее тоже называют Гобеленовской залой, потому что, кроме этих драгоценностей, по большей части принадлежавших королям и королевам Франции, стены этой чудной галереи-залы вместо обоев покрыты гобеленами, на которых изображены портреты во весь рост художников-строителей Лувра. Такъ хороши эти портреты, что необходимо подойти вплоть, чтобы убѣдиться, что они не рисованы красками, а вытканы. Трудно вѣрить до какой тонкости работы и яркости красокъ доходить ткачи-артисты этой единственной въ свѣтѣ фабрики ковровъ, скатерей и обоевъ-картина, основанной еще въ XV вѣкѣ Жаномъ Гобеленомъ, который сю прославилъ свое имя навѣки. Любимыми темами этой фабрики служать картины Рафаэля и другихъ великихъ мастеровъ живописи; а многія Гобеленовскія картины лишь помошью луны можно признать за ткань.. Я непремѣнно хочу побывать на фабрикѣ и посмотреть Гобеленовскій музей. Мы уже условились туда ѿхать цѣлымъ обществомъ; но только надо потратить цѣлый день на эту поѣздку: она далеко, — за Jardin des Plantes.

Но возвращаюсь къ *salle des bijoux*. Представь себѣ, что я всего дольше пробыла именно въ этой залѣ, хотя нѣть въ ней ни картинъ ни статуй. Но зато есть гобелены, есть великолѣпнѣйшій потолокъ, весь въ легкихъ какъ кружево рельефныхъ золотыхъ рамкахъ къ живописи Гораса Верне, и есть замѣчательная, весьма печальная историческая воспоминанія. Съ одного изъ ея балконовъ Карль IX выстрѣломъ далъ сигналъ началу избиенія Гугенотовъ. Ближняя церковь — St. Germain l'Auxerrois — подхватила королевскую волю трезвономъ и разгорѣлась страшная Варѳоломеевская ночь!. Въ Луврѣ вообще не мало разныхъ кровавыхъ воспоминаній. Начиная съ кровати, въ одной изъ залъ, на которую положенъ быть окровавленный трупъ Генриха IV, до разбитаго стола, у котораго въ сорокъ восьмомъ году нашего вѣка

чуть не убили Людовика Филиппа. Есть тут и зала воспоминаний о „великомъ императорѣ“. Тамъ показываютъ походную кровать Наполеона I; его легендарную трехуголку; шапочку, въ которой, говорятъ, онъ ходилъ на островъ св. Елены, и даже платокъ, который былъ у него на шеѣ, когда онъ умеръ.

А знаете, откуда произошло название Лувра?.. Отъ латинскаго слова *lupara* или французскаго *loucerie*. Извольте вспомнить, что основаніе этого дворца, первоначально крѣпости, съ бастіонами и подъемнымъ мо-

Луврский дворецъ въ Парижѣ.

стомъ черезъ Сену, надо отнести къ 1223 году; тогда эта крѣпость была за городомъ Парижемъ и охраняла его отъ враговъ и дикихъ звѣрей,— волковъ преимущественно. Потомъ не было короля французскаго, который бы не приложилъ руки къ этой *волчарнѣ*, обратившейся во дворецъ, — вплоть до Наполеона III, который докончилъ только въ 1857 году сѣверную галлерею, начатую его великимъ дядей.

Прежде, говорятъ, дворецъ Тюильри соприкасался къ Луврскому; теперь на мѣстѣ первого разведенъ

садъ, — продолженіе стараго Jardin des Tuilleries; а дворецъ былъ такъ разоренъ во время коммуны 71-го года, что его пришлось снести. Боже мой! Что за ужасы приходится слышать объ этомъ ужасномъ времени. Право, эти бѣдные, страшно и въ добръ и во злѣ увлекающіеся парижане болѣе себѣ самимъ надѣлали бѣдъ, чѣмъ повредили имъ враги ихъ — иѣмцы. Подумать только, что во время пожаровъ коммунары, эти безумные бунтовщики, подкупали пожарныхъ, заставляя ихъ наполнять свои помпы, вмѣсто воды, петролемъ. Этакое варварство!.. M-me Laroche показывала мнѣ на гие Royale, противъ самой площади „Согласія“, вновь отстроенные зданія на развалинахъ *такимъ* образомъ погибшихъ домовъ... И сколько тамъ людей погибло!.. А напротивъ, по ту сторону Сены, тоже насквозь свѣтятся развалины громаднаго, тогда же сгорѣвшаго зданія Государственнаго Совѣта. Оно такъ и стоитъ съ обгорѣлыми стѣнами, безъ крыши, какъ грязный, черный скелеть, вотъ четверть вѣка скоро напоминая французамъ ихъ безуміе... Зачѣмъ они оставляютъ такія безотрадныя и безобразныя воспоминанія? Непонятно!

Развалины несчастнаго Conseil d'Etat, сожженные коммуной, нарочно оставляютъ; а такія памятники, какъ la chapelle Expiatoire, гдѣ чудныя статуи Людовика XVI, Маріи Антуанетты и принцессы Елизаветы (я постѣ разскажу о нихъ), — хотятъ снести и уничтожить! Удивительный народъ, наши „милые друзья“ французы!

Но я все отвлекаюсь отъ своей программы.

Нашимъ гидомъ часто бываетъ премилый стариочекъ ш-г Лего, приятель нашей Терезы Яковлевны Ларошъ, превеселый и преученный! Какъ онъ все знаетъ и какъ интересно разсказываетъ, — прелесты!.. Изъ Лувра онъ настѣ повелъ завтракать въ Palais Royal (такъ и вижу негодованіе миссъ Уиллисъ: „Молодыхъ дѣвушекъ вводить въ рестораны“... „Oh! How very, very shocking!“ (Не правда ли, какой ужасъ?!)). Я ни-

когда въ жизни не бывала въ такомъ большомъ и разнообразномъ обществѣ и нашла, что это превесело; но не думаю, чтобъ завтраки или обѣды въ ресторанахъ могли мнѣ нравиться, если бы часто повторялись: это

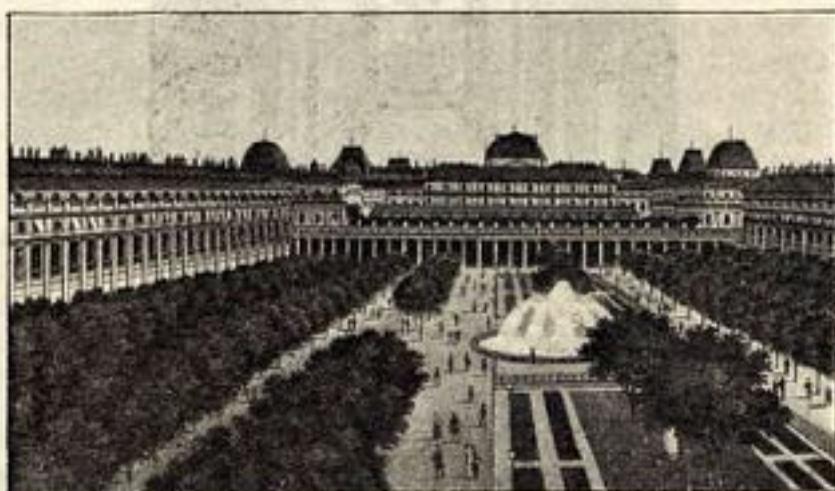

Гробница Наполеона I въ Парижѣ.

такъ шумно! Такое движение, суета. Разъ—хорошо; но я не понимаю, какъ можно любить или даже терпѣть ихъ каждый день, какъ многія здѣсь терпятъ. У насъ живутъ двѣ американочки, сестры Кэрнтонъ, которыхъ

почти каждый день съ своимъ дядей и двумя кузенами бывають въ разныхъ отеляхъ, въ кафе-ресторанахъ, въ садахъ разныхъ и паркахъ. Веселью ихъ и рассказамъ — конца пытъ! Онѣ скучаютъ и сердятся ужасно, когда имъ приходится цѣлый день пробыть дома. Я бѣ не могла жить такой суетливой жизнью!.. И заниматься, я думаю не могла бы ничѣмъ, да просто и надоѣли бы такой шумъ и пестрота.

Но одинъ тотъ разъ мы превесело и превкусно пообѣдали,—по-моему, это былъ обѣдъ, а не завтракъ,—

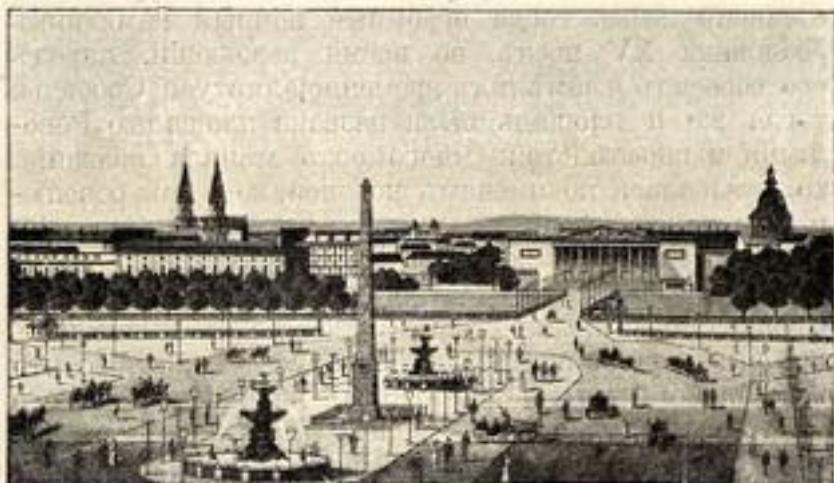

Пале-Рояль.

въ третьячъ-то часу, — помилуй!.. Потомъ т-те Ларошъ уѣхала домой, — устала бѣдная; а мы съ ея племянницей и съ т-г Légault еще долго гуляли. Смотрѣли памятникъ Гамбетты,—тутъ же между Лувромъ и садомъ Тюильери. Огромный памятникъ—пирамида изъ гранита съ его рельефнымъ изображеніемъ во весь ростъ и вся исписанная его рѣчами. Бывшій адвокатъ и публицистъ, во время франко-пруссской войны и коммуны признанный спасителемъ отечества, стоять разбросавъ въ азартъ руки и ораторствуетъ;

а надъ нимъ, вверху его памятника, какал-то молодая дѣвушка сидить верхомъ на крылатомъ львѣ... Это,— говорять,— „торжество Демократіи“... Почему *Демократія* Ѳздитъ на львахъ, да еще подъ видомъ хорошенькой барышни?— нашъ старишокъ не могъ объяснить мнѣ достовѣрно.

Зато онъ много интересныхъ вещей рассказывалъ намъ на площади Согласія (*place de la Concorde*), по которой мы прошли изъ сада Тюильри на *Champs Elysées*. О, сколько на этой веселой, чудно-красивой

Площадь Согласія въ Парижѣ.

теперь площади совершиено было ужасонь, сколько пролито крови!.. Вѣдь здѣсь стояла гильотина; здѣсь погибли тысячи жертвъ первой революціи. Не даромъ Шатобранъ, глядя на искрометный фонтанъ, устроенный рядомъ съ египетскимъ обелискомъ, который поставленъ именно на мѣстѣ, где возвышалась гильотина, сказалъ, что „никакимъ водамъ не смыть крови, здѣсь пролитой“. И какъ странно, что этой площади будто суждено было всегда быть мѣстомъ кровавыхъ сценъ. Старикъ Лего рассказывалъ, что дѣдъ его и двое дядей

здесь были убиты во время фейерверка (въ 1870 году), данного по случаю бракосочетания дофина, несчастного Людовика XVI, съ Маріей Антуанеттой. Толпа испугалась дурно направленныхъ ракетъ и бросилась бѣжать,— а въ тѣ времена площадь была окружена еще рвами. Туда свалились сотни людей; болѣе 200 человѣкъ были убиты и до двухъ тысячъ переранено. Не правда ли, какое это было дурное предзнаменование?.. Изъ рва въ еще на другой день вытачивали убитыхъ.

А еще многихъ переранила рѣшетка, окружавшая стоявшій здесь тогда огромный конный памятникъ Людовика XV; послѣ, во время революціи, народъ его сбросилъ и замѣнилъ временною статуей Свободы; тогда же и площадь была названа площадью Революціи и впослѣдствіи много разъ мѣняла названія: то называлась по именамъ королей, во время революціи, то, наконецъ, преобразилась въ площадь Согласія.

Рара Legault рассказывалъ, что памятникъ Людовика XV былъ окруженъ статуями, изображавшими Справедливость, Миролюбие, Мужество и Милосердіе, которыхъ король приказалъ снять, вслѣдствіе того, что вскорѣ по открытии памятника, на пьедесталъ его кто-то написалъ четверостишие:

„Ô le belle statue! Ô le beau pedestal!
Les vertus sont à pied, le vice est à cheval...
Il est ici comme à Versailles,—
Il est sans coeur et sans entrailles!“

Вѣдь короли тогда жили въ Версальскомъ загородномъ дворцѣ. А что Людовикъ XV былъ очень дурной человѣкъ,—это несомнѣнно.

Но какъ волшебно красива эта площадь Согласія, съ своими фонтанами, обелисками и памятниками восьми городамъ Франціи: Бордо и Нанту, Руану и Бресту, Марсели и Ліону, и Лиллю и Страсбургу. Послѣдній теперь весь покрытъ чернымъ крепомъ и траурными вѣнками, такъ какъ Страсбургъ для Фран-

ци—погибъ!.. Съ середины площади во всѣ стороны великолѣпныя перспективы: на Елисейскія поля, съ триумфальной аркой вдали, на площадь de l'Etoile; на соборъ св. Магдалины въ концѣ гие Royal; на Тюильри и особенно на ту сторону Сены, съ ея мостами, величественными башнями, золочеными куполами и шпицами церквей. Особенно вечерами, когда вся аллея Champs Elysées, вплоть до Арки, горитъ электричествомъ и цветными огнями среди зелени такъ ярко, что вся представляется волшебнымъ цвет-

Триумфальная арка въ Парижѣ.

никомъ пламенныхъ клумбъ и гирляндъ. Изъ всѣхъ кафе несутся звуки музыки, пѣсень и смѣха, потому что лѣтомъ тамъ представлія на воздухѣ,— все слышно. И должно быть тамъ превесело! Очень жаль, что намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, ходь запрещенъ въ эти лѣтніе театры... Да ужъ вѣрно слишкомъ много позволяютъ себѣ пѣвцы и актеры на этихъ увеселительныхъ сценахъ, когда даже молодая женщины туда боятся ходить. Даже издали смотрѣть на все это оживленіе,— проходя или проѣзжая вечеромъ вдоль

Елисейскихъ Полей — занимательно. Мнѣ это часто приходится, потому что я живу возлѣ площади Звѣзды; маленькая улица Вугон недалеко отъ Триумфальной арки и Avenue du Bois de Boulogne, а къ нимъ прямая дорога черезъ эти „Поля“, которыхъ вѣрно было бы назвать цвѣтниками, аллеей или проспектомъ по ширинѣ его, прямизнѣ и деревьямъ.

Люксембургскій садъ, по ту сторону Сены, на лѣвомъ берегу ея, возлѣ дворца того же имени, гдѣ помышляется Сенатъ, очень великъ; но мнѣ не нравится онъ своими прямymi аллеями. Я не люблю садовъ, разсаженныхъ шахматными досками, правильно, вдоль и поперекъ. Да и ты, Аня, ихъ не любишь, помнится?.. Есть тамъ хорошенъкій уголокъ поближе къ дворцу, возлѣ пруда и грота, а въ особенности чудесныя розы всевозможныхъ сортовъ въ цвѣтнике. Но что хорошо, такъ это скульптура Люксембургскаго музея. Прелестныя есть статуи и группы!.. Онъ весь работы нынѣшнихъ, современныхъ художниковъ и, право же, не стыдясь прослыть профанкой, я должна сознаться, что произведенія новыхъ художниковъ мнѣ нравятся больше, чѣмъ все эти ископаемые боги и богини Олимпа, хранящіеся въ разныхъ болѣе высоко цѣнныхъ музеяхъ,—хотя бы въ томъ же Луврѣ. И картины тамъ есть прекрасныя; тоже все современныхъ живописцевъ, но скульптурный отдѣлъ мнѣ больше понравился.

Ну, вотъ, хотѣлось мнѣ тебѣ докончить въ этомъ же письмѣ описание нашей прогулки въ Musée Cluny и въ Пантеонъ, но, кажется, приходится ихъ отложить до слѣдующаго письма, потому что не хочется кое-какъ разсказывать,— они интересны и, кроме того, тамъ у насъ была интересная встрѣча,— а писать мнѣ больше некогда. Я и то засидѣлась надъ письмами вчера за полночь, а сегодня чуть не до полудня. Черезъ полчаса я должна быть у своего профессора —

ждать его нельзя ни минутки заставить. Прощайте, до той недѣли, мои милые.

Ваша сердечно Маня.

P. S. Гениальная мысль: m-lle Hortense, — вы знаете, племянница m-me Laroche, — опишетъ вамъ, вмѣсто меня, наши вечернія похожденія. Она мени сама просила объ этомъ, — сгораетъ желаніемъ познакомиться съ тобою заочно, прежде чѣмъ прѣдѣть учи-

Люссенбургскій дворецъ.

тельствовать къ намъ, въ Россію, на чѣмъ Тереза Иковлевна положительно настаиваетъ, увѣряя, что нигдѣ нельзя найти столько хорошихъ, развитыхъ людей, и такихъ вѣрныхъ друзей, какъ между русскими.

Передаю ей перо съ удовольствіемъ. Она премилая дѣвушка и къ тому же вся завалена всевозможными наградами,—premiers prix всякихъ учебныхъ заведений, а потому, навѣрное, все лучше меня знаетъ и краснорѣчивѣе передасть, чѣмъ я.

X.

Отъ Ортансы Ларошъ,—
Аннѣ Александровнѣ Берести-
ной, въ Вѣну.

(Переводъ съ французскаго.)

Paris, Ce 28 Août.

Mademoiselle!

Я прежде всего обязана у васъ просить прощенія за смѣлость, съ которой вторгаюсь въ переписку вашу, думая замѣнить вашу любимую подругу,— впрочемъ, по ея собственной просьбѣ.

Мое единственное оправданіе въ томъ, что, не зная васъ лично, я уже полюбила васъ всѣмъ сердцемъ, судя о васъ по рассказамъ моей доброй тетушки, которая питаетъ къ вамъ и вашей высокоуважаемой семье чувства такой искренней привязанности и такого глубокаго уваженія, что онъ невольно передались мнѣ и всѣмъ ей близкимъ людямъ. Кромѣ того, и прелестная m^-lle Marie ручалась мнѣ, что вы благосклонно отнесетесь къ моей попыткѣ заочнаго съ вами знакомства и участія въ интересной перепискѣ, предпринятой вашими близкими и друзьями, — *dans votre correspondance pittoresque, artistique et littéraire, à ce que j'entends.*

На первый разъ m^-lle Sakhnovitsh такъ добра, что предоставила мнѣ очень интересную тему: наши посещенія Пантеона и музея Клюни. Принимаюсь за дѣло съ живѣйшимъ удовольствиемъ и желаніемъ выполнить мою задачу съ честью, прося васъ, однако, быть снисходительными къ моимъ бѣднымъ описательнымъ средствамъ.

День быль ослѣпительно хороши третьяго дня, когда мы сѣли въ омнибусъ на плошади de l'Etoile и покатили внизъ по Champs Elyseès, къ Сенъ; на

лѣвый берегъ ея, въ центръ просвѣщенія и науки, въ Сорбонну и Латинскій кварталъ, гдѣ едва ли весь узенъкія, старыя улички не вымощены книгами, до-

Пантон.

того онъ переполнены училищами, типографіями, книжными складами и пыльными норами букинистовъ.

Солнце заливало небо и улицы, пестрѣвшія народомъ; а воды фонтановъ - кактусовъ на площади Согласія, казались струями и брызгами расплавленнаго

серебра и золота. Когда мы въехали на мостъ, неизвестно было, даже намъ, парижанкамъ, привычнымъ къ этому прекрасному зрѣлищу, не любоваться панорамой блестящей рѣки, убѣгавшей въ обѣ стороны среди величественныхъ и великолѣпныхъ зданій. Направо сияли золотые купола собора Инвалидовъ, блестящія арки, вышки и пестрые купола въ восточномъ вкусѣ нашего красавца Трокадеро; кружевомъ вырѣзались на небѣ Эйфелева башня, а вдали, за безконечными арками мостовъ, синѣла зелень Булонского лѣса.

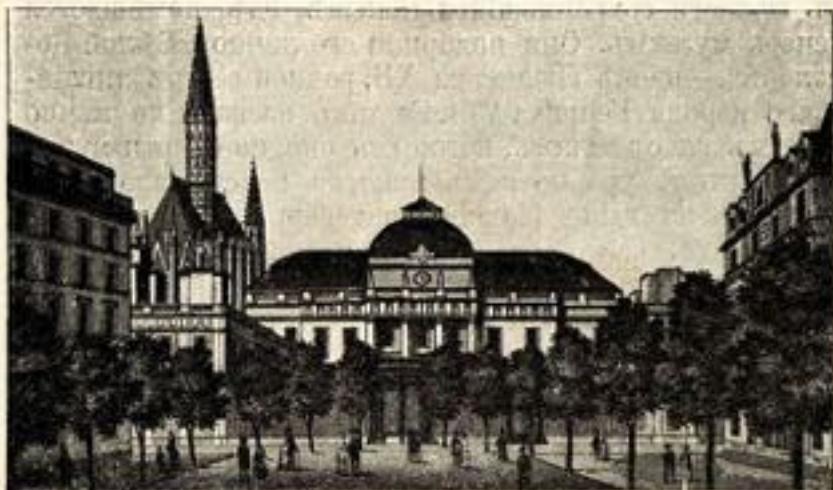
Дворецъ Трокадеро въ Парижѣ.

и безконечно цвѣтущихъ береговъ Сены. Налѣво — на островѣ — величественно вздымались вѣковыя зданія *de la Cité*. Дѣвъ плосковерхія башни собора *Notre Dame*, сѣрыя массы *Hôtel-Dieu*, казармъ и *Palais de la Justice*, со своими вышками и кружевными шпицами древней Святой Капеллы; а за ними исчезали въ золотистомъ туманѣ громады зданій обоихъ береговъ рѣки, связанныхъ съ островомъ, этимъ древнѣйшимъ центромъ первобытной *Лютенсіи*, столицы Галловъ, основанной императоромъ Юліаномъ Отступникомъ, а впослѣдствіи франками переименованной въ Парижъ.

Мы выѣхали на цвѣтуцій бульвар Сенъ Жерменъ и скоро вышли возлѣ рѣшетки тѣнистаго сквера Клюни и вошли въ небольшой дворъ, въ глубинѣ котораго возвышается замокъ,—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій столицы Франціи.

Вы позволите мнѣ, chère m-lle Anna, вспомнить слегка исторію.

Я должна вернуться къ глубокой древности, чтобы поговорить о происхожденіи дворца Клюни. Его по-

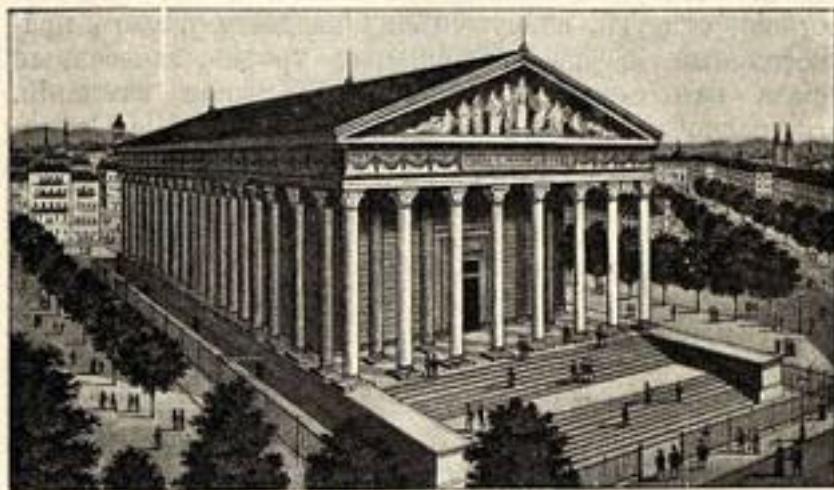
Дворецъ Правосудія въ Парижѣ.

строилъ въ концѣ второго или въ началь третьяго вѣка христіанской эры римскій императоръ Констанцій Хлоръ, жившій въ Галліи. Его времени принадлежитъ громадная, четырехугольная развалина, нынѣ увитая плющемъ, загроможденная внутри всевозможными каменными древностями, найденными въ раскопкахъ по всему Парижу. Императоръ-Отступникъ, въ концѣ концовъ вернувшись ко Христу, прогремѣвшимъ всему миру возгласомъ: „Ты побѣдилъ, Назарянинъ!”,—именно здесь, въ этомъ дворцѣ, былъ провозглашенъ импе-

раторомъ: а посль Юліана долго франкскіе короли въ немъ обитали. Когда же короли перешли въ другія, болѣе великолѣпныя зданія, на островѣ de la Cité, гдѣ теперь Дворецъ Правосудія и замокъ de la Conciergerie, Клюни разрушилось бы окончательно, если бъ его не купилъ монашескій орденъ. Съ начала XV вѣка оно принадлежало богатому Маконскому аббатству Клюни, принялъ и имя его. Аббаты выстроили на развалинахъ дворца Юліана, отъ котораго сохранилась лишь руина башни, прелестный готическій замокъ, въ цѣлости сохранившійся и нынѣ, гдѣ помышляется теперь музеймъ. Они подарили его лично „Бѣлой Королевѣ“,—вдовѣ Людовика XII, родной сестрѣ англійскаго короля Генриха VIII. Ее такъ называли по вѣчно бѣлымъ ея одѣждамъ, которыхъ она, по смерти мужа, въ знакъ траура по немъ никогда не снимала. Комнату „De la reine blanche“ и теперь сохраняютъ въ томъ видѣ, какъ она была при ней. Ея покрытая полуистлѣвшей парчей кровать, ея арфа и раззолоченные цимбалы; ея образа и распятіе, съ рѣзнымъ ргіe Dieu передъ ними; дверь изъ ея келійки въ прелестную капеллу, изукрашенную тончайшей лѣпной работой, рѣзбой и цветными витринами въ готическихъ, стрѣльчатыхъ окнахъ,—все въ этой комнатѣ и домашней церкви переносить воображеніе ваше къ давно прошедшемъ, поэтическимъ картинаамъ средневѣковой жизни... Въ этой игрушечной церкви совершилось нѣсколько историческихъ событий: здѣсь король шотландскій Яковъ V вѣничался съ сестрой Франциска I; тутъ же было бракосочетаніе „Monsieur“,—брата Людовика XIV, съ Генріетой англійской... Было у этой дворцовой капеллы свое блестящее прошлое, но было, какъ почти у всѣхъ нашихъ историческихъ памятниковъ, къ стыду нашему и несчастію, и великое паденіе! Во время революціи ее превратили въ анатомическую залу, а потомъ въ книгопечатню... Къ счастію, эти профаны не до конца все истребили во дворцѣ и не разрушили зданія, такъ что ученый

археологъ-любитель, ш-р du Sommerard, пріобрѣвши въ 1833 году замокъ Клюни, могъ исправить всѣ изъяны. Кромѣ того, онъ собралъ въ залахъ отеля множество сокровищъ древности и среднихъ вѣковъ, превративъ его въ замѣчательный музей, который городъ пріобрѣть по смерти его у его наслѣдниковъ.

Вы позволите мнѣ въ подробности не описывать археологическихъ богатствъ отеля Клюни, заключающихся въ двадцати покояхъ его двухъ этажей. Достаточно сказать, что знатоки находятъ въ нихъ очень

Церковь Мадлены въ Парижѣ.

рѣдкіе экземпляры скульптуры, нумизматики, рѣзбы по дереву и металлу; замѣчательные коллекціи средневѣковой мебели, посуды, всяческой утвари, въ особенности церковныхъ предметовъ: мозаики, живописи, ваянія, облаченій, евангелій, чашъ и распятій. Сравнительно маленький отель Клюни переполненъ рѣдкостями, и снаружи, какъ и внутри, носитъ отпечатокъ глубокой старины. Садъ, окружающій его, тоже полонъ статуй, обломковъ колоннь и портиківъ,увитыхъ плюшемъ и очень живописно устроенныхъ среди зелени.

Тутъ, въ этомъ оригинальномъ, цвѣтущемъ скверѣ, переполненномъ древностями и прелестными дѣтками, въ теплые дни постоянно здѣсь играющими, бѣгающими и даже спящими въ повозочкахъ, подъ говорьняньюшкѣ и кормилицѣ, произошла маленькая сцена,— забавное столкновеніе нашей милой м-ллѣ Marie съ однимъ очень нелюбезнымъ господиномъ, окончившееся его полнымъ пораженіемъ, которое я должна вамъ описать.

Дѣло въ томъ, что на видномъ мѣстѣ сада, именно между статуями Юліана-Отступника и его благочестивой супруги, водруженъ на пьедесталѣ вашъ, православный, крестъ,— печальный трофеи, занесенный сюда изъ Севастополя послѣ Крымской кампаніи. Я предпочла бы не обращать вниманія м-ллѣ Сахновичъ на эту (по-моему, и, смѣю думать, по мнѣнію многихъ благонамѣренныхъ соотечественниковъ моихъ), не дѣлающую чести французамъ, хвастливую выставку беззаконнаго дѣла; но мы были не однѣ,—съ нами былъ мой крестный отецъ, м-г Legault, а къ нему присоединился одинъ молодой человѣкъ, его знакомый, сынъ богатаго фабриканта Дюпре. Мсье Лего собственно друженъ былъ съ его отцомъ, но младшаго Дюпре ни онъ и никто изъ насть не любить, такъ какъ онъ самонадѣянъ, очень недалекъ и страшно хвастливъ. Такъ вотъ этотъ simple d'esprit и не допустилъ насть обойти молчаниемъ крестъ, снятый съ русской церкви, безвкусно выставленный на хвастовство,—будто у насть онъ не такая же святыня, какъ у русскаго народа!..

Еще издали Дюпре началъ громко призывать не только насть, но и вниманіе многихъ гулявшихъ къ тому мѣсту сада, самодовольно увѣряя м-ллѣ Marie, что она сейчасъ увидитъ нѣчто, ей весьма знакомое и дорогое...

— Par ici! Par ici, mesdemoiselles!—зазывалъ онъ насть.—Voici un des troph es de notre glorieuse arm e fran aise!.. Посмотрите на вашъ, русскій, крестъ, при-

везенныи изъ Севастополя. Видите? Здѣсь написано, что этотъ крестъ снять съ церкви св. Владимира и подаренъ музеуму герцогомъ Малаховыи. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, м-ш Сахновичъ, почему дань былъ

Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ.

этотъ титулъ одному изъ нашихъ французскихъ полководцевъ?

М-ш Marie отвѣчала ему резонно и съ большимъ достопримечательствомъ:

— Разумеется, знаю. Хотя въ Россіи такія военные прозвища не особенно въ ходу. Доказательство этому фактъ, что ни фельдмаршала Кутузова и ни кого изъ его „сподвижниковъ четырнадцатаго года“ не называли „парижскими“ за то, что они взяли приступомъ вашу столицу.

Мой крестный разсмѣялся вмѣстѣ со мной и восхлинулъ:

— Bravo, m-me Marie!.. Такъ и надо учить самовхваловъ.

Но Дюпре не унимался, доказывая, что военные трофеи должны всегда быть на виду, потому что видъ ихъ дѣйствуетъ на духъ нацii, на народный патрiотизмъ. Я возразила:

— Только не предметы святыни. Отнятые съ бою пушки, знамена,—я не спорю, это трофеи. Но награбленная послѣ взятія городовъ драгоцѣнности, въ особенности святыни, какъ этотъ сорванный съ церкви крестъ,—не дѣлаютъ чести побѣдителямъ.

Туть ваша подруга окончательно пристыдила этого дурно воспитанного мальчишку.

— Да,—сказала она очень спокойно:—хотя насть, русскихъ, западные европейцы часто называютъ дикарями и варварами, но увѣрю васъ, что наимъ—„скифамъ, татарамъ, казакамъ“,—и какъ еще вы, господа французы, насть называете,—наимъ никогда не пришло бы мысли хвастаться вашими католическими образами или крестами, награбленными солдатами нашими въ военное время... Мы считаемъ постыднымъ такое кощунство и вообще предпочитаемъ возвращать награбленную добычу... Вотъ, напримѣръ, вы, конечно, знаете, что не только въ храмахъ вашихъ, но нигдѣ ничего русскими не было тронуто въ Парижѣ во времія взятія его. Нашъ императоръ Александръ I строго требовалъ такого же воздержанія отъ союзныхъ армiй... Единственный трофеи, вывезенный имъ изъ Францiи, былъ взять имъ не для Россiи и не для похвалы: онъ потребовалъ только возвращенія

въ Венецію чудной группы коней, похищенной съ площади св. Марка наполеоновскими солдатами.

М-ле Marie повернулась, съ улыбкой, къ Дюпре:

— Вы, быть-можеть, не знакомы съ этимъ историческимъ фактамъ, м-р Dupr  s... Теперь, когда вамъ опять случится съ гордостью читать на пьедесталѣ этого креста надпись, что онъ снятъ французами съ русской церкви, вы, вѣро, вспомните, что русскіе могутъ *тоже* гордиться подвигами чести?.. Вы согласитесь, что если бъ Александръ I не былъ рыцаремъ без-

Зданіе Городской думы въ Парижѣ.

упречнымъ въ своемъ великолѣпіи, онъ могъ бы пожелать, чтобъ на аркѣ вашего бывшаго Тюльерійскаго дворца тоже была вставлена мраморная доска,— une tablette comm  morative, которая бы всему свѣту гласила, что конная группа, украшающая ее теперь, уже *не настоящая*: „руsskій царь, взявъ напѣ Парижъ и не дозволивъ своимъ войскамъ притронуться къ нашему имуществу, потребовалъ только, чтобъ и мы возвратили похищенную у венеціанцевъ собственность ихъ, на ея прежнее, вѣками освященное, мѣсто”...

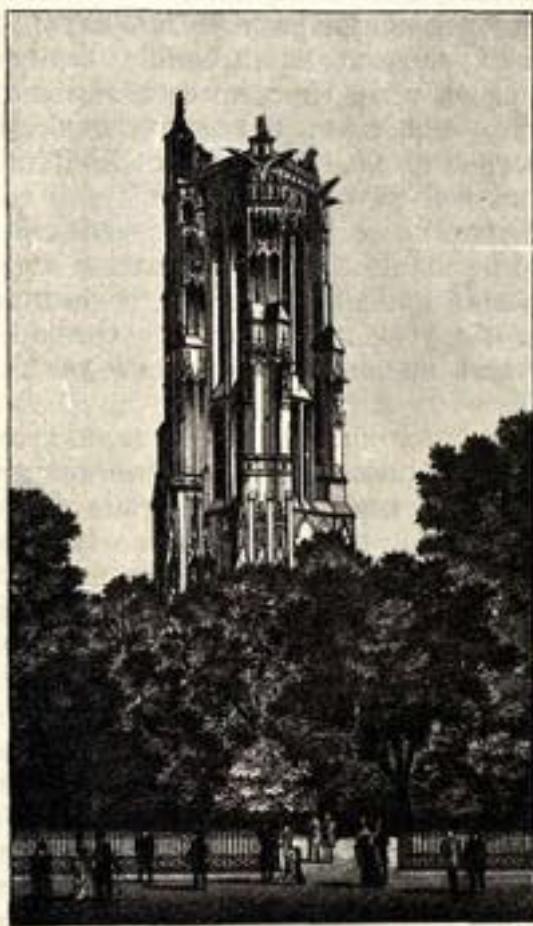
Вотъ что парижане и весь міръ могли бы прочитать о дѣйствіяхъ русскихъ, т-г Duperre. Не находите ли вы, что *такой* подвигъ побѣдителей *може* быть бы весьма поучителенъ и полезенъ для национального духа?

Ah, chère m-lle Anna! Не могу вамъ выразить, какъ намъ съ рагтай было стыдно за т-г Duperre, да и за всѣхъ насть французовъ немножко!.. Я увѣрена, что всѣ мои соотечественники радостно бы разстались съ этимъ крестомъ и съ нѣсколькими русскими иконами, добытыми въ ту же Крымскую кампанию и хранящимися здѣсь въ музѣй, тоже и въ ризницѣ аббатства St. Denis,—если бъ слышали слова вашего друга. О! Какъ бы я была счастлива, если бы Франція, такъ искренно оцѣнившая нынѣ ваше прекрасное отчество, догадалась повиниться и съ почегомъ возвратить Россіи ея святыню!.. Увѣряю васъ, что я и мой крестный торжествовали за т-шѣ Marie и радовались, что она сумѣла такъ умно, съ такимъ достоинствомъ проучить дерзаго молодого человѣка, думавшаго досадить ей и только унизишаго достоинство Франціи. Ради Бога не думайте, что у насть много такихъ пустоголовыхъ и неделикатныхъ людей. Большинство французскаго народа, если и способно, въ увлеченіи, поступать ошибочно и дурно, всегда сумѣеть искренно признать свои ошибки и достоинства другихъ націй.

Мы отдохнули нѣсколько минутъ въ скверѣ Клюни и, пожеланію вашей милой подруги, направились къ Пантону. Это не далеко; но мы предупредили ее, что устали еще предстоитъ довольно, тѣмъ болѣе, что ей хотѣлось за разъ зайти и въ библіотеку и въ нѣсколько церквей. Мы слышали, что русскія дамы не такъ подвижны и скорѣе устаютъ, чѣмъ мы; но, судя по т-шѣ Сахновичѣ, это не такъ: она такъ легко и много можетъ ходить, что я едва за неї поспѣвала.

Мы поднялись по улицѣ de la Sorbonne, такъ названной, какъ и громадныя зданія старой и новой

Сорбонны, по имени Robert Sorbon, духовника Людовика святого (IX), который основалъ здѣсь, въ 1253 году, первоначальную бесплатную школу. Но скоро тутъ сгруппировалось нѣсколько духовныхъ низ-

Башня св. Якова.

шихъ и высшихъ училищъ, а впослѣдствіи къnimъ присоединились и свѣтскія; здѣсь и университетъ, и медицинская академія, и училище правовѣдія,—словомъ, центръ образования всестороннаго и къ тому

же *даровою*,—больше 11.000 студентовъ, мужчинъ и женщинъ, посѣщають разнообразные, даровые курсы Сорбонны. Зданіе такъ называемой новой Сорбонны окончено только въ 89-мъ году. Оно украшено колоссальными статуями Гомера, Архимеда и эмблематическими изображеніями различныхъ наукъ; а старое зданіе очень похоже на древній, величественный храмъ. Церковь тамъ сама по себѣ замѣчательно величественна; она, какъ и все это зданіе, выстроена кардиналомъ Ришелье въ началѣ XVII вѣка, и могила его въ ней находится.

Эти мѣста лѣваго берега Сены—гнѣзда и разсадники всѣхъ знаній. Тутъ же возлѣ и лицей Сень-Луи, и древній Collège de France, основанный Францискомъ I, и другой лицей Louis le Grand,—словомъ, большая часть высшихъ парижскихъ учебныхъ учрежденій.

Мы, разумѣется, никуда не входили, кромѣ церкви Сорбонны, чтобы показать m.-le Marie мраморный саркофагъ великаго кардинала; а прямо оттуда вышли въ улицу Суфло, что идетъ отъ Люксембургскаго сада къ Пантеону. Видъ его, на возвышенности, очень величественный съ его великолѣпной колоннадой и громаднымъ куполомъ. Онъ не принадлежитъ къ древнимъ зданіямъ Парижа, хотя воздвигнутъ въ концѣ XVII столѣтія на мѣстѣ издревле знаменитомъ,—гдѣ была когда-то часовня, а позже—церковь надъ могилой патронессы нашей, св. Женевьевы.

Теперь ее больше нѣтъ тамъ. Во время первой же революціи, всего три года спустя освященія храма во имя этой святой, ея рака была уничтожена, а позже гробъ ея былъ перенесенъ въ ближнюю церковь St Etienne du Mont, а самый Пантеонъ изъ христіанскаго храма обращенъ въ храмъ языческій, посвященный памяти великихъ людей Франціи. Надпись на фронтонѣ его гласитъ: „Aux grands hommes, la patrie reconnaissante“. Подъ сводами его хоронятъ лицъ выдающихся чѣмь-либо, — геніемъ, заслугами

гражданскими или военными. Послѣднимъ похоронили тамъ великаго нашего поэта Виктора Гюго.

Совершенно справедливо Mme Marie назвала Пантеонъ *троекратнымъ ренегатомъ*, — вѣдь онъ шесть разъ мѣнялъ свое назначение. Превращенный въ 1791 году изъ церкви въ памятникъ великимъ людямъ, онъ въ 1806-мъ снова былъ возвращенъ духовенству; въ немъ возобновились богослуженія и продолжались болѣе двадцати лѣтъ; послѣ чего въ 1830 году онъ вновь былъ разжалованъ въ языческое зданіе, гдѣ воздавались опять почести *разуму и красотѣ*, — единѣніемъ божествамъ революціонеровъ. Черезъ двадцать одинъ годъ опять его вернули въ лоно христіанства, обратили его снова въ церковь; наконецъ, иль сколько лѣтъ тому назадъ, въ 1885 году, бѣдный Пантеонъ вновь разжалованъ изъ духовнаго сана по случаю погребенія въ немъ Гюго... Mme Marie спрашивала: развѣ нельзя было похоронить поэта подъ сѣнью христіанскаго храма! вѣдь, кажется, Викторъ Гюго не быть язычникомъ?... Я и сама такъ думаю... Ни я ни крестный мой не сумѣли объяснить ей причины такого рѣшенія властей.

Мы долго любовались картинами на внутреннихъ стѣнахъ Пантеона; вправо святой Женевьевы, а влѣво св. Дени, патрона города Парижа. Послѣдняя особенно замѣчательна: фигура во весь ростъ обезглавленнаго святого, который въ рукахъ держитъ свою же голову... Вы, вѣроятно, знаете эту легенду? Какъ St Denis поднялъ и самъ принесъ свою отрубленную голову съ мѣста казни, въ Сентъ Дениское аббатство, гдѣ его моши и понынѣ находятся. На картинѣ въ Пантеонѣ вместо головы у него яркій свѣтъ, а голова въ рукахъ его смотритъ такими *живыми* глазами, что грустно становится, глядя на нихъ.

Пантеонъ не даромъ разъ переходилъ отъ королей къ революціонерамъ и отъ священниковъ къ безвѣрнымъ свободомыслителямъ: въ его стѣнахъ и на нихъ нашли пріютъ изображенія представителей

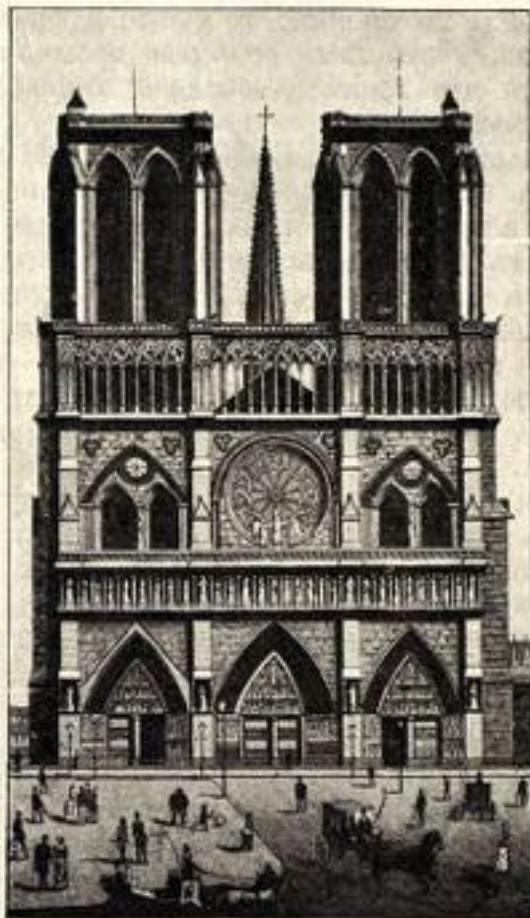
всѣхъ политическихъ переворотовъ,—палачи и жертвы ихъ,—безъ разбора! Подъ самыемъ куполомъ стоя, всего лучше разсмотрѣть фрески, расписывающія стѣны; кого не найдете вы тамъ Королей, республиканцевъ: „Аттилу”, Наполеона I, Мирабо и Фенелона, Вольтера и Руссо. Это какое-то смыщеніе лицъ и временъ, какой-то историческій винегретъ. На фронтонахъ—громадныя скульптурныя фигуры: Франція вѣнчаетъ своихъ великихъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ калибровъ тоже: Людовикъ XVI—рядомъ съ членомъ конвенціи Карно, который первый подалъ голосъ за его казнь; статуя Свободы—на ряду съ Бонапартомъ; Кювье *)—возлѣ генерала Лафайета и тутъ же св. Женевьеве, умоляющая варваровъ пощадить ея городъ, Парижъ. Весь этотъ сумбуръ какъ-то прежде мною не замѣчался, но когда м-лл Marie обратила на него вниманіе и еще, мы съ мсѣ Лего сами дивились. Дюпре уже не было съ нами,—онъ исчезъ, какъ только мы оставили Клюни. И будто въ вознагражденіе вашей милой соотечественницы, chére m-lle Anna, здесь мы встрѣтили человѣка, который ей, да и намъ съ нею, доставилъ большое удовольствіе...

Однако, подумавъ объ этомъ, я рѣшаюсь не описывать вамъ этого человѣка, потому что это гораздо лучше сдѣлаетъ сама m-lle Сахновичъ,—она передастъ вамъ *русскій* говоръ его, чего я не сумѣла бы сдѣлать. Итакъ, я докончу нашу полдневную прогулку, а затѣмъ дождусь ея возвращенія, не запечатывая своего письма и ей предоставлю, по-руски, рассказать вамъ оригиналную нашу встречу. Она такъ была довольна и столько смылась, что навѣрное ея разсказъ вѣстъ тоже позабавитъ.

Наверхъ, въ куполъ, мы не подымались. Это была бы слишкомъ большая усталъ; взбираться на вышину 425 ступеней Пантеона не зачѣмъ, кто видѣлъ весь Парижъ съ высоты собора Notre Dame: оттуда

*) Извѣстный натуралистъ.

видъ еще гораздо лучше, потому что соборъ въ центрѣ столицы. Но мы спускались въ катакомбы, которые еще почти пусты (надо сознаться, что „великіе люди“, имѣющіе право по смерти пользоваться

Соборъ *Notre Dame* въ Парижѣ.

гробницами въ Пантеонѣ, не такъ ужъ многочисленны у насъ, чтобъ скоро наполнить его своды!). Замѣчательного въ нихъ мало,—памятники Вольтера, Руссо и другихъ болѣе чѣмъ скромны; Гюго еще не поста-

вили его совсѣмъ. Одно тамъ замѣчательно—эхо. Когда проводникъ хлопаетъ бичомъ, который береть съ этой цѣлью, то раздается такой громъ, будто пушечный выстрѣль, безчисленными раскатами повторяется подъ сводами катакомбъ. Такъ какъ это дѣлается всегда неожиданно, то многіе пугаются; но мы предупредили, обѣ этомъ *petit fric* проводника, *m-lle Marie*, такъ что громъ безобидной канонады ее не засталъ врасплохъ.

Надо было спѣшить. Было ужъ болѣе двухъ часовъ, а въ библіотеку св. Женевьевы, которую наша спутница непремѣнно хотѣла посѣтить, непускаютъ послѣ трехъ. Къ ней изъ Пантеона два шага, но, разумѣется, въ теченіе получаса, мы едва успѣли мелькомъ показать ей главное: взглянули на gobелены, фрески и картины вестибюля. Обѣжали библіотеку, основанную кардиналомъ Ларошфуко, гдѣ минутку оставались предъ портретомъ Марии Стюартъ — собственнымъ подаркомъ королевы Шотландіи аббатству св. Женевьевы, и только на нѣсколько минутъ поднялись въ читальню, длинную, свѣтлую залу, гдѣ сидѣло, склонясь надъ фоліантами, нѣсколько сотъ чтецовъ,—какъ ужъ раздался первый звонокъ.

Оттуда мы прошли еще нѣсколько шаговъ, въ церковь св. Стефана, какъ разъ напротивъ,—позади Пантеона.

St Etienne du Mont—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, по оригинальности и красѣ, древнихъ церквей Парижа. Она ужъ и виѣшнѣстю своей—своими готическими башнями и рѣзными шпицами—останавливается вниманіе, а внутри это просто игрушечка,—и *un petit bijou!*.. Историческая, драгоцѣнная игрушечка, къ несчастію, не разъ окровавленная политическими преступленіями... Не даромъ вся она переполнена *поклонными* приношеніями парижанъ.

Богатая рака св. Женевьевы, гдѣ лежатъ моши ея, которыхъ во время революціоннаго кризиса были выброшены толпой изъ собственнаго храма ея чуть

не на мостовую, подобраны вървующими и сохранены въ подвалѣ частнаго дома,—горитъ огнями, драгоцѣнностями и всегда убрана цветами. Лѣпная работа и рѣзьба по дереву внутри этого храма—верхъ совер-

Вандомская колонна въ Парижѣ.

шенства и красы; а когда солнце бѣть въ расписныя окна, все въ ней горить яркими красками и сияеть, словно она выложена драгоцѣнными камнями.

Этимъ пелеринажемъ къ саркофагу покровительницы Парижа закончили мы нашу прогулку. Если я вамъ угодила ея описаниемъ, то рада буду всегда помогать м-ле Marie описывать наши экскурсии по городу и его окрестностямъ. Въ нихъ много интересныхъ подробностей; хотя я съ лѣтства знакома съ нашими парками, дворцами и храмами, но всегда рада посѣщать ихъ вновь, когда находится случай и время. Надѣюсь, что мы еще успѣмъ побывать съ м-ле Magie во многихъ мѣстахъ, пока стонгъ теплое, лѣтнее время. Зимой ужъ будемъ заниматься приложнѣй, а потомъ, можетъ-быть, и вы посѣтите Парижъ будущимъ лѣтомъ. Это было бы истиннымъ счастіемъ! Не только для вашей подруги, но и для тетушки и для меня самой, chère m-ле Anna.

Прошу васъ вѣрить искренности моихъ лучшихъ чувствъ и моихъ пожеланій вамъ полнаго выздоровленія и счастія.

Ваша всѣмъ сердцемъ

Hortense Laroche.

P. S. Прошу васъ передать мое уваженіе почтенной гувернанткѣ вашей, которой тетушка дружески кланяется, надѣясь, что она ее не позабыла. Иду просить м-ле Мари приписать къ этому письму, о нашей встречѣ въ Пантеонѣ.

(Продолженіе того же письма,
рукой **Маріи Михайловны Сахновичъ**).

Ну, вотъ! Только что я засѣла за свое нѣмое фортепіано ради экзерцицій, какъ явилась Hortense и потащила меня еще тебѣ писать, увѣряя, что отложить разсказа, ради полноты описанія нашей прогулки, невозможно.

Положимъ, она права, что по-французски разскажать этого нельзя *такъ*, какъ по-русски... Приходится ее послушаться.

Іольская колонна въ Парижѣ.

Встрѣча была, въ самомъ дѣлѣ, премилая. Слушайте.

Вотъ вошли мы въ Пантеонъ, обошли его внутри, все осмотрѣли и говоримъ: „А теперь—въ катакомбы!..“ И что жъ вы думаете? Нельзя,—говорятъ!.. Нынче въ

катаомбы безъ билетовъ не пускаютъ, а билеты выдастъ администрація, гдѣ-то возлѣ Пале-Рояля, въ улицѣ Vallois... Спасибо!.. „Что жь это за контредансы?“ какъ говорить вдова Кубыркина (въ комедіи Соллогуба „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“). Меня это крайне огорчило и начала я сѣтовать,—какъ же такъ можно дѣлать такія затрудненія иностранцамъ?.. Что же, уѣду я въ Россію и катакомбы не увижу? Гдѣ мнѣ тамъ, какихъ-то билетовъ искать и опять пріѣхать?

Сказать по правдѣ, я, какъ и всѣ русскіе теперь во Франціи, немного избалована льготами, которыхъ сыплются на насть любезностью „нашихъ друзей“, какъ только они засышатъ о нашей национальности; но тутъ дѣйствительность превзошла мои ожиданія. Только что помянула я, что уѣду въ Россію, какъ въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ меня стоявшій, сѣдоволосый, очень почтенного вида стражъ, улыбаясь во весь ротъ, переспросилъ меня:

— En Russie?.. Madame veut s'en retourner en Russie?.. Madame serait elle bien russe?

И на мой утвердительный отвѣтъ, что я русская, бравый безрукій, какъ я только что замѣтила, воинъ разразился нѣсколько коверканной, но понятной россійской рѣчью:

— Ah!.. Русски?.. Баринъ—русски?.. — восклицалъ онъ одобрительно.—Карошъ русски баринъ! Добри русски... peuple. Русски все надо показить à Paris!..

Мои спутники такъ и ахнули отъ такой неожиданности, а я прямо къ добродушному лингвисту бросилась: „Какъ? Онъ знаетъ по русски?.. Быть вѣрно въ Россіи?.. Когда? По какому слушаю?..“

Старикъ добродушно кивалъ мнѣ, улыбался; повелъ насть въ катакомбы, все показалъ тамъ, а, главное, растрогалъ всѣхъ насть своимъ задушевнымъ рассказомъ.

Онъ оказался однимъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ еще, ветерановъ Крымской войны. Ему въ одномъ изъ

послѣднихъ дѣйствій оторвало руку ниже локтя; наши санитары ему ампутировали ее на мѣстѣ дѣйствій, да неудачно залѣчили на первый разъ. Отправили его, съ нѣсколькими другими плѣнными, въ Петербургъ и чуть не цѣлый годъ пробылъ онъ въ госпиталѣ съ русскими ранеными и больными воинами. И такъ онъ съ ними передружился, что даже рѣчь перенялъ и до старости не совсѣмъ позабылъ... Болѣе всего запомнилось ему удивившее его вначалѣ добродушіе русского человѣка: одинаковое обращеніе служащихъ,

Зданіе Биржи въ Парижѣ.

докторовъ и посѣтителей со своими и съ чужими,—съ нимъ и двумя-тремя товарищами съ нимъ по плѣну,—*со врачами*. А что до „русски баринъ“,—то онъ особенно хорошую память вынесъ о насть благодаря множеству женщинъ, навѣщавшихъ лазареты и утѣшавшихъ раненыхъ всѣмъ, чѣмъ могли... Надо было видѣть съ какимъ жаромъ онъ намъ разсказывалъ:

— Notez, mesdames, que je m'étais attendu à me trouver chez des ennemis cruels, chez des barbares! — объяснялъ намъ милѣйший инвалидъ. Я, по слухамъ

о России и русскихъ, готовился муку принять: вѣдь у насъ вѣвъ варварами вѣсъ называли! Нашихъ пѣнныхъ никто ужъ во Франціи не думалъ увидѣть живыми... Положимъ, узнавая вашихъ солдатъ, мы скоро поняли, что они храбрецы, но не жестоки, но все же пѣнникомъ у васъ жутко было мнѣ оставаться. Всего ждалъ!.. И вдругъ попасть словно къ своимъ: уходъ, пища, кровъ, доброта; да еще ко всему такія услуги, которыхъ вашимъ бѣднымъ пѣннымъ у насъ ужъ никакъ нельзя было бы найти, — malgr  tout le bon vouloir possible. Какъ теперь вижу я красивую молодую даму, которая, надѣляя меня сигаретками, разъ спросила, не желаю ли я домой письмо написать? „Какъ не желать, — говорю я: — да не могу! Руки у меня нѣтъ“. — „Да за то у меня обѣ руки цѣлы, — говоритъ. — Продиктуйте, чтѣ и кому, я за васъ напишу!..“ А я-то простакъ: — „Да у насъ, говорю, пожалуй, русскаго письма прочесть никто не сумѣеть!“ Засемѣяли, сударыни, меня тогда товарищи и свои и русскіе; да и самъ я тутъ же спохватился и устыдился своей глупости, — смѣясь сознался старинъ.

— Etais-je assez b te? — спрашиваетъ. Слышу, какъ она говорить хорошо по нашему, а невдомекъ мнѣ, что и пишетъ она также, навѣрное. И много разъ потомъ она мнѣ письма писала, — que Dieu la prot ge, la bonne ame!.. Вотъ я и думаю себѣ тогда: вотъ тебѣ и *варвары!*.. Кто же теперь дальше ушелъ: русскіе варвары или мы, — la grande nation?.. Вѣдь, поди, въ нашей „великой нації“, не то что дамы, а и профессора-то, пожалуй, ученаго не найдется, который могъ бы женъ да матерей русскихъ пѣнныхъ *русскимъ* письмомъ порадовать?!.. Варвары-то, значитъ, на дѣлѣ не только добры, но и учены? Поученый насть, французъ, кое въ чемъ, оказываются!.. Et je vous assure, mesdames, que l'incons quence et l'injustice de mes compatriotes, me fit bien des fois honte! — заключить свою рѣчь инвалидъ.

Я, разумеется, передаю его рассказ не полностью, но вотъ, дорогія мои, что меня особенно тронуло въ его рассказахъ, — какъ онъ обоихъ нашихъ царей, Николая I и Александра Николаевича, видѣлъ и какое прекрасное воспоминаніе о нихъ сохранилъ. О первомъ онъ нѣсколько разъ восклицалъ:

— „Oh! Il semblait morne, morne à serrer le coeur!.. Мы и голоса его не слыхали: прошель чрезъ весь лазареть, но ни съ кѣмъ не говорилъ, сказывали, а только докторовъ слушалъ и рѣдко-рѣдко освѣдомлялся о ка-

Зданіе новой оперы въ Парижѣ.

комъ-нибудь сильно раненомъ. Я и самъ тогда еще плохо былъ, посль второй выше локтя ампутациіи руки... Императоръ Россіи мгъ показался такимъ великаниомъ и такимъ красавцемъ! Un beau géant, mais se triste, si triste! Видно было, что онъ опечаленъ и озабоченъ глубоко, хотя полонъ силъ и энергіи... Это было незадолго до его кончины. Не могу вамъ сказать, какъ смерть его меня поразила!“

Я почти до слова помню, что инвалидъ говорилъ, особенно объ Александрѣ II. Какіе рассказы ходили

между ними, въ лазаретъ, о немъ, какъ его негернѣ-
ливо желали увидѣть и какая радость была между
русскими солдатами, когда прошелъ, наконецъ, слухъ,
что молодой царь хочетъ навѣстить ихъ.

— Я ужъ совсѣмъ, говоритъ, выздоравливалъ.
Любопытство меня разбирало: ну, думаю, неужели и
этотъ царь у нихъ такой же красавецъ, какъ отецъ
его?.. И вотъ въ одинъ чудесный, весеній день до-
ждались мы его, увидали и, представьте себѣ, что
когда онъ остановился передо мною и заговорилъ,
я какъ мальчишка обрадовался ласкѣ его и вопросу.
Да и какіе взгляды и голосъ были у вашего Александра II!.. Красотой онъ былъ весь въ отца, но было
у него еще что-то въ глазахъ и въ улыбкѣ, чего, ка-
жется, у Николая не было: доброта и привѣтливость, —
прелесть совсѣмъ особенная. Oh, bien sûre, il avait une
bonté angélique, celui-là... Остановился онъ у моей койки,
я стою, думаю: неужели заговорить со мною?.. Онъ заго-
ворилъ. Онъ спросилъ каково мнѣ? Гдѣ и какъ ранень-
быть? Не желаю ли я чего? Всѣмъ ли доволенъ?.. „До
самой смерти не забуду я, ваше величество, — отвѣ-
чалъ я, — какъ со мною обходились въ Россіи, какъ
добры весь русскіе люди; но все же хотѣлось бы скорѣ-
е увидѣть отечество!“ Онъ меня по плечу похло-
палъ. — „Mais c'est pour cela pr  cisement qu'on t'a
soign  , ton brave, — говоритъ: — для того мы тебя и
выходили. Какъ только доктора тебя отсюда выпустятъ,
мы тебя сейчасъ во Францію отправимъ“. И какъ онъ
это сказалъ, и какъ на меня посмотрѣлъ, — такъ со-
всѣмъ мое сердце растаяло... И порѣшилъ я, разъ
навсегда, никакимъ злымъ и вадорнымъ выдумкамъ
на Россію, ея народъ и ея царей — не вѣрить!.. Да!
Вотъ чуть чт оне полистолѣтія я, — да, навѣрно, и многіе
наши, имѣвшіе необходимость лежать больными
или оставаться плѣнниками въ Россіи, любимъ ваше
отечество и чтимъ его народъ. C'est une belle contr  e,
peupl  e de braves gens, — là! Je l'ai toujou  rs su, moi.
Я не съ сегодня на завтра измѣнилъ мысли по отно-

шению къ Россіи,— какъ многіе нынче у насть; я давно знаю, что она населена храбрецами, добрыми, честными людьми и великодушными, прекрасными женщинами,— столько же добрыми, сколько красивыми”.

Главный входъ въ Новой оперѣ.

Представьте себѣ, милыя, такую любезность крымскаго ветерана! Я не могла не улыбнуться такому неожиданному заключенію его разсказовъ; но онъ никакъ не смущилъ,

руку къ своей кепи и, пригнувъ голову въ мою сторону, прибавилъ: „Vous devez me passer le mot, madame, car vous en offrez le meilleur échantillon!“ *).

Каковъ стариашка инвалидъ!.. Не правда ли, чудная сторона Франція? А?.. Не отличишь въ ней порой церковнаго сторожа-солдата отъ маркиза времень старой монархіи.

Ну, голубушки мои, счастливо оставаться. Дѣла у меня — по самую голову и выше!.. Да хранить васъ всѣхъ Господь-Богъ.

Vаша Мания.

XI.

Отъ Федора Сергеевича Берестина — Аннѣ Александровнѣ Берестиной, въ Вѣну.

Истборнъ. А какое число?
одинъ Богъ вѣдеть!

Значить, рѣшено, Аня, что всѣ тебѣ пишутъ, такъ какъ вы съ *dearest* Джемимочкой и старенькой Фоминичной на перепутыи находитеся, между европейской басурманщицей и нашей матушкой, право — славной Русью родимой. Ну, хорошо, такъ напредки и знать будемъ, но только не прогнѣвайся: я отдельно Алешкѣ сердитую цидульку послалъ. Пока бы ты ему переслала, а я долженъ быть сердце сорвать, потому что онъ, *художникъ* этакій (не отъ художествъ произвожу, а отъ *худыхъ* тѣль, какъ нашъ староста Сидоръ Власьевичъ мужиковъ бранитъ), — каверзу на меня Вальтеру написать: чтобы онъ построже, молъ, съ меня взыскивалъ, такъ какъ я и въ гимназии извѣстенъ своей лѣни и только потому перехожу успѣшио изъ класса въ классъ, что Господь-Богъ меня прыт-

*) Вы должны извинить мои слова, такъ какъ сами — лучшій образчикъ ихъ справедливости.

кими способностями надѣлилъ... Ну, скажи, пожалуйста, Аньютя, какъ тутъ не разозлиться на такую „инсценацию“ злостную?.. Выдумаль на меня, на чужой сторонѣ, гдѣ я, можно сказать, неустанно тружусь, въ поть лица добывая свѣдѣнія во славу свою (будущую *s'entend!*) и на пользу отечества, — выдумаль, клеветникъ, такую на меня *мараль* напущать!.. А-а?.. Чтобы ему волжскія стерляди языкъ откусили!.. По своей лѣни, вѣмъ извѣстной, о другихъ судить, должно-быть!.. Хорошо, что uncle'чикъ Вальтеръ Джемсовичъ знаетъ мое прилежаніе и ему не повѣрилъ;

Большой водонадѣй въ Санть-Клю.

онъ взялъ мои чертежи и разныя выкладки,— расчеты по проекту постройки парохода,— къ несчастью, пока еще фиктивнаго!— взять и отослать въ Берестное,— чтобы, говорить, папа ему не повѣрилъ, если Алёшка вздумаетъ писать о своихъ сомнѣніяхъ насчетъ моихъ съ нимъ занятій. Писать ему никогда, онъ страшно занятъ, нашъ Вальтерчикъ. Юля даже сердится: никогда мы его, кромѣ субботы и воскресеній, не видимъ. Все въ разѣздахъ или въ Лондонѣ на эллингахъ, въ докахъ пропадаетъ. А то и въ субботу пріѣдетъ

къ намъ въ Eastbourne, пообѣдаемъ и сейчасъ онъ со мной идетъ заниматься. Просматриваетъ, что я за недѣлю сдѣлалъ, поправляетъ, разсказываетъ, задаетъ дѣло для слѣдующей недѣли,—если только меня съ собой не увозить на практическія занятія. И только воскресенье онъ свободенъ, и веселье, и на всякия Юлины затѣи готовъ,—самъ шалитъ, словно мальчикъ. Ну, право же больше, чѣмъ я!.. Такой славный! Я его съ каждымъ днемъ все больше люблю. Эхъ, право! Даже обидно, зачѣмъ онъ не нашъ, русскій, а какой-то ирландецъ. Впрочемъ, знаешь, присмотрѣвшись, въ Англіи, право, много хорошихъ парней; а что ужъ цѣльные — этого никто у нихъ не отыметь. Я ужъ такъ рѣшилъ: кончу я высшее техническое образованіе въ Россіи и непремѣнно пріѣду сюда на цѣлый годъ, если не на два, для практическихъ занятій... Тогда такой корабль выстрою, что еще такого никто и не видывалъ, — посмотрите!

Мы отлично здѣсь на морѣ поживаемъ. Истборнъ — преображенійский городокъ, а ужъ катанья и купанья — прелесть. Мы съ Юленкою и знакомыми ея много катаемся и по землѣ и по водѣ. Она великолѣпная sportswoman'ша. Право!.. Не только верхомъ чудноѣздитъ, но сама править парой лошадей въ шарабанѣ; а на морѣ гребеть и рулемъ управляетъ, — будто у себя на диванѣ сидитъ, — такъ спокойно и ловко.

Я тоже подучился грести и плавать. И ныряю теперь хорошо. Мистеръ Лидсъ мною очень доволенъ, хотя я никакъ его не упрощу отстать отъ меня, когда я купаюсь... Просто несчастье! Какъ акула за добычей, слѣдить за мной на морѣ. Увѣряетъ, что не можетъ измѣнить слову, данному м-ру Эйртону, что отвѣчаетъ за мою безопасность; но что я могу спокойно игнорировать причину его присутствія, — онъ для всѣхъ такой же купальщикъ, какъ и я... И въ самомъ дѣлѣ онъ молодецъ: никогда не пристаетъ съ несущими советами или наставленіями. А прошлое воскресенье

Вальтерь даже удивился, какія я штуки въ водѣ про-
дѣлывалъ, — право! Я не хвастаюсь.

Что-что, а хвастаться, ты знаешь, я терпѣть не
могу. Не даромъ того дылду въ Кью-Гардензъ, на
Темзѣ, поколотилъ за то, что опѣ самъ о себѣ чудеса
расписывалъ, а меня вдругъ, ни съ того ни съ сего,
хвастуномъ назвалъ... Помнишь, я въ прошломъ письмѣ
рассказывалъ всю исторію?.. Я вѣдь обѣщался всегда
вамъ всѣмъ описывать о моихъ столкновеніяхъ съ
Джонъ-Булями; но, представь себѣ, больше такихъ не
бывало. Такъ какъ я превосходно „себя показалъ“,
сирѣчъ самъ себѣ выдалъ аттестатъ правоспособности,
отколотивъ длинновязаго Боба Файлера, будущаго
маркиза Сэндерфорда, то вся наша компанія менѣ
сразу зауважала и всячески „уваженіе и преданность,—
преданность и уваженіе“ доказываетъ... Джонъ-Булей
хлѣбомъ не корми, только ловкимъ боксомъ ихъ съ
позиціи сшибани — и сейчасъ къ нимъ въ авторитеты
попадешь. Это вѣрно!.. Въ этомъ со мною и Вальтерь
и всѣ right-honourables согласны.

Мама и всѣ вы все говорите, чтобы я вамъ пи-
салъ о дворцахъ, о музеяхъ, о паркахъ, обо всемъ,
что здѣсь вижу. Но, Господи! Развѣ это возможно?..
Я ужъ и не знаю, какъ сказать? Вѣдь это все равно,
что вотъ взяться отдельно каждое дерево въ лѣсу
описывать или каждую волну на морѣ. Все вмѣстѣ —
огромно, великолѣпно, интересно; но развѣ я могу
цѣлые томы вамъ писать?.. Описать все, что видишь
въ Британскомъ или Кенсингтонскомъ музеумѣ, или
въ Кристальному дворцу; въ громадныхъ лондонскихъ
паркахъ, въ садахъ Кью, съ сотней его оранжерей,—
Господи помилуй! Это даже надо десять томовъ испи-
сать. Куда же мнѣ?.. Ей Богу, не могу такой штуки
сдѣлать. На такой фокусъ способна развѣ наша пре-
мудрая Катя или Юленъка вотъ, — да и тѣ врядъ ли
бы справились. Нѣть, ужъ отъ меня этого не ждите.
Вотъ, если случится опять поколотить кого-нибудь, —
на описание такой штуки меня, можетъ-быть, хватитъ;

а расписывать зданія да зрѣлица,— отъ этого увольте меня, родненькіе,— не могу!

А теперь, пока что, прощайте. Счастливо вамъ оставаться, а я съ Юленькой сейчасъ на Beachy Head верхомъ ѳду,— это такая гора мѣловая, мысъ, на которомъ Юлій Цезарь съ войсками высадился, когда пришелъ Англію завоевывать. Тутъ же и знаменитое Hastings, бухта и поле, гдѣ Вильгельмъ Завоеватель поколотилъ короля Гарольда,— давніо!.. Еще въ 1066 году... Можно бы и забыть, но здѣсь помнить.

Ну, вотъ вамъ „un petit bout d'histoire“ тоже, какъ бывало Ларошка, ваша возлюбленная,— а мое пугало,— говоривала. Какъ-то у нея Маруся преуспѣваетъ? Мой ей поклонъ.

Цѣлую всѣхъ громко и звонко и крѣпко! До свиданія.

Вашъ Федъка Безпардонный.

Да, да, да! Чуть не забыть: Вѣрочку Стрѣльцову отъ меня расцѣлуй, Аня. Она чудесная дѣвочка,— я вѣдь въ Москвѣ ее часто, каждый почти праздникъ видаль, когда она жила у Антоновъ и часто бывала у Карабачевыхъ. Я увѣренъ, что ты ее полюбишь. Другихъ твоихъ родственниковъ я не знаю, но Вѣра, хоть и крошка, но такая умница, веселая, разсказчица, просто милочка!.. Кланяйся ей отъ меня, пожалуйста, и даже—попросту чмокни. Спроси: перестала она мечтать съ Жюлемъ Верномъ кругосвѣтное путешествіе въ воздушномъ шарѣ или подводномъ пароходѣ, совершить?.. Она вѣдь собиралась ему письмо писать, чтобы онъ ее принять въ компанію... Чудесная дѣвчинка она,— сама увидишь. Если ее въ семье не любить, какъ я слыхалъ, такъ это твоей тетушкѣ и ея сіятельный дочки чести не дѣлаетъ,— можешь въ этомъ ихъ отъ меня увѣрить. Юленька велить тебѣ сказать, что она на той недѣльѣ тебѣ большущее письмо пришлетъ о Лондонѣ и всякихъ его

достопримѣчательностяхъ. Ужъ это лучше, чѣмъ бы я съ такой задачей справился!

Farewell, my darlings.

XII.

Отъ миссъ Уиллсъ Сер-
гѣю Андреевичу Берестину,
въ село Берестное. Пере-
вольть съ французскаго.

17/29 августа. Вильна.

Cher et très honoré Monsieur!

Извините меня, что рѣшаюсь вать безноконить своимъ дурно написаннымъ французскимъ письмомъ; но обстоятельства настолько серьезны, что я обязана узнать вашу волю, какъ опекуна моей дорогой воспитанницы и единственнаго человѣка, котораго она покорно слушается.

Какъ вамъ, должно-быть, известно, ей стало гораздо лучше въ послѣднее время. Она окрѣпла нѣсколько, получила аппетитъ. Больѣнненіе припадки ея головокруженій, сердцебѣній и одышки стали гораздо рѣже и легче; однимъ словомъ, я, съ ея почтенной пяней, были совершенно довольны состояніемъ ея здоровья; какъ вдругъ, въ послѣднюю недѣлю, постоянныя тревоги и раздраженія снова разстроили miss Annie.

Причиной этого дурного возвращенія не что иное, какъ прѣѣздъ цѣлой семьи ея родственниковъ, которыхъ она не любить и которые ее постоянно разстраниваютъ своими чрезвычайно неблагоразумными рѣчами и поступками, а равно и вѣчнымъ своимъ шумливымъ присутствиемъ. Я никогда не зналала болѣе нерациональной особы, какъ графиня Стрѣльнича!.. Она не можетъ понять, что на свѣтѣ есть какие-либо интересы, кроме ея собственныхъ, и что не всѣ обладаютъ такими нервами и непоколебимымъ здоровьемъ,

какъ она и ея дочери. Къ несчастью, они поселились въ нашемъ же отелѣ и нѣть средствъ оградить миссъ Анни отъ ихъ постоянныхъ вторженій и посагательствъ на ея спокойствіе!.. О посагательствѣ этихъ безцеремонныхъ барышень на ея кошелекъ я ужъ и не говорю. Подъ предлогомъ родства и дружбы старшія миссъ Стрѣльневы, съ первыхъ же дней совмѣстныхъ выѣздовъ съ кузиной, такъ облегчили ея портмонѣ и засыпали насть такимъ заваломъ магазинныхъ счетовъ, что я испугалась за нашъ бюджетъ и должна была сдѣлать замѣчаніе миссъ Анни... Но при врожденныхъ ей добротѣ и щедрости это мало помогло.

Но противъ чего я возстала еще гораздо рѣшительнѣе, это противъ нарушенія режима, предписанаго намъ медиками. Молодыя дѣвицы желали не только чтобы кузина поставляла имъ ложи въ театры и билеты во всевозможныя зрѣлища, концерты и гулянья, но они еще требовали, чтобы она сама съ ними ихъ посѣщала... Это, благодаря спокойнымъ и разумнымъ вкусамъ нашей дорогой дѣвочки, я скоро прекратила, сославшись на врача, который энергически поддержалъ меня своимъ авторитетомъ.

Все это я терпѣла, надѣясь, что госпожа Стрѣльнева скоро уѣдетъ; но когда узнала, что всю семью здѣсь задерживаются заказанные для морского берега туалеты, которыхъ не сдѣлали въ Италии потому, что тамъ дороги модные магазины,— я рѣшилась, переговоривъ съ докторомъ, ускорить нашъ отѣздъ изъ Вѣны. Мы бы такъ и сдѣлали, но, на бѣду заболѣла меньшая дочь графини, двѣнадцатилѣтняя miss Vega, которую мы, какъ исключеніе изъ этой несимпатичной семьи, всѣ полюбили. Miss Annie ни за что не захотѣла покинуть бѣдную дѣвочку, ни къмъ въ родной ея семѣи нецѣнную. Такимъ образомъ мы еще отложили отѣздъ свой въ горы и тутъ случилось самое нежелательное изъ всего этого непріятнаго происшествія: прїѣхали оба графа Стрѣльневы,—

Памятник Шуберту въ городскомъ паркѣ въ Вѣнѣ.

отецъ и сынъ, весьма несимпатичный юноша, сильно, повидимому, помятый жизнью, удовольствіями, которыми пользовался, вѣроатно, слишкомъ неумѣренно... Объ этомъ свидѣтельствуетъ его истомленная наружность.

Не знаю, чѣмъ этотъ непріятный и часто даже неприличный въ манерахъ и разговорѣ молодой человѣкъ особенно досадилъ нашей сенситивной, деликатной дѣвочкѣ, но она съ первыхъ же дней къ нему почувствовала такую антипатію, которой скрывать не могла, да и не хотѣла. Подозрѣваю, что онъ или мать его что-либо сказали ей непріятное, потому что она, на третій день его пребыванія, вошла ко мнѣ вся взволнованная, объявила, что сей-часъ бы уѣхала, чтобы избавиться отъ ихъ присутствія, если бъ не бѣдная Вѣрочка. Съ того дня она круто измѣнилась въ обращеніи съ своимъ кузеномъ и, чтобы не встрѣчаться съ нимъ у тетки, взяла большую сестру его къ намъ въ комнаты и не отходитъ отъ дѣвочки. Мало того,— она очень желаетъ оставить ее совсѣмъ у насъ.

Вотъ этотъ вопросъ и составляетъ главный пунктъ моего письма: найдете ли вы это возможнымъ?

Дѣло въ томъ, что маленькая miss заболѣла возвратной лихорадкой, которая, говорять, захвачена ею, гдѣ-то въ болотахъ Итальянской Кампании, на какой-то прогулкѣ, у знакомыхъ графини, гдѣ ее оставляли подъ предлогомъ лѣченія; а я думаю просто, чтобы не было съ ней лишнихъ расходовъ и заботъ веселившимся сестрамъ ея и матушкѣ. Докторъ нашъ, осмотрѣвъ миссъ Вѣру, по просьбѣ миссъ Ани, сказалъ, что морской плоский берегъ, можетъ быть ей очень вреденъ, что ей нуженъ климатъ сухой, горный, какъ тотъ, куда насы посылаютъ. Вотъ эта дорогая дѣвочка наша и схватилась за мысль ее взять съ нами,— благо маленькая кузина сразу къ ней привязалась горячѣй, нежели ко всѣмъ своимъ сестрамъ, отцу и матери, вмѣстѣ взятымъ. Графиня, разумѣется,

обрадовалась сбыть исплюбимую помъху съ рукъ; я же не сочла себя въ правѣ протестовать, тѣмъ болѣе, что противорѣчіе ея желанью могло бы еще ухудшить состояніе здоровья miss Annie и безъ того разстроившееся всѣми этими передрягами. Однако, я предупредила ее, что напишу, желая имѣть на это Ваше согласіе; она охотно согласилась, увѣренная въ немъ заранѣе.

Графъ-отецъ выразилъ намѣреніе не долго оставлять на наше попеченіе свою дочь и, въ случаѣ ся скораго выздоровленія, самъ за нею пріѣхать; но я откровенно должна сказать вамъ, что не вѣрю исполненію этого намѣренія. Если бы оно было и искренно, мигъ кажется, графъ въ такой зависимости отъ своей супруги, что противъ ся желанія никогда ничего не сдѣлаетъ; а графиня навѣрно разсчитываетъ на продолжительное освобожденіе отъ заботъ о своей больной дочери, къ которой она болѣе чѣмъ равнодушна.

Стрѣльневы уѣзжаютъ черезъ недѣлю. Если бы вы нашли нежелательнымъ пребываніе у насъ миссъ Вѣры, — вы должны принять во вниманіе увеличеніе расходовъ миссъ Берестиной, такъ какъ врядъ ли графиня что-либо за дочь свою будетъ оплачивать, — то телеграфируйте, прошу вѣсть; дабы несогласіе ваше еще пришло во-время.

Свидѣтельствуя свое почтеніе супругѣ вашей, я пребываю, *cher Monsieur*, вамъ покорная и преданная.

Jemima Willis.

Приписка рукою Анны Александровны Берестиной, по-русски.

Милая тетя и дядичка, крѣпко вѣсь обнимаю и щѣлую. Простите, дорогіе, что сама не часто пишу вамъ. Вѣдь Катюша вамъ пересыпаетъ всѣ наши

письма, не правда ли? Пожалуйста, берегите ихъ для моей коллекціи. Хоть я и безтолково пишу, но для полноты моего сборника и онъ нужны будут.

Надѣюсь, что дядичка выбранитъ эту ворчунию Джемиму за то, что она сомнѣвается въ его согласіи на доброе дѣло, которое мнѣ принесетъ большое удовольствіе къ тому же.

Прилагаю послѣднее письмо Феди; оно вамъ докажетъ, что и онъ радъ будетъ моей пріязни къ этой милой, бѣдной Вѣрочкѣ, которой мизинчика не стоять всѣ ея пустоголовыя и чванныя сестры. Какъ только получу твое согласіе, голубчикъ дядичка, мы сейчасъ уѣдемъ въ Баварію или Тироль. Телеграфи-
руй, во всякомъ случаѣ, скорѣе. Я, впрочемъ, увѣ-
рена заранѣе, что знаю твой отвѣтъ; но хочу успо-
коить свою Уилличку, чтобы она отсюда уѣхала „съ
легкимъ сердцемъ“, какъ няня говорить.

До свиданія, милые, дорогіе. Кланяйтесь всѣмъ и особенно ворчуну Михаилу Васильевичу. Маруся, скажите ему, вчера мнѣ такое интересное письмо написала, что хоть сейчасъ въ печать посыпать. Я его завтра же Катѣ съ Алешей перешлю.

XIII.

Отъ Катерины Сергеевны
Берестиной, Аннѣ Александровнѣ Берестиной.

Отъ 10 до 16 августа.

(Друзья мои,—пишу въ скобкахъ,—необходимое предисловіе. Начатое въ плаваніи отъ Углича, это письмо побывало и въ Рыбинскѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Костромѣ, и, наконецъ-то, сейчасъ его отправляю изъ Нижняго; а потому и могу помѣтить число и мѣсто отправленія его: *Нижний-Новгородъ. 16—28 авг. 189* г.*)

Мы отходимъ оть Углича. Я разложила свой бюваръ на складномъ столикѣ, примостившись за вѣтромъ, подъ стѣнной общей каюты; смотрю на берега, на двигающуюся, разнокалиберную публику и строчу понемножку свое письмо. Мы все еще идемъ на юго-востокъ, а потому насть обдуваетъ довольно свѣжій вѣтеръ, „навѣвающій осеннею холода, изъ-за Бѣлаго моря и полярныхъ странъ“, говоригъ мнѣ Алеша, покуривая папиросу. Онъ подошелъ на минуту, расхаживая вдоль палубы съ какимъ-то лѣсоторговцемъ, котораго разспрашивала о лѣсной экс-

Навигація открылась.

плуатациі по Уижѣ и Ветлугѣ, гдѣ мы будемъ на этой или будущей недѣлѣ,—смотря по тому, какъ заблагоразсудится моему спутнику и повелителю. Съ этими долгосрочными билетами мы вѣдь можемъ плыть до Царицына хоть мѣсяцъ, выходя гдѣ вздумается и садясь на любой пароходъ Самолетской К°; а они бѣгаютъ каждый день вверхъ и внизъ. Жду тепла съ нетерпѣнiemъ! Вотъ изъ Рыбинска Волга круто повернетъ на Востокъ и пойдетъ спускаться все рѣшительнѣе къ югу, пока за Казанью не свер-

неть окончательно подъ прямымъ, вертикальнымъ угломъ. Тогда съ каждымъ поворотомъ колесъ будетъ становиться теплый и теплый... Хорошо, что мы идемъ внизъ, уходимъ отъ ранней осени въ лѣто. Я люблю лѣтомъ тепло и сѣѣть, какъ зимою люблю морозы и снѣгъ.

Кругомъ настъ все идутъ разговоры о Нижегородской ярмаркѣ, которую мы еще застанемъ въ полномъ разгарѣ. Цѣлая семья купеческая, двѣ дочки съ мамашей и маленькой гимназистикѣ ъдутъ „посвѣлиться на послѣдяхъ“... Они бы давно тамъ были, да „тятенька не позволялъ подняться, покелева сбыть и выручка неизвѣстны были“. Теперь, вѣрно, барышни опредѣлились недурные, вотъ тятенька и разрѣшилъ къ нему пріѣхать, — „поразмѣться маленечко, — себя показать и другихъ посмотреть“, объявила сейчась купчиха какому-то знакомому своему, подошедшему подлюбезничать съ барышнями.

Знакомый, тоже, должно-быть, купецъ изъ неважныхъ или приказчикъ, увѣряетъ, что ничего интереснаго они „на Макарьевской“ не найдутъ. Онъ только что былъ въ Нижнемъ и не нашелъ на ярмаркѣ ничего любопытнаго. — „Самыя, — увѣряетъ, — простонародныя увеселенія: арфянки, балаганы; для барышень никакого пріятнаго развлеченія; а и ярмарка нонѣшняя не изъ удачливыхъ, вовсе съѣздъ небольшой и товаръ больше мужицкій...“

Барышни (одна прехорошенкай) ему не вѣрить, смыются. А онъ ихъ убѣждаетъ, что у нихъ въ Мологѣ ярмарки „даже нисколько не хуже“ нынѣшней Нижегородской... Молога — городокъ, куда мы придемъ сегодня въ полдень. Хорошенкай барышня сейчась заявила, что была тамъ въ Ильинъ день, — 20-го іюля, — на ярмаркѣ, и что тамъ только всего и продавали, что косы, серпы да глиняные горшки. Приказчикъ оспариваетъ, приглашая ее въ Мологу на зимнюю, большую, „Асанасьевскую“ ярмарку, тогда она „всякія галантерей“ тамъ увидитъ.

— Нужды,—говорить,—и быть, что зимой пароходства путь! Живо вать изъ Кимры на троечкѣ до Мологи прокатимъ. Только прикажите! Степанъ Артамонычъ къ памъ ежегодно жалуютъ.

„Степанъ Артамонычъ“, вѣроятно, и есть деспотъ-тятенька.

А берега-то какіе красивенькие мимо бѣгутъ. Правый берегъ все выше, все холмистѣй; ручьи и рѣченки по мѣстамъ овражки себѣ прорыли. Хорошо здѣсь должно быть весной... Волга шире немножко и глубже становится. Намъ уже попадаются большиѣ грузовые пароходы, которые тянутъ по иѣскольку баржъ за собою. За Угличемъ сейчасъ прошли маленький, сѣренъкій городишко, Мыскинъ. Онъ оправдываетъ свое имя... Потомъ показался желѣзно-дорожный мостъ черезъ Волгу, и въ одинъ изъ его пролетовъ мы прошли именно въ то время, какъ по немъ бѣжалъ поѣздъ, далеко разстилая по свѣтлому, утреннему небу свой черно-сизый хвостъ дыма... Смѣшио: пассажиры въ окнахъ вагоновъ и наши, на палубѣ, словно обрадовались, издали начали раскланиваться, платками махать, кричать, будто и невѣсть какіе друзья увидались.

Пришли въ Мологу. Маленький уѣздный городокъ, гдѣ на песчаномъ берегу виденъ соборъ, да двѣ-три церкви поменьше, да растянулась чуть ли не единственная, неприглядная улица. Тутъ ушелъ нашъ приказчикъ, усердно раскланиваясь со своими знакомыми и шумно выкрикивая имъ съ пристани пожеланія веселья. Мой „путеводитель“ гласить, что „Молога отжила свой красный вѣкъ и увяла“, тогда какъ Рыбинскъ на ея счетъ расцвѣть и разбогатѣть. Прежде все торговое движеніе проходило чрезъ устье рѣки Мологи,—тутъ же, за соборомъ впадающей въ Волгу,—и шло по Тихвинской водной системѣ; а теперь она заброшена. Бывшая Рыбинская слобода, переименованная въ городъ, сосредоточила всю хлѣбную торговлю, разрастась съ каждымъ годомъ, особенно съ тѣхъ

поръ, какъ провели къ нему желѣзную дорогу, вдо-
бавокъ къ сообщенію его съ сѣверо-западомъ Рос-
сии и съ заграницей по Маринскому водному пути.
Что адѣль огромно торговое движение, это замѣтно
по большому количеству вскихъ судовъ, пароходовъ
и нагруженыхъ барокъ, которыхъ они тянутъ безко-
ничными вереницами.

Иду завтракать. Алеша зоветъ: заказалъ разварную
стерлядку и свѣжей икры и требуетъ меня, на томъ
основаніи, чтобы не терять времени на ѿду въ Ры-
бинскъ, гдѣ желаетъ оставаться сутки, до завтрашняго
парохода.

12-го августа.

Вчера мы объѣздили и городъ и ближайшія окрест-
ности. Чистенький, богатый городокъ, но для худож-

По Волгѣ.

ника не представляющій ни малѣйшаго интереса.
Онъ гораздо живописнѣй съ рѣки, красуясь на до-
вольно высокомъ берегу своими пристанями, прекрас-
ной набережной и величественнымъ соборомъ съ вы-
сочайшей колокольней, чѣмъ внутри. Алеша жалѣлъ,
что потратилъ на Рыбинскъ цѣлый день. Всего одна
старинная церковь, Казанской Божіей Матери; да и
въ ней замѣчательного всего только, что она двѣsti
лѣтъ простояла. Побѣхали мы въ женскій монастырь,
заинтересовавшись его названіемъ, — во имя „св. Со-
фіи, Премудрости Божіей“. Онъ съ иголочки, или съ
молоточка — вѣрнѣй, новенький; но тоже привереднику

нашему ничемъ не притянулся... Сегодня только внимание его остановили нѣсколько типовъ на набережной, пристани, куда мы забрались нарочно спозаранку, и на столпившихся судахъ, гдѣ шла живописная сутолока; нѣсколько тысячъ рабочаго люда занято тамъ непрерывной, суетливой работой по нагружению и выгрузкѣ пароходовъ и баржъ, съ разсвѣта до вечера. Здѣсь я сѣла, съ своей книгой, въ маленькой комнаткѣ пристани и принялась читать довольно невнимательно, въ ожиданіи парохода и Алеша, пока онъ отправился, какъ всегда, *потолкаться* и набросать въ свою тетрадь кое какихъ типовъ съ натуры.

Только что было я увлеклась чтенiemъ „Baby's grandmother“ (одного изъ англійскихъ романовъ мною взятыхъ въ путешествie) достаточно, чтобы перестать обращать вниманіе на окружающее и слышать вокругъ себя говоръ и шумъ, какъ вдругъ надо мной раздался жалобный голосъ, котораго не разслышать я не могла, такъ какъ онъ, къ величайшему моему удивленію, обратился ко мнѣ лично, да еще по-англійски:

— O, ma'am, beg pardon, but, I see, you read an english book? Could not you, for heaven's sake, translate me this *).

И высокій человѣкъ, очень тонкій и несуразный, котораго мы вчера еще видѣли издали на пароходѣ, подавалъ мнѣ телеграмму. Я только и запомнила эту фигуру потому, что Алеша указалъ мнѣ его, спрашивая обычнымъ своимъ юмористическимъ тономъ: „Послушай, послушай, Катюша, какъ ты думаешь,— съ какихъ скачекъ занесло сюда этого жокея?“

И въ самомъ дѣль, этотъ длинній господинъ въ мягкомъ, кругломъ картузикѣ и на тонкихъ ножкахъ,

* Извините, сударыня, но я вижу вы читаете англійскую книгу. Не могли ли бы вы, ради Самого Неба, перевести мнѣ вотъ это.

очень похожъ былъ на жокея, по фигурѣ и по костюму.

Вы знаете, мои милыя, что я очень люблю наблюдать, но терпѣть не могу, въ дорогѣ, знакомиться съ неизвѣстными. Но тутъ дѣлать было нечего: нельзя же было не вывести бѣднаго человѣка изъ затрудненій, когда онъ очевидно не могъ понять полученной телеграммы.

Я взяла листокъ и прочла русскую депешу изъ Москвы.

„Выслалъ все до востребованія. Получить въ Нижнемъ.

Ростовшина“.

Я перевела это англичанину, удивляясь, про себя,— откуда онъ знаетъ въ Москвѣ, какого-то Ростовшина и почему тотъ, зная, что онъ ни слова русскаго не прочтеть, не телеграфировалъ ему на языкѣ ему понятномъ? Я знала, что у Алексѣя тамъ есть приятель Ростовшинъ, товарищъ его по университету... Размыслия объ этомъ, я подняла глаза на своего долговязаго вопросителя и еще сильнѣе удивилась.

Онъ стоялъ открывъ роть, выпучивъ глаза и на меня уставившись, такъ уморительно, что я чуть не засмѣялась его вопросу:

— Now! What cloes this mean?.. Что это значитъ?

— Какъ? Развѣ я не ясно перевела?.. Мистеръ Ростовшинъ выслалъ вамъ въ Нижній-Новгородъ все, чего вы ждете или что у него просили и вы это получите на почтѣ.

— Получу на почтѣ?.. Да я ничего не жду, ничего не прошу, а главное, что я никакого мистера Росто... Роставшина не знаю!— объявилъ мой жокей.— Никогда не слыхалъ такого имени!.. Ничего не понимаю!

— Я тоже, возразила я и встала, готовая забыть этотъ инцидентъ, такъ какъ заслышила сигналъ па-

рохода, которого мы ждали и забеспокоилась объ моемъ Алексѣй Сергеевичѣ.

Смотрю, идеть онъ, уткнулся въ какой-то листокъ и брови вверхъ вздернулъ, какъ онъ дѣлаетъ въ минуты душевнаго волненія или дивясь чему-нибудь. Пробивается онъ въ толпѣ, выходить на пристань и ко мигъ прямо:—Погляди, душа, что я за телеграмму получила.

— Какъ?—изумилась я:—и ты съ непонятной телеграммой?

— Ну, да, посмотри; да еще по-англійски!.. Дурацкое что-то!

Меня тотчасъ остынила догадка, но я не могла воздержаться отъ любопытства и со смѣхомъ заглянула въ открытый листокъ, который Алеша держать у меня передъ глазами:

„Moskau, — прочла я!—Lost your bet, old fellow. In two days we are with you at the fair“. (Проиграли пари, товарищъ. Черезъ два дня мы съ вами на ярмаркѣ). Слѣдовали двѣ подписи, которыхъ я не разобрала отъ смѣха, сообразивъ, что надо призвать обратно отошедшаго было съ русской телеграммой, гостеподина.

— Ты за чѣмъ-нибудь писалъ въ Москву Ростовшину?—спросила я между тѣмъ брата.

— Ну, да. Я писалъ ему изъ Твери, прося выслать краски,—двѣ краски, которыхъ у меня вышли, которыхъ мнѣ необходимы...

— И которыхъ ты просишь прислать тебѣ въ Нижній?

— Да. Почемъ ты знаешь?.. Я гостиничному лакею велѣль сходить и сюда принести телеграмму или письмо, если окажутся; только сегодня вспомнивъ, что Саша Ростовшинъ долженъ быть мигъ въ Рыбинскѣ отвѣтить, по моему же указанію... Но ты-то почемъ знаешь о Нижнемъ?

Вместо отвѣта, я, къ величайшему удивленію Алеши, обратилась по-англійски къ нашему „жокею“.

— There is your telegram, sir. Give me back my brother's one *).

— Какъ?.. Что это значитъ?.. Откуда у него можетъ очутиться *моя* телеграмма? И какъ ты это *можешь* знать?! — осаждала меня Алеша вопросами, вѣроятно, начиная бояться за мой разсудокъ.

Длинноногій, двумя саженными шагами, очутился возлѣ насть, но смотрѣть въ недоумѣніи на адресъ своей депеши, бормоча:

— There's my name on it, however **).

— And what's your name, sir? — полюбопытствовала я и взглянула на надпись его телеграммы.

На ней явственно было написанъ адресъ лучшей въ Рыбинскѣ гостиницы, гдѣ и мы ночевали, и имя: *Аллису Брестину*.

Я выхватила Аллину телеграмму, увѣренная, что тамъ будетъ иностранная фамилія, которой онъ не разсмотрѣлъ, но тамъ, уже правильно написанныя, красовались полностью фамилія и имя: Алексѣю Брестину. Оказалось, что сходныя имена и фамиліи двоихъ путешественниковъ, одновременно приплывшихъ изъ Твери въ Рыбинскъ, на телеграфной станціи перепутали. Нашего альбіонца по удивительной случайности зовутъ м-г Alyx Bresting...

Ну и нахочателись же мы съ нимъ!.. Вы себѣ, милыя, и представить не можете до чего онъ оказался забавнымъ и остроумнымъ и какъ насть занимать во все плаваніе. Наше знакомство, такъ оригинално начатое, продолжается, потому что онъ съ нами вышелъ въ Ярославлѣ и теперь, въ Костромѣ, гдѣ я пишу. Увѣряетъ, что не къ чему ему спѣшить въ Нижній, потому что товарищи, которыхъ онъ оставилъ въ Москвѣ, павѣриое еще промедлить тамъ. Представь себѣ, Аня, что этотъ оригиналъ, не зная ни слова по-русски, пожелалъ прокатиться съ верховьевъ Волги

*) Вотъ телеграмма ваша, сэръ. Отдайте мнѣ братину.

**) Тутъ мое имя, однако. — А какъ ваше имя, сэръ?

до Нижнаго на велосипедѣ. Двое пріятелей, его соотечественниковъ, изъ которыхъ одинъ говорить по-русски хорошо, служа въ какой-то московской конторѣ, его отговаривали; но онъ держаль съ ними пари, что

Волжскій пассажирскій пароходъ.

ранѣе ихъ прикатить, и будеть ихъ ожидать въ Нижнемъ-Новгородѣ. Можетъ-быть и выиграть бы пари, но вдругъ у него за Мышкинымъ, возлѣ Глѣбова, вчера сломался велосипедъ... Хорошо, что въ виду самой

пристани, такъ что онъ самъ дотащилъ свою „bicicle“ до нея и сѣть на первый пароходъ,—именно на нашъ. Въ Рыбинскѣ нашелся толковый телеграфистъ: отправилъ его англійскую телеграмму въ Москву и объщался отвѣтъ доставить; но, на бѣду, тѣ чутъ не сутки промедлили; вѣроятно толковаго телеграфиста смѣнили на безтолковаго, а тутъ подвернулся отвѣтъ Ростовшина на совершенно сходное имя,—телеграммы и перемѣшали.

Не правда ли оригинальное происшествіе.

За Рыбинскомъ берега Волги становятся такъ при-
чудливы и разнообразны, что мы все ими любовались
и на пароходъ некогда было писать. Удивительно
красивый городокъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, верстахъ
въ сорока ниже, раскинулся по обоимъ берегамъ Волги.
Это и составляетъ его оригинальность. Обыкновенно
города на одномъ какомъ-нибудь берегу,—почти
всегда на правомъ, высокомъ; а тутъ оба берега хол-
мисты и прелестная панорама города,—съ его раз-
сыпанными въ зелени домами и древними, очень харак-
терными церквами, которыхъ возвышаются на высотахъ
и по скатамъ пригорковъ,—удивительно красива! Это
собственно два городка: Романовъ — на лѣвомъ, а
Борисоглѣбскъ — на правомъ берегу; по ихъ соеди-
нили въ одинъ уѣздный городъ. Миромъ, тишиной
и старой, сѣдою Русью вѣсть отъ нихъ... Какъ жаль,
что пароходъ стоять здѣсь такъ не долго, что не-
когда и выйти. Ужъ какъ Алешу подмывало выйти
и оставаться! И мѣй бы хотѣлось, но меныше чѣмъ че-
резъ два часа старинный Толгскій монастырь, въ нѣ-
сколькихъ верстахъ отъ Ярославля, гдѣ онъ хочетъ
выйти непремѣнно, съ тѣмъ, чтобъ въ городъ прїѣхать
постѣ берегомъ; такъ вѣдь невозможно же всюду
выходить! И безъ того мы плывемъ еле движемся
изъ-за мелей, которыхъ здѣсь называютъ *перекатами*
и *перевалами*,—вѣрно, потому, что трудно чрезъ нихъ
переваливаться, — того гляди въ песокъ застрянеши.
Два раза чутъ не сѣли на мель: въ Черногрядскихъ,

да въ Богоявленскихъ перекатахъ, ужъ подъ самой Толгской пристанью, противъ громаднаго краснаго зданія Норской льняной фабрики.

Это тоже прекрасное мѣсто. Село Норское съ каменными домами и богатыми храмами, лучше иного города; а противъ него, въ отдаленіи, видны бѣлые зданія, купола и высокая колокольня Толгскаго монастыря и большого селенія Толги.

Вотъ что сказано о немъ въ „путеводителѣ“.

Толгскій монастырь.

„Все Поволжье глубоко чтить этотъ монастырь, одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ, на Волгѣ, россійской древности. Онъ основанъ въ 1314 году, при Ярославскомъ князѣ Давидѣ Феодоровичѣ, на мѣстѣ явленія иконы Богоматери святителю Трифону. Монастырь стоитъ при впаденіи рѣчки Толги, въ красивой, оживленной мѣстности (это—совершенная правда: мѣста тамъ очень живописны). Онъ окружено высокими стѣнами, имѣть четыре каменныхъ храма; въ одномъ изъ нихъ, во имя Введенія во храмъ Божіей Матери, хранится Ея явленная икона. При монастырѣ,

на берегу, часовня, гдѣ никогда не гаснутъ свѣчи, пылая особенно ярко послѣ остановки каждого парохода. Тамъ чудная, круглый годъ зеленая, кедровая роща. Противъ монастыря, на другомъ берегу, среди густой зелени, одиноко виднѣется церковь Рождества Богородицы”...

Какъ видиши, картина недурная. Мы вышли здѣсь и провели нѣсколько чудесныхъ часовъ. Какія тамъ прогулки!.. Немножко надоѣдалъ мнѣ нашъ М-г Вестинг, рѣшительно прицѣпившійся къ намъ,—что очень понятно: ему, бѣднягѣ, сколько дней ротъ открыть не съ кѣмъ было,—поѣсть попросить или ночлега добиться даже трудно было; а съ нами онъ, „какъ у Христа за пазухой”, — Алеша правду говоритъ.

Я пошла къ вечернѣй, пока они кругомъ монастыря бродили, то съ одной, то съ другой стороны его рисуя. Нашъ альбонецъ тоже съ альбомомъ путешествуетъ и очень вѣрио и быстро все въ него набрасывается. Къ его пострадавшему велосипеду придѣланъ кожаный карманъ и тамъ у него этотъ альбомъ и нѣсколько необходимыхъ вещей. Такъ смѣшно, — чуть что, онъ бѣжитъ къ своему „велѣ“, словно къ чемодану... Его разумѣется пришло на пароходъ оставить; онъ его просилъ сдать на пристани въ Ярославль, а самъ остался неразлучень съ портфелемъ своимъ.

Мы переночевали въ монастырскомъ постояломъ дворѣ, запоздавъ въ прогулкѣ, — на тогъ берегъ въ лодкѣ ъздили, по рощамъ гуляли, грибовъ искали, жаль неуспѣшио. Можно было въ тогъ же вечеръ и въ Ярославль уѣхать, ночь свѣтлая была, тихая; но Алексѣю Сергеевичу хотѣлось непремѣнно Норскую мануфактуру посмотреть... Не столько самому посмотретьъ, какъ своему новому знакомому показать, — „чтобъ онъ со своими британскими производствами не заносился“, а знать, что и въ Россіи есть фабрики не хуже его манчестерскихъ.

Мнѣ, по правдѣ сказать, совсѣмъ на фабрику ъхать не хотѣлось, — дышать смрадомъ и дымомъ, вмѣсто

чудного воздуха утра на Волгѣ, по что дѣлать! Помѣхою быть тоже не приходилось, ужъ лучше съ ними прокатиться. Минъ жаль было, что мы опоздали на сколькими днями. Восьмого августа здѣсь праздновался мѣстный престольный праздникъ явленной иконы; было множество богомольцевъ и, кромѣ того, за монастыремъ, по берегу Волги шелъ оживленный, многолюдный торгъ. То-то бы эскизовъ, да типовъ съ патуры прибавилось въ альбомъ Алеши! Да я думаю и нашему мистеру Аликсу не безынтересно было бы русскую деревенскую ярмарку посмотреть... Смѣшино, что мало одного своего *Алика* мнѣ было: еще иностранный проявился!

Ну, вотъ, прокатилась я рannимъ, чудеснымъ утромъ съ двумя Аликсами на Норскую фабрику; морили они меня тамъ, морили; по мастерскимъ водили, колесами да разными машинами глушили, такъ что у меня голова разболѣлась и въ глазахъ зарыбило. И до чего нашъ Алеша увлекающейся человѣкъ, это удивительно. Вѣдь никогда онъ промышленными вопросами не интересовался, а тутъ изъ-за нашего спутника, возгорѣлся у него интересъ къ линному и бумаго-прядильному дѣлу: разсматриваетъ, разспрашиваетъ, въ специальности вдается; все ему переводить, разсказываетъ, — а тогъ въ записную книжку записываетъ... И меня, даже, братецъ мой обидѣлъ... Я ему по-русски говорю: будешь тебѣ! Что ты этому приказчику данныхя коммерческия собираешь?.. Пораѣхать. А онъ: „Не приставай!.. Я не виноватъ, что ты какая-то улитка невозмутимая, — ничѣмъ не интересуешься!.. Меня все это очень занимаетъ“.

Каковъ?.. Улиткой меня, родную сестру обозвалъ.

Анюта, если будешь посыпать это письмо въ Парижъ на прочтение, пусть Маруся обратить вниманіе на эту черту, явно свидѣтельствующую несправедливость и бранчивый нравъ А. С. Берестина... *Avis aux lecteurs!*

Наконецъ только къ двумъ часамъ выбрались мы изъ Норской фабрики, позавтракавъ у гостепріимнаго

управляющего. Онъ же предложилъ намъ свою большую линейку на рессорахъ, спасибо ему; а то мы ъехали бы на какомъ-то невозможномъ инструментѣ, на деревянной колесницѣ временъ Ярослава Владимировича. Я увѣрена, что въ XI вѣкѣ, когда этотъ великий князь основалъ свой удѣльный градъ Ярославль, здесь именно употребляли такие инструменты пытки. Я измучилась пока до Норского мы доѣхали, а ужъ до города трястись на той же деревянной скамеечкѣ, совсѣмъ бы все бока отбило.

Но, благодаря добродушю управляющаго госпожи Прохоровой, владѣлицы фабрики, — можетъ-быть, его интересу къ показаніямъ Брестинга о свойствахъ американского и индійскаго хлопка, въ которыхъ тотъ очевидно былъ знатокъ великій, — только самъ онъ съ нами поѣхалъ и мы скоро и удобно достигли красиваго города Ярославля, раскинутаго, по крутому, высокому и живописному берегу.

Славный, богатый, чисто-русскій городъ. Старорусскій видъ придаютъ ему многія церкви, всѣ однотипные, византійской архитектуры, внутри испещренныя живописью сверху до низу, съ рѣзными иконостасами, залитыми серебромъ и золотомъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, тѣ, въ которыхъ я была. Въ соборѣ здѣшнѣмъ моши святыхъ князей Василия и Константина; ему больше двухсотъ лѣтъ. Видъ съ набережной на Волгу чудо какой красивый. Городъ раскинулся и по другому берегу; та заволжская часть называется Тверицей. Мы не были тамъ, но я любовалась ею сверху, ожидая у рѣшетки набережной Алеши, который отправился внизъ, на пристань, чтобы взять наши вещи и злополучный велосипель и ихъ препроводить въ гостиницу. Солнце заходило, чудно освѣщающая противоположный берегъ, привольно раскинувшіяся поля, постройки и линію Вологодской желѣзной дороги, уходившую въ сизую даль, унося туда дымившій поѣздъ, словно быстроногаго чернаго змѣя, метавшаго огнь и пламя въ своихъ извивахъ.

На другой день я раненько встала, — пошла къ ранней обѣди въ Успенскій соборъ на нашей же площиади. Утро было дивное, ночью гроза пронеслась. Я прошлась по развѣистой аллѣѣ бульвара къ высокой колоннѣ, сооруженной ярославскимъ дворянствомъ въ 1824 году, съ честью Павла Григорьевича Демидова, основателя „высшихъ наукъ училища“, — такъ гласить надпись на памятникѣ. Тутъ же на площиади длинное бѣлое зданіе, — это и есть Демидовскій лицей и очень древняя своеобразная церковь св. Ильи пророка, гдѣ мы наканунѣ видали изображеніе очень пестраго страшнаго суда. За соборомъ рѣчка Которость впадаетъ въ Волгу.

Миѣ хотѣлось пройти туда, но я побоялась, что мой художникъ, спавшій еще, когда я ушла, вскинется итти или ѿхать куда-нибудь, и разворчится, что меня нѣть.

Такъ оно и вышло. Едва я показалась, въ гостицѣ отворилось окно и онъ замахалъ мнѣ итти скопрѣ, укоризненно покачивая головой; а за нимъ, какъ длинная тѣнь рисовалась фигура Брестинга, улыбавшагося во весь свой зубастый, безусый, ротъ. И что это за типичная фигура, — просто удивительно! Взглянуть только на лицо ли, на ноги ли, — сразу виденъ англичанинъ.

Оказалось они панили открытую коляску и мы поспѣхъ завтрака опять покатили кататься. За завтракомъ опять смѣхъ былъ. Выдумалъ Алеша заставить своего новаго пріятеля икру въ разныхъ видахъ пробовать. Еще свѣжую, куда ни шло, онъ глоталъ приправивъ ее такимъ количествомъ лимона и перца, что и вкуса въ ней икриного не оставалось, я думаю; но паюсную — долго рѣшился не могъ въ ротъ положить... Все допрашивалъ: „Why is it so very black and so greasy?.. Is there any oil in it?..“ *). И ни за что

*). Отчего она такая черная и жирная?.. Въ нее взято масло какое-нибудь?

не хотѣль вѣрить, что въ ней нѣтъ ни краски ни масла.

А Алеша надъ шимъ потѣшался: „Ну, что жъ! Если бы въ ней и было немножко чернила, или дегтя, или сальныхъ свѣчекъ,— въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго!.. Вы видите, какъ мы съ миссъ Кэтъ ихъ уплетаемъ?.. Надо же и вамъ, изъ учтивости, кушать и похваливать... Зачѣмъ же приѣхали вы въ Россію?.. Зная, что мы єдимъ сальныя свѣчи и любимъ пить смолу, вмѣсто пива, вамъ слѣдовало заранѣе быть готовымъ дѣлать честь нашимъ угощеніямъ!“

Какъ я Алешку не останавливалась,—ничего не могла подѣлать. Хорошо, что добродушный вашъ соотечественникъ, *dearest miss Willis*, не обижался, а только посмѣивался, скаля свои бѣлые зѣбы. Онь мнѣ большое довѣріе высказывалъ: объяснявъ, что одной мнѣ будетъ вѣрить, потому что я не пожертвую истиной ради балагурства... И я, въ самомъ дѣлѣ, разоблачала всѣ вздорныя рѣчи моего братца, за невозможностью прекратить ихъ.

Позавтракавъ, заколесили мы по городу. Въ немъ есть прекрасныя зданія и хорошо то, что хотя улицы прямыя, широкія, но много садовъ и прекрасныхъ, тѣнистыхъ бульваровъ. Одинъ изъ нихъ тянется отъ самой набережной къ площади, на которой возвышается красивый театръ. Я, на него глядя, вспомнила, что вѣдь Ярославль собственно праотецъ, радоначальникъ всѣхъ русскихъ театровъ: *Волковъ*, нашъ „первый россійскій лицедѣй“, — здесь, въ Полушкиной Ярославской рощѣ, давать свои представлія... Не грѣхъ было бы ему поставить тамъ памятникъ, въ ознаменованіе такой услуги отечеству.

Наслышавшись о Ярославскихъ полотнахъ я думала, что увижу много фабрикъ; но оказывается, что самому Ярославлю и дѣла нѣть до главнаго промысла его жителей; полотна ткутъ по деревнямъ, во всякой сельской избѣ есть, говорятъ, ткацкіе станки; но у горожанъ вы ихъ не увидите никогда, по увѣре-

нимъ нашего изво лица, очень красиваго и разговорчиваго парня, все время занимавшаго насть разсказами. Здѣсь очень рослый, красивый и разбитной народъ.

Мистеръ Брестингъ все дивился, что русскіе мужики совсѣмъ не смотрѣть „несчастными и униженными”, а, напротивъ, очень веселы и развязны. Это онъ начитался пустяковъ о Россіи и воображалъ, что увидить „притѣсняемыхъ варварами рабовъ”, въ родѣ ихъ плантаторовъ въ британскихъ колоніяхъ и чернорабочихъ негровъ. Я много съ нимъ говорила по этому поводу и стыдила его отечество застарѣлыми предубѣжденіями противъ Россіи. Я рада, что зажиточный адѣшній народъ и цвѣтущій видъ деревень, полей и чудныхъ адѣшніхъ рощъ и хвойныхъ лѣсовъ, подтверждалъ то, что я говорила во время нашей загородной прогулки. Надѣюсь, что, побывавъ въ Россіи, Брестингъ радикально измѣнить кое-какія о ней допотопныя мнѣнія... Я такъ ему и сказала.

Вообще, ближе познакомившись съ нимъ, я перемѣнила о немъ мнѣніе. Я его принимала за какого нибудь разбогатѣвшаго лавочника, сынка разжившагося фабриканта какого-нибудь; но потомъ оказалось, что онъ былъ въ Оксфордѣ, много путешествовалъ и вообще очень начитанъ и образованъ... Онъ только о русскихъ и Россіи ничего не понимаетъ, а то во всемъ имѣть понятія и знанія очень развитого человѣка. Я убѣдилась въ этомъ изъ его разговоровъ, особенно съ Алешей, обѣ искусствахъ, живописи, ваяніи различныхъ эпохъ и націй. Ужасно онъ заинтересовался нашими древними иконами, утварью въ ризницахъ и рукописными церковными книгами, особенно взяю писанными. Изъ одной церкви,—св. Иоанна Предтечи за рѣкой Которостью,—просто выходить не хотѣть; часа три насть проморилъ разспросами и эскизами.

Правда, тамъ очень интересная ризница, въ этой такъ называемой, Толчковской церкви; и въ особенности замѣчательно сохранились царскія врата конца

XVI вѣка, съ мелкой, чудеснѣйшей рѣзьбой. Они вдвоемъ тамъ возились, — Алексѣй общий видъ иконостаса и дверей рисовать, а Брестинъ съ рѣзьбы снимки сымалъ, — такъ долго, что я безъ церемоніи взяла коляску и въ лавки сѣвѣдила, вуаль себѣ купить. Представь себѣ, что вѣтеръ у меня на пароходѣ унесъ вуаль, и онъ погибъ въ волнахъ. Вотъ я новый пріобрѣла, возвратилась, а они все въ разговоры и рисунки свои погружены... Насилу ихъ вытащила.

Ярославль богатъ мощами. Кромѣ святыхъ, покоящихся въ соборѣ, Василія и Константина, здѣсь еще въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, въ главномъ храмѣ во имя благовѣрныхъ Феодора, Давида и Константина, покоятся мозги и этихъ троихъ святыхъ. Тамъ есть тоже чудная вещь изъ воека: рельефный образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Столько выраженія величія и покорности въ этомъ лицѣ и такая тонкая работа, что глазъ не отведешь... Я все время, на него глядя, тебя вспоминала, Анюточка: вотъ бы тебѣ образецъ для твоихъ лѣпныхъ работъ!

Возвратились мы къ тремъ часамъ, пообѣдали, — „had our lunch,” — по опредѣленію мистеръ Аликса, упорно увѣреннаго, что ранѣе семи или восьми часовъ порядочные люди вторично завтракаютъ, а не обѣдаютъ; а въ пять уже вновь плыли „внизъ по матушкѣ, по Волгѣ”.

Что сказать тебѣ о Костромѣ? Она очень схожа съ Ярославлемъ по характеру зданій и внешнему виду: то же множество храмовъ и та же русская характерная старина; только Ярославль больше и чище, а Кострома въ послѣднемъ отношеніи, въ особенностяхъ по близости къ пристанямъ, многаго заставляетъ желать. Мы туда приплыли къ 10 часамъ вечера, — опять на обходѣ какой-то мели долго провозились и чуть на ночь не застряли. Зато Кострома имѣть преимущество историческихъ воспоминаній и отличается большей дѣятельностью мѣстной, а не лѣн-

Кострома.

тлйничастъ, какъ ся красивый сосѣдъ: въ ней самой много линяно-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ. Я здѣсь мамъ такую чудесную чайную скатерть съ салфетками купила, что Юленъка можетъ успокоиться: она ничѣмъ не уступить той, что она привезла изъ Ирландіи мамъ въ подарокъ. Впрочемъ — все по порядку.

Изъ пятичасового плаванія нашего до Костромы у меня остался въ памяти только великолѣпный видъ Николо-Бабаевскаго монастыря. Мой путеводитель говоритъ, что онъ очень древній, главному собору и стѣнамъ болѣе 300 лѣтъ и что тамъ находится чудотворный образъ святителя Николая, который часто „подымаетъ въ крестные ходы“; а капитанъ пароходный или его помощникъ, не знаю, разсказывалъ намъ множество случаевъ исцѣленій, изъ которыхъ одинъ, очень замѣчательный, быть съ его родственницей... Удивительно красивъ быть этотъ монастырь на живописномъ берегу, освѣщенный алой вечерней зарею и серебрянымъ рожкомъ только что народившагося мѣсяца. На пристани стояли всего четверть часа, но мы все же успѣли пробѣжаться до часовни и поставить тамъ свѣчку. Когда шли назадъ, паро-

ходь такъ напугалъ нась своимъ неистовыемъ ревомъ, что мы, заслушавшіе было долетавшаго изъ-за стынъ монастырскихъ церковнаго пѣнія, бросились бѣжать назадъ, вообразивъ, что онъ сымается... Я такъ запыхалась, что просто упала на палубную скамейку и ужъ во весь вечеръ съ нея не двигалась. Чудесная была, звѣздная, теплая ночь! Съ береговъ намъ мигали огоньки то группами въ селахъ, то одиночными, ярко-оранжевыми кострами рыболововъ, картино освѣщая движавшіяся возлѣ нихъ фигуры... Мы вѣтъли сюда намъ чай подать. Чудо было, какъ хорошо!.. И заснула же я въ ту ночь!... Какъ байбакъ проспала до утра, еле голова коснулась подушки въ гостиничномъ костромскомъ, невзрачномъ номерѣ; противъ обыкновенія даже своего бѣлья не вынула,— до того спать хотѣлось.

14 августа.

Итакъ, мы въ богоспасаемомъ, губернскомъ градѣ Костромѣ. Впрочемъ, не очень-то Богомъ спасаемомъ: въ 1887 году она бѣдная наполовину выгорѣла; но зато теперь можетъ сказать, какъ и Москва послѣ двѣнадцатаго года, что пожаръ способствовалъ ей тоже къ украшенію. Одно неисправимо, разсказывали намъ, — сгорѣть, говорятъ, архивъ консисторіи, гдѣ хранились грамоты Грознаго, Феодора Іоанновича, первого Романова, и едва ли не самаго основателя ея, Юрия Долгорукаго, сына Владимира Мономаха... Впрочемъ, кажется, я это сама присочинила! Едва ли въ XII вѣкѣ россійскіе князья давали грамоты своимъ городамъ?.. Они, пожалуй, и сами грамоты не знали... Ну, все равно. Когда мы обѣ этомъ сказали нашему спутнику альбіонцу, онъ, вчужѣ чуть не заплакалъ отъ такой археологической важной утраты.

Если бъ вы знали, до чего онъ меня смѣшилъ со- средоточеннымъ вниманіемъ, съ которымъ слушаетъ, когда мы что-нибудь ему рассказываемъ изъ исторіи или какія-нибудь преданія: онъ весь превращается

въ слухъ! Чуть ли не съ открытымъ ртомъ выслушиваетъ наши разсказы.

Ужасно его заняла история Ивана Сусанина. Несмотря на свой Оксфордскій университетъ онъ весьма смутное понятіе имѣлъ объ исторіи—да вообще о событияхъ въ Россіи, *до* наполеоновскихъ временъ... Вѣдь наша Русь православная только и вышла изъ мрака для Западной Европы, со времени Петра, Екатерины и Александра I. Для нашихъ соудей нужно было взятіе столицы Франції, одолѣніе такого колосса, какъ первый Наполеонъ, чтобы они, наконецъ, соблаговолили обратить взоры на востокъ и примѣтить, какой могучій великанъ выросъ у нихъ подъ бокомъ русской печи... Лучшаго народнаго олицетворенія нашей матушки Руси, какъ ея прообразъ въ великанъ-богатырь Илья Муромецъ,—по-моему и быть не можетъ. Вѣдь вся Русь за нимъ говоритъ: „меня не трожь,—и я тебя не замаю!”

Брестингъ ужасно хохоталъ, когда я ему сказала, будто это девизъ всѣхъ русскихъ. Онъ все повторялъ:— „Just as the dosing bear in his den! Oh! Yes. Just so!“ *) А кружась на Костромской площади, вокругъ памятника Сусанину, онъ все восклицалъ: „What a mighty figure!“ **)— и требовалъ, чтобы мы ему подтвердили, точно ли изображенія Ивана Сусанина и Пожарскаго съ Мининъмъ,—на московскомъ памятникѣ,—на нихъ похожи?.. Алеша приставалъ: „Давай скажемъ, что у насъ давно былъ изобрѣтенъ способъ сымать портреты, когда еще обѣ изобрѣтений Дагерра англичанамъ и не силилось!.. Онъ повѣрить! И книжку о Россіи напишетъ въ такомъ духѣ!“ Но я именно этимъ аргументомъ и остановила этого шутника: „А что, говорю, если онъ въ этой книгѣ укажеть, *кто* ему такія басни болтунулъ?“ Въ восторгъ

*) Точь въ точь, какъ дремлюцій медведь изъ его берлогѣ. О, да! Собѣсть такъ.

**) Какая мощная фигура.

нашъ Брестингъ пришелъ, когда мы ему предложили съ нами ъхать въ Ипатьевскій Троицкій монастырь, на могилу Ивана Сусанина. Этотъ историческій монастырь, тѣсно связанный съ памятью о славномъ подвигѣ его, спасеніи царя Михаила Феодоровича, всего въ одной верстѣ отъ города. Его старательно поддерживаются. Мы его не видали вчера съ парохода, темно уже было; но стоять онъ на самомъ берегу, при впаденіи рѣки Костромы въ Волгу. Это пріятная прогулка.

Алеша все время разсказывалъ Брестингу оперу „Жизнь за Царя“ показывать, какъ Ваня стучался въ ворота обители и даже пѣть „Бѣдный конь въ ноль паль“ и „отворите!“ — постукивая палкой въ стѣну, а меня заставляя переводить слова. Нашъ англичанинъ пришелъ къ рѣшенью, что ни за что не уѣдетъ изъ Россіи, не повидавъ этой оперы! Я, разумѣется, поддержала его намѣреніе.

9 часовъ вечера. Пора сбираться на „Великую княгиню Марью Павловну,“ — пароходъ, на которомъ мы завтра будемъ въ Нижнемъ. Какъ взойдемъ, я сей-часъ же спать лягу, чтобы пораньше завтра встать. Терпѣть не могу ъхать ночью, ничего не видѣть; да дѣлать нечего, приходится не видѣть 260 верстъ. Но въ шесть часовъ утра мы приходимъ въ Кинешму и я должна быть на палубѣ.

15 августа.

Вотъ я и на ногахъ, смотрю на красиwenъкій уѣздный городокъ, покураю бублики, сбѣжавъ на пристань, и любуюсь, любуюсь безъ конца видомъ и суетой, и чуднымъ солнечнымъ утромъ.

Въ такое золотое утро все красиво и весело, если бъ даже не было бы и само по себѣ такъ живописно. Кинешма очень живописна! Она раскинулась не только по верху высокаго, крутого берега, но и внизу, у подножья холма, среди зелени, изъ которой картишно выглядываютъ церкви и дома. На зеленомъ пригоркѣ надъ ними высится соборъ съ высокой ко-

локольней. Читаю въ путеводитель: „Кинешма, соединенная вѣтвью съ Московско-Нижегородской желѣзной дорогой, живой и бойкій центръ окрестнаго промышленнаго района. Осеню, съ 14 сентября по 1-е октября, здѣсь бываетъ людная ярмарка. Торгуютъ льняными, бумажными и кожевенными товарами мѣстнаго производства“. А ночью мы прошли еще, говорить, оживленный и хорошеный городокъ Плѣсы. Теперь я написала чаю и основалась со своимъ „калиграфическимъ аппаратомъ“, какъ Алеша называетъ

Псковский монастырь.

мой блюваръ, на верхней палубѣ. Сейчасъ мы отходимъ, а этотъ лѣнтай еще не вставалъ!.. Успѣль бы отлично набросать видъ. Какъ я часто теперь жалѣю, что не умѣю рисовать. Счастливая ты, Анюта, что у тебя такъ мило выходятъ рисунки съ натуры. А я, бѣдная, ты знаешь, — даже съ модели ничего никогда скопировать не умѣла!.. Вѣчно у меня вмѣсто собачки, крыса выходила, а вмѣсто дерева — помело!

Застучалъ, зашумѣлъ нашъ пароходъ. Сплошная толпа на пристани и палубѣ распалась на двое и вотъ мы снова скользимъ „внизъ по матушкѣ“, держась ближе къ ея высокимъ, правымъ берегамъ. Ихъ зелень то и дѣло прерываются селами, большими и малыми; изъ за нихъ выглядываютъ золоченые купола монастырей, зеленая и красная крыши. И лѣвый берегъ теперь оживляется торговыми пристанями и селами, даль его синѣеть. Мы входимъ въ область лѣсовъ; великие Костромскіе лѣса порѣдѣли вверху; но понизу, между Юрьевцемъ и Нижнимъ, они велики и по сю пору. Здѣсь одинъ изъ главныхъ лѣсныхъ промысловъ Россіи. По рѣчкамъ Унжѣ и Ветлугѣ въ Волгу каждую весну сплавляютъ миллионы бревенъ строевого лѣса.

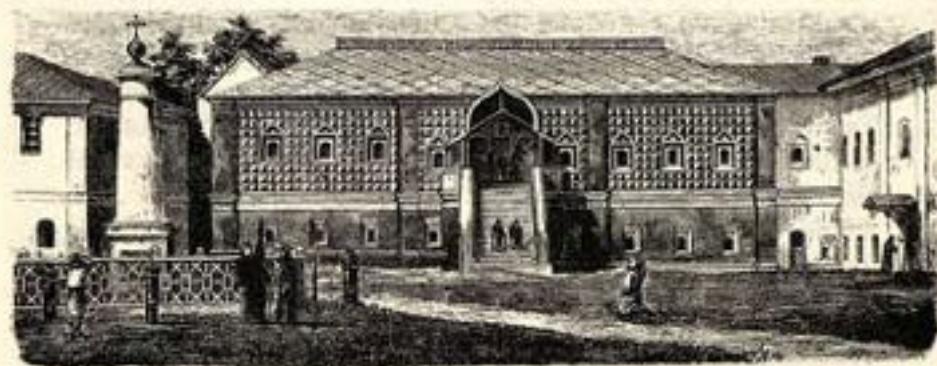
Вотъ ужъ видна Рѣшма,—большое, богатое селеніе съ нѣсколькими церквями и съ маленькимъ Макарьевскимъ монастыремъ, спрятаннымъ совсѣмъ въ темной зелени. Онъ, говорятъ, очень древній и бѣдный... Здѣсь, по Волгѣ нѣсколько „Макарьевыхъ“; кромѣ Нижегородскаго, известнаго по основанію ярмарки, монастыря, есть еще вверхъ по Унжѣ городъ Макарьевъ и тоже монастырь, въ которомъ покоятся мощи преподобнаго Макарія, основавшаго его въ XV столѣтіи. А какіе здѣсь странные названія: Кинешма, Рѣшма, Пучежъ.

Вылѣзъ, наконецъ, изъ каюты мой Алексѣй Сергеичъ. Присылаешь, вдругъ, звать въ столовую, съ нимъ чай пить... Спасибо! Для него итти въ каюту? Я послала сказать, что давно написалась и чтобъ онъ скорѣй, лучше выходилъ самъ, берегами любоваться.

Вотъ явился; ко мнѣ, сейчасъ, свою „британскую тѣнь“ опредѣлилъ, и самъ расхаживаетъ по палубѣ въ разговорахъ съ лѣсопромышленникомъ, съ которымъ уже успѣлъ познакомиться. Они бесѣдуютъ, а я слушаю и отчасти вамъ сообщаю,—занявъ Брестинга рассказами американскими, *Марка Твена*, такъ что онъ мнѣ не очень мѣшаетъ.

Купецъ увѣряетъ, что по веснѣ все устье Ужи до того бываетъ запружено плотами, что не только по ней, а и по самой Волгѣ проходъ судамъ здесь очень трудный. Между Юрьевцемъ и Пучежемъ на Волгѣ большия острова и мели. Пока нашъ пароходъ ихъ осторожно обходить, все время вымѣряя глубину, лѣсопромышленникъ разсказывалъ, какое тутъ бываетъ столпотвореніе въ апрѣль и маѣ, утверждая, что рѣка именно мелѣеть вслѣдствіе засоренія дна ея лѣсомъ и дровами.

— Да вѣдь они всплывали бы!—оспариваетъ его Алеша.

Дворецъ Романовыхъ.

— Это точно, ихъ и вылавливаютъ множество по теченію; но множество также застѣрѣваетъ по зарослямъ острововъ и осаживается новыми насосами. Слѣдовало бы взыскивать за небрежную нагрузку дровъ, за выбрасываніе хворосту и чего попало съ барокъ и баржъ—да это не съ нашей рѣчной полиціей. Гдѣ ей справиться съ тысячами судовъ и плотовъ?—рассказываетъ купецъ.—Еще здесь не такое скопленіе, а посмотрѣли бы вы что ниже творится, у устья Ветлуги, каждую весну. И приступить къ непривычному человѣку страшно!

— И все лѣсомъ торгъ идетъ?

— Все лѣсомъ. Мачтовымъ, корабельнымъ лѣсомъ. И досками и дровами, — всяkimъ! Сказано — лѣсное царство!.. Только что — плохо это царство правится: неправильный, беспорядочный порубки портятъ лѣса, истощаютъ ихъ. За мою память, какія дачи лѣсныя, можно сказать — дремучіе, непочатые лѣса изведены безтолковой порубкой и пустырями стоять, не поправляются.

— Отчего же ихъ не очищаютъ подъ посѣвы?.. Корчажили бы, деготь гнали... Въ полевое хозяйство приспособили бы, если ужъ лѣса не ростутъ.

Я тутъ вспомнила, какие правильные посѣвы лѣсовъ за границей, въ Пруссіи и Австріи мы видѣли и вмѣшалась, прервала Алешу вопросомъ: развѣ нельзя и у насъ на участки раздѣлить и возвращать лѣса, не позволяя ихъ трогать раньше времени?.. Такъ надо было видѣть, какъ этотъ купецъ смылся. Я даже сконфузилась: думала, что глупость сказала! Но онъ самъ меня успокоилъ, согласившись, что „это распекрасное дѣло нѣмецъ выдумалъ,“ — но что оно возможно тамъ, гдѣ рукъ много, а лѣсовъ мало и „къ каждому деревцу рельсы подведены, да нумерочки на немъ красной краской проставлены“...

— А у насъ, говорить, барышня, желѣзныхъ дорокъ мало, зато лѣсою непочатые края. Оно точно, что слѣдовало бы порядки завести, не дозволить кулакамъ — перекупщикамъ со стороны кое-какъ рубить, скучая по мелочамъ у богатыхъ, заправскихъ владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ; но до правильныхъ посѣвовъ, — куда тамъ! Намъ еще до нихъ далеко.

— Ну и повыведутся у насъ лѣса! — замѣтила я. Что хорошаго?

— Хорошаго мало! — согласился нашъ купецъ; да только до этого еще не то что намъ, а и пра-правнукамъ нашимъ врядъ ли дожить.

И началъ описывать, какія тысячеверстныя лѣсныя дебри на Камѣ, ужъ не говоря о сибирскихъ лѣсныхъ богатствахъ. Бывалый бородачъ оказывался, — всюду

онъ побывалъ, хорошо зналъ дѣло; да только и самъ непрочь быть, какъ видно, общими беспорядками для разживы пользоваться. Самъ рассказывать, какіе обороты выгодные для частныхъ торговцевъ, а для лѣнаго хозяйства вообще очень вредные, дѣлаются здѣсь управляющими большихъ дачъ, какъ Шереметьевскія, на Ветлугѣ, или какъ Лугинина, покрывающая 240.000 десятинъ земли. Это страхъ, какія богатства!.. И чѣмъ больше владѣніе, тѣмъ, говорить онъ, и беспорядку больше... Самъ разсказываетъ, а самъ на пась, не только на меня,— я, разумѣется, что же понимаю? но и на Алешу посматриваетъ синеходительно и отвѣчаетъ посмѣшиваясь. Будто съ дѣтьми разговоръ ведеть... Этаій бурлакъ приволжскій!.. Типъ настоящаго пронырливаго, смѣтливаго и вмѣстѣ добродушнаго кулака, себѣ на умѣ.

Вотъ только поразился онъ, когда увидѣлъ, какъ Алеша похоже его нарисовалъ. Онъ и не догадывался, что онъ тамъ карандашомъ чертилъ съ нимъ бѣдудя; а какъ увидѣлъ, ахнулъ и давай выпрашивать свой „патретъ“. Алеша обѣщался ему въ Нижнемъ сть этого другой, красками едѣлать и подарить. Онь въ восторгѣ.

Подходимъ къ городу Юрьевцу. Вотъ на правомъ берегу зеленый холмъ. Наиѣ бородачъ на него показываетъ и говорить:

— Это, господа, *Жареный Буюръ*. Прозывается такъ, — пригорокъ этотъ.

Мы размыслили: кто жъ и какъ его поджаривалъ?

— А никто, говорить, его не поджаривалъ, а жарили на немъ кнутьями того, кто попадался въ руки разбойникамъ. Атаманъ Сенька Разинъ, — слыхали чай?.. Такъ вотъ самый этотъ Сенька, — „приволжскій хозяинъ“, — приказывалъ своимъ молодцамъ всякаго, кто ему попадался, жарить дотолева, пока онъ не взберется на верхушку бугра. По *ефтому* онъ и *жаренымъ* прозывается.

Въ Юрьевцѣ стояли всего иѣсколько минутъ, а къ часу пришли въ Пучежь или Пучежу,— какъ его нашъ лѣсопромышленникъ называетъ и тутъ застали приготовленія къ ярмаркѣ, которая открывается въ то время, какъ Нижегородская ежегодная ярмарка кончается. Оттуда свозятъ сюда мелкіе товары, но главная торговля опять-таки лѣсомъ, приспособленнымъ къ постройкѣ баржъ и лодокъ. Ужъ и теперь множество плотовъ съ лѣсомъ и досками вытянулось по берегу. Эта Пучежа—пребогатое село, съ каменными домами, съ прекраснымъ соборомъ и другими церквами... Вообще, я вижу, что по Волгѣ множество сель несравненно больше и богаче многихъ невзрачныхъ городишекъ. Все, разумѣется, зависитъ отъ торговли, отъ положенія ихъ и сообщенія съ желѣзными дорогами. Но что должно быть печально для жителей Поволжья, это—что легкость сообщенія ихъ лишаетъ многихъ ихъ родныхъ богатствъ. Напримѣръ, представьте себѣ, что хорошая рыба, въ особенности икра, такъ же почти дороги здѣсь, какъ и въ Москвѣ. Говорить, что иногда и совсѣмъ достать ихъ нельзя; что на масляницу и здѣсь только богатые люди могутъ блины съ икрою есть... Вотъ ужъ чего я не ожидала!

Волга все шире и шире и все оживленнѣй. Теперь намъ встрѣчаются такие большие пароходы, какихъ прежде не могло быть. Особенно громадны пароходы К° Зевеке; это какіе-то пловучіе замки многобалконные. А ужъ грузовые пароходы, съ вереницами баржъ и барокъ на буксирѣ, безъ числа тянутся.

Послѣ обѣда мы пришли въ селеніе Городецъ, гдѣ чудесные пряники. Пошли на пристань покупать ихъ. Брестингъ купилъ прянинаго коня и увѣряетъ, что повезеть его въ Англію, меньшимъ братьямъ. Да! я напишу Федѣ, чтобы онъ познакомился съ его семьей: они, оказывается, близехонько возлѣ нихъ въ Лондонѣ живутъ. Мистеръ Аликъ нашъ непремѣнно хочетъ писать братьямъ, чтобы они нашего мистеръ Фреда павѣстили. Вотъ еще! На Волгѣ для Феденьки нашего

знакомство въ Англіи пріобрѣли!. Чего на свѣтѣ не бываетъ?

Мы въ восьмомъ часу сегодня будемъ въ Нижнемъ. Теперь пять. Больше я писать не буду и не знаю успѣю ли что прибавить въ Нижнемъ, потому что некогда будетъ завтра, вѣроятно, а письмо опять вышло такое, что надо посылкой послать. Ужъ ты меня не можешь въ лѣни упрекать. Брестинъ вѣрить

Село Городецъ.

не想要, что это я, во весь путь *написалъ* письму. Онь думалъ, что я готовлю для печати свои путевые впечатлѣнія. Онь преуморительный со своими британскими взглядами и понятіями.

А какой цвѣтистый, чудный вечеръ готовится, голубушки мои! Какъ мигъ обидно, что я такая безталанная: не умѣю, какъ ты, описывать природу. Вижу и любуюсь, но обратить въ слова всѣ эти картины земли, воды и неба, — всѣ эти краски, лучи и отраженія — не могу!

Что дѣлать? Чѣмъ богаты — тѣмъ и рады! Пусть ужъ Алеша, когда вернемся, иллюстрируетъ кистью мои немудренныя описанія.

До свиданія пока, милыя. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно ваша сестра и другъ

Катя.

XIV.

Отъ Юлии Борисовны Эйртонъ, ея племянницѣ Аннѣ Берестиной.

8 сентября 189*. *Истборнъ.*

(27 августа). *Анна.*

Я очень обрадовалась, милая Анна, твоей счастливой выдумкѣ — вести „описательную“ переписку. Писать исторически-живописные письма о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы находимся — отличное, очень приятное и вмѣстѣ полезное занятіе; особенно для такихъ бѣдныхъ, экспатріировавшихся особъ, какъ я. Я такъ-боясь забыть свой родной языкъ, что съ радостью хватаюсь за твою мысль и заранѣе предупреждаю: мои письма будутъ часто превращаться въ разсказы изъ исторіи Англіи. Не пеняй на меня за ихъ длину... Ты знаешь ли, — я изнываю отъ бездѣлъя!.. Еще теперь, пока Федя со мной, я не скучаю, — о! Я такъ благодарна сестрѣ, что она уговорила твоего дядю отпустить ко мнѣ этого дорогого мальчугана. Безъ него я чувствовала бы себя совсѣмъ одинокой этими лѣтомъ, пока мужъ мой занятъ почти все время виѣ дома. Я вспомнить не могу, что онъ скоро долженъ уѣхать, этотъ веселый, умный, сердечный мальчикъ!

Что дѣлать! Вотъ скоро два года, что я замужемъ, но, какъ ни счастлива я, какъ ни люблю Вальтера, —

не могу свыкнуться съ мыслью, что я навсегда оторвана отъ русскихъ и Россіи... Видно, дѣйствительно, полнаго счастья на землѣ быть не можетъ!

Но довольно философствовать и заниматься „de ce cher petit moi“, — не правда ли?.. Гораздо будетъ интереснѣй сразу заняться дѣломъ. Начну съ своихъ впечатлѣній, — благо они еще живы и ярки въ моей памяти.

Когда я впервые, запрошлыемъ лѣтомъ, увидала вдали, въ бѣлесоватыхъ покровахъ, среди моря, расцвѣченного солнцемъ въ безконечно переливавшейся радуги, Англію, я подумала: а! Такъ вотъ почему ее назвали „туманнымъ Альбіономъ“: она дѣйствительно была и туманна... Самое солнце играетъ на ея мѣловыхъ берегахъ серебристымъ блескомъ и иѣжными красками опала, а не золотомъ, какъ въ другихъ странахъ.

Сквозь серебристую дымку неонредѣленно выступали абрисы горъ, береговыхъ маяковъ, построекъ, разбросанныхъ по мѣловымъ холмамъ, поверху отѣненнымъ свѣтлой зеленью. Въ серединѣ, на ближайшей горѣ вырисовывалась крѣпость Дувръ, откуда крючкомъ выползаетъ въ море высокій каменный моль, въ нѣсколько рядовъ унизанный вагонами, съ дымившимися паровозами, готовыми увлечь ихъ.

Мы быстро близились, скользя по удивительно спокойному проливу, который подъ нами плавно переливался, словно жидкое серебро, вмѣсто того, чтобы, по своему обычью, бушевать, играя пароходомъ, какъ уткой игрушкой, заливая палубу сѣрыми, сердитыми волнами... На первый разъ Ламанишъ и Великобританія миѣ улыбались привѣтливо.

Вотъ ближе, ближе къ черной піявѣ — молу. На пароходѣ всѣ засуетились, въ ожиданіи таможенныхъ. Едва причалили — они нахлынули на палубу, но оказались совсѣмъ не страшны: почти не глядя, искре-

стили мѣломъ ручной багажъ и вотъ мы на молѣ. Подъ сводомъ входа настъ опросили сторожа, которая наша станція въ Лондонъ; я разумѣется ничего не поняла, но Вальтеръ, сбывъ послѣдній багажъ носильщику, откликнулся:

— Victoria Station.

Сторожъ лаконически ткнулъ пальцемъ въ одинъ изъ поѣздовъ, переполненныхъ уже пассажирами сверху до низу. Мы только успѣли сѣсть, какъ двери захлопнули, раздались по всѣмъ направленіямъ рѣзкие свистки и мы сорвались... Сорвались и понеслись съ такою полуумной скоростью, какъ никогда миѣ не доводилось еще летѣть... Мы буквально рвались впередъ такъ, что ближайшіе къ рельсамъ предметы не мелькали, асливались въ радугу. Это именно бѣжала пестрая радужная лента, такъ какъ всѣ стѣны, мосты и тоннели по всему пути заклеены громадными раскрашенными афишами и живописными картинами-объявленіями. Возможно было только разобрать дальніе планы; тамъ разстилались моря разноцвѣтной зелени, полей, рощъ, посѣвовъ хмеля, прерываемыя однообразными, какъ звенья одной цѣпи, постройками деревушекъ и городовъ. Меня поразили прежде всего двѣ черты англійскихъ пейзажей: скучность и тѣснота посѣвовъ и мелочь построекъ, выведенныхъ въ линіи.

Крошечные домики, одинаковые, какъ солдаты въ шеренгахъ или школьніки, выстроившіеся бокъ-о-бокъ въ сѣрыхъ мундирчикахъ, кучатся здѣсь, лѣпятся одинъ къ одному полосами, вдоль разгороженныхъ садиковъ и огородовъ, и, одинъ что другой, похожи на улья или на коробочки, взъерошенныя дымовыми трубами, а не на человѣческія жилья. Эти цѣпи коттеджей протягиваются тамъ и сямъ, по доламъ и холмамъ, тоже разлинеяннымъ извѣтущими изгородями, подстриженными низкою стѣнкой, которая отдѣляютъ квадраты разноцвѣтной зелени: луга, сѣнокосы, посѣвы хлѣбовъ, овощей и хмеля. Все содержится акку-

ратно, поражая отчетливостью красокъ, опредѣленностью очертаній, но все похоже на какую-то *mise en scèpe*, на что-то игрушечное, а не на дѣйствительную жизнь... Или ужъ это мы, русскіе, такъ привыкли къ неоглядной ширинѣ нашихъ пейзажей, къ вольному простору полей и лѣсовъ, и къ самостоятельному разнообразію нашихъ деревенскихъ избъ и угодій?.. Не знаю. Но я долго никакъ не могла привыкнуть къ мелкимъ, густо раскрашеннымъ и густо насыщеннымъ подробностямъ окрестностей Лондона; такъ мнѣ все это казалось *фальшью*, не натурально, что представлялось какой-то тѣсной декораціей. Именно — *тѣсной*, потому что вѣдь люди въ Англіи крупные, здоровые, дѣятельные. Кажется, не то что семьями жить въ такихъ кѣтушкиахъ, такимъ мужикамъ здоровеннымъ, а просто страшно, что вотъ-вотъ задѣнеть какой-нибудь парень за уголь домишкя, — вся ихъ вереница и посыпается, какъ карточные солдатики... А тутъ еще вечеръ былъ субботній; вблизи деревень и городковъ, мимо которыхъ мы пролетали, народъ повысыпалъ на зеленые лужайки, на берега рѣчекъ или на узенькие улички и весь предавались разнымъ спортомъ: крокетъ, крикетъ, лаунъ-теннисъ, всякия мячи и гимнастики были въ полномъ разгарѣ. Казалось сверху, что вотъ наскочать такие дюжіе молодцы на домикъ — и стѣна пополамъ!.. А тутъ еще и поѣзду нашему то и дѣло приходилось нестись, со свистомъ и грохотомъ въ такихъ узенькихъ коридорахъ между зданіями, что просто ужасъ бралъ не защищить бы, да не порушить. А ужъ тоннели, тоннели-то черные, смрадные, оглушавшіе шумомъ и трескомъ, какъ меня каждый разъ пугали, когда мы влетали въ ихъ мракъ и снова вылетали на Божій яркій свѣтъ!.. Терпѣть не могу я, вообще, тоннелей, но нигдѣ они меня такъ не раздражаютъ, какъ въ Англіи, до того они похожи на адъ преисподній.

Но зато глазъ отдыхаешь на живописныхъ замкахъ, изрѣдка мелькающихъ вдали, на пригоркѣ или

въ глубинахъ тѣнистыхъ парковъ; а не то, на шипицахъ церквей, съ бѣлыми домиками пасторатовъ, окруженнныхъ цвѣтниками, покрытыхъ ползучими розами и жасминомъ.

Пролетѣли деревенскія картины; поѣздъ нашъ врѣзался въ цѣлый океанъ построекъ. Это ужъ предмѣстія самого великана Лондона. Здѣсь ужъ пошли сплошные улицы, площади, скверы, но все это еще очень мелко, и мало, и тѣсно — до невѣроятія!.. И такъ до самой Темзы, до желѣзнодорожнаго моста, на которомъ мы простояли минуты двѣ-три въ водоворотѣ встрѣчныхъ и обгонявшихъ насы боковыхъ поездовъ, съ трескомъ и молніями проносившихся мимо.

Тутъ кончилось царство мелочи,—начинается царство великансіихъ громадъ.

Въ обѣ стороны черная лента рѣки пересѣкается мостами, оторочена зданіями, осыпана пароходами и барками и все это блестить и сверкаеть электричествомъ, газомъ, разноцвѣтными огнями.

Нѣсколько секундъ, и уѣзжали, остались назади безчисленныя линіи рельсовъ и вагоновъ подъ первой лондонской станціей, законченой, грязной, подъ грязнымъ же стекляннымъ сводомъ. Минутная остановка — и далѣе, къ центральной станціи.

Съ высоты, мчась надъ крышами зданій, я смотрѣла, помню, съ стѣсненнымъ сердцемъ, и съ какимъ-то неопределеннymъ страхомъ на безконечныя застроенные пространства, на нескончаемыя улицы, полныя не простого движенія, а какихъ-то человѣческихъ водоворотовъ,— стремнить изъ людей, лошадей, экипажей всѣхъ формъ и величинъ.

Вальтеръ замѣтилъ мое смущеніе и спросилъ шутя:

— Ты кажется немножко оглушена и одурманена?.. Ничего: это отъ непривычки,— это пройдетъ... У насъ немнога болѣе движенія и шума, чѣмъ на Кузнецкомъ мосту или даже на Невскомъ проспектѣ.

— Я только вдохнула и головой покачала.

— Скажи, здесь все рельсовые пути положены поверхамъ, такъ что весь городъ разстилается внизу?

Я решительно объявила, что не поеду; но, разумеется, потом приходилось не разъясняться въ под-

Виды Лондона. Набережная Темзы съ рядом роскошныхъ отелей; изъ центра —
изглѣдъ Клеопатры, выведенная изъ Египта.

земныхъ этихъ коридорахъ, которыми подкопанъ весь Лондонъ; но я ненавижу это мрачное, законченое подземное царство, съ вѣчнымъ грохотомъ, свистомъ и мельканiemъ, поездовъ.

Наконецъ мы вверглись подъ стеклянный куполъ одной изъ главныхъ, въ городскомъ центрѣ, станцій, въ Victoria Station и сразу попали въ водоворотъ этого Вавилона.

Я не умѣю описать этого муравейника каретъ, колясокъ, омнибусовъ всѣхъ цвѣтовъ, громадныхъ какъ дома; этой движущейся каши, которую будто бы разливаютъ здѣсь потоками по центральнымъ улицамъ и площадямъ. Маруся писала мнѣ о томъ, какъ ее поражаетъ уличное движеніе Парижа. Я бывала въ Парижѣ въ самый шумный сезонъ, но подобнаго тому, что въ Лондонѣ творится — и представить себѣ не могла. Я зову ее сюда, къ себѣ въ гости. Пусть бы посмотрѣла на наши улицы и площади по буднямъ, а на загородныя парки — по воскресеніямъ. Я увѣрена, что послѣ того парижская жизнь ей показалась бы очень тихенькой и вилой; а ужъ русскія наши столицы, — чуть не безлюдная пустыня!

Пока Вальтеръ бѣгалъ въ таможню, отправляя багажъ съ комиссionеромъ, я стояла въ маленькой дамской, очень непріглядной и даже грязной комнатушкѣ и, въ открытую на галлерею и линіи рельсовъ дверь, смотрѣла на безпрерывное коловорашеніе толпы по всѣмъ направленіямъ, боясь выйти, чтобы не затеряться, чтобы не увлекли меня эти пестрыя волны людскія.

Вхать потомъ въ открытомъ *инсомъ*, — это такая одноконная коляскичка, съ кучеромъ, сидящимъ сзади, такъ что его не видно, — было превесело!.. Вотъ ужъ гдѣ большие ничего не увидишь мелкорослого! Дома, парки, площади, памятники, фонтаны, — все широко, высоко, громадно! Нашъ *hansom* катилъ очень быстро; все вокругъ меня страшно занимало, все мнѣ очень нравилось; въ особенности чудная зелень, громадные деревья, великолѣпныя аллеи и цѣтники безконечныхъ парковъ, съ вереницами нарядныхъ экипажей и красивыхъ дѣтей, на фонахъ зелени и своеобразныхъ, капитальныхъ построекъ, чуть не дворцовъ окружающихъ Hyde Park и Кенсингтонскіе сады, мимо которыхъ шелъ нашъ путь; но прошелъ добрый часъ еще, пока мы доѣхали до Holland Park'a, гдѣ мы живемъ въ прехорошенькой виллѣ, среди тѣнистаго

сада, а съ другой, уличной стороны — хорошенкій цвѣтникъ. Вѣдь здѣсь все такъ: въ чистыхъ частяхъ города, гдѣ живутъ болѣе или менѣе достаточные люди, пѣть бодышихъ, какъ у насъ въ Россіи, домовъ со многими квартирами, — а все отдѣльные домики, въ родѣ вилль, часто покрыты зеленью и цвѣтами. Домики узенькие, въ три или четыре этажа, — но въ каждомъ не болѣе двухъ, рѣдко трехъ комнатокъ.

Виды Лондона. Переходъ одной изъ оживленѣйшихъ частей Лондона съ двухъэтажной улицей.

На нѣсколько такихъ домиковъ, внутри сквера или круга,—общій садъ; но палисадникъ и цвѣтничекъ у каждого непремѣнно отдѣльный. Такіе кварталы, со многими цвѣтующими улицами, такъ большие и называются по названіямъ ближнихъ большихъ садовъ или парковъ, — какъ например участокъ, Голландъ-паркъ; а рядомъ Kensington-Gardens, общее название множества разноименныхъ улицъ, прилегающихъ къ этимъ общес-

ственнымъ, великолѣпнымъ садамъ, которые сливаются съ Гайдъ-паркомъ.

Вообще цвѣтники, зелень, деревья — необходимость для англичанъ. Про английскій народъ очень вѣрно говорить нашъ Феди, что живеть онъ „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“... Земли тутъ мало, — каждый вершокъ на счету; домишкі для бѣдняковъ строять бокъ-о-бокъ тѣсные, маленькие, высокіе какъ дудочки, — „потому воздухъ-то вверхъ даровой, — а землица-то на вѣсъ золота“, — опять мистера Фреда заключеніе; а между тѣмъ не только у всякаго поселенника передъ оконшкомъ хоть грядка цвѣтовъ или овощей, хоть кустокъ да лужаечка, хоть аршинный — да садикъ!.. А ужъ если совсѣмъ нѣть мѣста, такъ хоть на стѣнку бѣднякъ ползучее растеніе, вьющееся, вокругъ оконца проведеть или подоконникъ желтофіолью, да полевой вероникой или ромашками украсить.

Много значитъ, разумѣется, что всякое растеніе въ Англіи легко прививается; климатъ хоть и туманный, сырой, но теплый, отъ омывающаго ее Гольфштрема.

Но вотъ что, милые мои читатели и читательницы! Я какъ человѣкъ порядливый (не даромъ же я тетушка *такой* племянницы, какъ Катерина Сергеевна!), а главное, какъ послушная жена, должна сообразоваться съ совѣтомъ Вальтера, — „припустить чуть-чуть исторіи“, — по выраженью опять-таки Федора Сергеевича, — я, кажется, скоро совсѣмъ его характернымъ языкомъ заговорю...

Вальтеръ говоритъ: „Нужды нѣть, что Анни хорошо исторію знаетъ: другіе могутъ ее позабыть, — а для интереса твоихъ писемъ надо обновить въ памяти историческая события; въ особенности тѣ, что связаны съ Лондономъ и его памятниками“.

Я думаю онъ правъ. Кто все хорошопомнить, пусть не читаетъ; а я все же сдѣлаю маленький

арегю général, чтобы по поводу каждого здания и памятника не дѣлать постоянныхъ отступлений.

Какъ всему образованному миру вѣдомо, въ половиѣ V вѣка, въ то время какъ Римская имперія разрушилась и подвластныя ей земли отъ нея, мало-по-малу отпадали, два племени — англы и саксы переправились съ сѣверныхъ береговъ Германіи за Нѣмецкое море, искать добычи на островѣ Британії, тоже принадлежавшемъ римлянамъ. Они вступили въ бой съ бритами, природными жителями острова, побѣдили ихъ и, основавшись тамъ, слились внослѣдствіи съ кореннымъ населеніемъ. Но тѣмъ еще не кончилось въ Британії смыщеніе народностей. Триста лѣтъ спустя, когда англы, взявъ перенѣсь надъ семью владѣтельными княжествами острова, уже дали ему свое название, въ Англію ворвались изъ Европы норманны, — то-есть нынѣшніе жители Даніи. Сначала король англовъ, Альфредъ Великій, отразилъ ихъ набѣгъ; но полтора вѣка спустя, въ началѣ XII столѣтія, когда родь его прекратился, норманнскій герцогъ Вильгельмъ заявилъ притязанія на англійской престолѣ и снова датчане высадились на берегъ Британії.

Этотъ принцъ недаромъ былъ сыномъ герцога Роберта „Дьявола“, такъ прозваннаго за жестокій, буйный и смѣлый нравъ, за его морскіе разбои; недаромъ и его самаго исторія назвала Вильгельмомъ Завоевателемъ. Въ хорошенъкомъ приморскомъ городкѣ Истборнѣ (гдѣ мы проводимъ нынѣшнее лѣто) выдвигается далеко въ море коса, гдѣ произошла, когда-то, знаменитая Гастингская битва. Тутъ Вильгельмъ Завоеватель разбилъ на-голову англичанъ и воцарился въ Англіи прочно, раздаривъ ея земли своимъ баронамъ и покрывъ ее замками и крѣпостями, въ родѣ знаменитаго Лондонскаго Тоуэра, — крѣпости, которую онъ воздвигъ для самого себя и гдѣ поселился, увѣренный въ безопасности, за ея не-сокрушимыми стѣнами и глубокими рвами.

Впрочемъ, родъ его провластвовалъ не болѣе ста лѣтъ. Англичанамъ видно суждено было постоянно покоряться королямъ не своей национальности. Послѣ норманновъ воцарился родъ Плантагенетовъ, выходцевъ изъ Франціи. Къ этому дому принадлежалъ славный король Ричардъ Львиное Сердце,— главный герой и полководецъ третьаго крестового похода.

Родъ Ричарда I царствовалъ въ Англіи около 300 лѣтъ и самъ себя загубилъ междоусобицей герцоговъ Ланкастерскихъ и Йоркскихъ.

Послѣдній король старшей линіи, Генрихъ VI, быть слабохарактерный, ничтожный человѣкъ; зато его жена Маргарита (изъ рода французскихъ герцоговъ d'Анжou), была умная и мужественная женщина. Она постоянно его выручала, не только распоряжаясь государственными дѣлами и вѣтѣнной политикой, но даже сама предводительствуя войсками. Однако должна была уступить силѣ.

Герцогъ Йоркъ восторжествовалъ и воцарился подъ именемъ Ричарда III. Несчастный Генрихъ быть имъ заключенъ въ Туэръ (изъ дворца королевскаго давно уже превращенный въ темницу), и тамъ онъ и скончался. Такъ закончилась тридцатилѣтняя междоусобная война, известная въ исторіи подъ названіемъ войны Алої и Бѣлой Розы,—по цвету розъ, бывшихъ въ гербахъ враждовавшихъ герцоговъ.

Не надолго, однако, восторжествовали Йорки. Ричардъ оказался такимъ жестокимъ извергомъ, что, выведенные изъ терпѣнія казнями его и тираніей, лорды свергли его съ престола, призвавъ снова на царство иноземнаго принца изъ Франціи, графа Генриха Тюдора, состоявшаго въ родствѣ съ Ланкастрами. Ричардъ III быть убитъ въ послѣднемъ сраженіи съ пятью и вогъ въ Англіи опять воцарилась новая династія Тюдоровъ. Второй король этого дома, Генрихъ VIII, прославился очень печальной известностью. Это быть человѣкъ безнравственный, невоздержанный и злобный, загубившій множество чест-

Виды Лондона: Троуэр—бывшая государственная тюрьма—лондонская Бастида. Съ этой каменной громадой связана самыя мрачныя воспоминанія о кровавыхъ дѣяніяхъ, казняхъ, стонахъ заточенныхъ узниковъ.

ныхъ, именитыхъ людейъ, въ которыхъ подозрѣвать измѣнниковъ, боясь ихъ патріотизма и доблестей. Кромѣ того, онъ то и дѣло измѣнялъ своимъ женамъ, казнить ихъ или заключать въ темницы, чтобы воз- величить новую избраницу и не задумывался пре- ступленіями отдаѣться отъ ихъ близкихъ, какъ отъ злѣйшихъ враговъ.

Хмурый замокъ Тоуэръ, сохранившій на древнихъ стѣнахъ своихъ башенъ такое множество кровавыхъ сѣдловъ, ни при комъ не обагрялся кровью столькихъ неповинныхъ жертвъ, какъ въ царствованіе Генриха VIII. Онъ переженился на шести женахъ. Самая трагательная и возмутительная драма, происходившая въ Тоуэрѣ, были судь и казнь одной изъ нихъ, молоденькой красавицы Анны Болейнъ. Она ни въ чемъ не была виновата, любила его искренно и умерла ни плахѣ, какъ святая, смиренно и кротко, простиивъ свою смерть этому извергу... Среди одного изъ внутреннихъ дворовъ, на каменномъ помостѣ и теперь показываютъ гранитную плаху, на которой ей отру- били голову и—странны! Тамъ съ незапамятныхъ време- ний живеть старый-престарый воронъ и всегда спитъ на этомъ самомъ столбѣ, какъ будто чуетъ на немъ пролитую кровь.

При Генрихѣ же, можно даже сказать, по его бе- зумной прихоти, произошло въ Англіи раздѣленіе въроисповѣданій. До него здѣсь все были католики, онъ же, самъ ни во что не вѣруя, перешелъ въ про- тестантство, въ шикунъ папы римскому, который его недостаточно скоро разводилъ съ одной изъ его несча- стныхъ женъ. Вотъ онъ разсердился, принять проте- станство только затѣмъ, чтобъ бросить жену католичку и на другой сейчасъ же жениться; но заnimъ тот- часъ же послѣдовало множество придворныхъ и дру- гихъ англичанъ. Но они ввели много реформъ въ учение Лютера, такъ, что образовалось въроисповѣда- ние совсѣмъ новое, *епископальное*,—иѣчто среднее между лютеранствомъ и католичествомъ. Измѣнивъ

върѣ отцень своихъ, Генрихъ VIII сталъ притеснить католиковъ, гнать и казнить приближенныхъ, не желавшихъ слѣдоватъ его примѣру. Папа его проклялъ, а онъ на это отвѣчалъ лишь уничтоженіемъ въ Англіи всѣхъ католическихъ монастырей, — забирая въ свою пользу ихъ громадный богатства. Послѣ того и пошли въ Англіи религіозные раздоры и образование тѣхъ *трехсотъ* съ лишнимъ сектъ, которыхъ и понынѣ раздѣляютъ народъ на безчисленныя насты и ученія.

Послѣ него царствовала дочь его Елизавета. Она пошла въ отца жестокостью и, кромѣ того, была убѣжденнай до фанатизма протестантка. Миѣ не зачѣмъ говорить здѣсь о ея враждѣ къ королевѣ Маріи Стюартъ, Шотландской: этого, сравнительно недалекаго, эпизода въ исторіи Англіи, никто забыть не можетъ...

Король Яковъ I, родоначальникъ дома Стюартовъ, сынъ Маріи Шотланской (тоже обезглавленной въ Туэрѣ), наслѣдоватъ англійскій престолъ послѣ Елизаветы; а при воцареніи его сына, Карла I, возникли смуты, несогласія короля со всесильными лордами парламента и разразилась революція, выдвинувшая изъ простого народа знаменитаго Кромвеля. Карль I бытъ казненъ, сынъ его бѣжалъ во Францію, а этотъ *мясникъ*, человѣкъ замѣчательнаго ума и энергіи, временно возвеличилъ до правленія, подъ званіемъ *протектора* страны. Всѣ лорды и перы признали его господство, въ полномъ составѣ парламента, преклонившись предъ этимъ геніальнымъ мясникомъ. Это было въ 1653 году.

По смерти Кромвеля, однако, съ помощью Франціи, королевская партія Стюартовъ снова восторжествовала: Карль II вернулся на престолъ отца, а ему наслѣдоватъ меньшой братъ его, Яковъ II, который впрочемъ, очень скоро былъ изгнанъ за желаніе вернуть свое королевство снова въ католицизмъ.

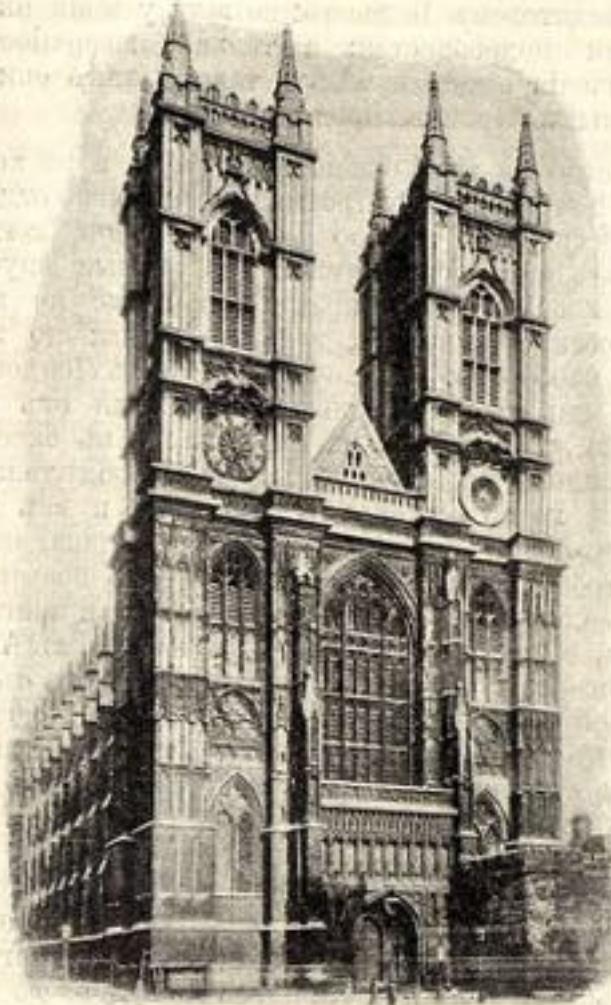
Вновь на королевский британский престолъ призванъ былъ иностранный принцъ,—зять Якова II, Вильгельмъ Оранскій изъ Голландіи (1688 г.). Но и ему не было суждено продолжить династію. Ему наследовала жена его, королева Анна; а по смерти си англичане призвали Ганноверскаго курфюрста, Георга I, который и сталъ родоначальникомъ нынѣ царствующаго въ Англіи дома. Онъ пра-прадѣдъ королевы Викторіи.

Ну, голубка Аня, кажется я не злоупотребила своимъ самозванствомъ историка?.. Такъ безцеремонно отмахала ся главныя штрихи, что никого не успѣла утомить, не правда ли? Зато теперь мы безпрепятственно займемся историческими памятниками Лондона, не боясь большихъ пробѣловъ въ историческихъ нашихъ воспоминаніяхъ.

Съ чего бы только начать?.. Я думаю всего лучше мнѣ придержаться порядка, въ которомъ Вальтеръ меня знакомилъ съ огромной столицей своего крохотнаго отечества. Да! Крохотнаго. Хотя оно и состоять изъ трехъ соединенныхъ королевствъ—Англіи, Шотландіи и (острова) Ирландіи, но, въ сущности, все-то оно не больше какой-нибудь россійской губерніи средней величины. А столица его—огромнѣйший городъ въ мірѣ и занимаетъ *не менѣе пяти графствъ*... Еслибы кто захотѣлъ изобразить наглядно Великобританію, то слѣдовало бы аллегорически представить ее въ видѣ *паука*. Паука, у котораго во всю спину бытъ бы огромнѣйшій глазъ, а лапы его,—разъ во сто длиннѣе его тѣла, должны были бы протягиваться во всѣ части свѣта и упираться на расплзающіяся, громадныя ступни. Глазъ это—всевидящій Лондонъ; а ступни на цѣпкихъ лапахъ,—владѣнія во всѣхъ странахъ міра, изъ которыхъ каждая почти гораздо больше самого паука,—Англіи.

Богатейший и величественный из Лондонских соборов, ибо он возвышается на самой высокой точке города, и потому его можно видеть из любой части Лондона.

Вестминстерское аббатство въ Лондонѣ.

Итакъ, я начну въ Вестминстерскаго аббатства, куда меня прежде всего повезъ Вальтеръ. Только, пожалуйста, не пугайся! я не намѣрена конкурировать съ путеводителемъ Бедекера: не жди у меня ни точности ни подробностей; а только поверхностнаго представлениія вещей и мѣстъ, такими, какъ они мнѣ въ главныхъ чертахъ, представляются.

Это было на третій день по пріѣздѣ, я не хотѣла выѣхать ранѣе, чѣмъ устроюсь и хорошенько отдохну. Было воскресеніе; бывало въ Петербургѣ, когда я вышла изъ института, мама и всѣ родные внушили мнѣ убѣжденіе, что въ праздники лучше не выходить, особенно пѣшкомъ, избѣгая толпы; но здѣсь совсѣмъ наоборотъ: если хочешь избѣжать Лондонской толпы — иди въ воскресеніе. Всѣ жители отъ мала до велика за городомъ, на прогулкахъ; въ окрестностяхъ Лондона, на Темзѣ, въ паркахъ, всюду толпы, — но самый городъ пустъ. Почти пусты и всѣ дома, гдѣ развѣ останется какая-нибудь старушка, наблюдать, чтобы холодный поздній обѣдъ поставленъ былъ въ столовой къ возвращенію семьи и прислуги; прислуга, въ воскресные дни, для хозяевъ въ Англіи не существуетъ: она свободна и отсутствуетъ съ утра до поздней ночи. Оттого и обѣдъ подается холодный, потому что готовится въ субботу. Ни одна, уважающая себя кухарка (а онъ всѣ себя чрезвычайно уважаютъ!) не разведеть въ воскресеніе плиты. Она исчезаетъ съ утра... Она забавляется *спортами*, какъ и ея господа. Она сначала идетъ въ церковь, потомъ отправляется въ омнибусъ, въ трамваѣ, на пароходѣ, въ вагонахъ подземной или по-верхамъ въ загородныя гульбища, — въ Кристальный дворецъ, въ Ричмондъ, въ Кью-Гарденсъ, на Темзу, на выставки, въ музеумы... Все это здѣсь вѣдь стоить гроши, а множество зрѣлицъ и прогулокъ и вовсе бесплатныхъ.

Итакъ, мы взяли „а Пу“*) и быстро понеслись, по сравнительно пустымъ улицамъ. По крайней мѣрѣ, водоворотовъ людскихъ на нихъ не было, а прохоже и проѣзжие, особенно громадные разноцвѣтные омнибусы, расцвѣченные по верхамъ разодѣтыми дамами и ихъ пестрыми зонтиками, словно огромныя корзины цвѣтовъ, казались яркими пятиами на фонѣ запертыхъ лавокъ, закрытыхъ плотно ставнями и забранныхъ темными досками. Еще пока ехали мимо парковъ, онѣ были довольно оживлены; но когда выѣхали въ центръ города, въ административный и торговый Лондонъ, улицы поражали безлюдностью... Это значитъ, что Oxford и Regent Street были не люднѣ Тверской улицы въ Москвѣ, въ полдень. Зато Trafalgar Square, площадь передъ Национальной библиотекой, поразила меня своей красотой. Это преоригинальное зрѣлище, особенно когда всѣ фонтаны спущены.

Представьте себѣ небольшую, въ сущности, площадь, окруженную громадными зданіями, переполненную статуями, памятниками, всяческими украшѣніями и обнесенную перилами вокругъ платформы, съ гигантскими львами по четыремъ угламъ. Въ срединѣ высилась, сквозь подвижное сіянье брызгъ, громадная колонна Нельсона, въ честь котораго и названа площадь. Героя Трафальгарской битвы*) окружаютъ статуи Георга IV, Нэпира, Гавлока и только что воздвигнутая въ память погибшаго въ Африкѣ генерала Гордона; а у подножья колонны великаго адмирала разстилаются бассейны, откуда высоко бьютъ, скрещиваясь и разсыпаясь фонтаны. Въ тотъ день небо было затинуто сверкающимъ покровомъ

*) А fly—уха. Такъ зовутъ открытая, небольшая коляска, специально напичканныя по дорогой цѣнѣ. Въ нихъ возить скоро. Генсомы тоже хорошо ѳздятъ; но зато избы—каретки изъ однѣ лошади, самый дешевый экипажъ, невыносимо медленъ.

*) Адмиралъ Нельсонъ былъ убитъ въ Трафальгарской битвѣ, въ которой разбилъ французскій и испанскій флоты и тѣмъ спасъ Англію отъ вторженія Наполеона I.

не то прозрачно-желтоватаго дыма, не то золотистаго тумана,— какъ лѣтомъ часто здѣсь бываетъ. Солнце безъ лучей, но огненнинымъ, горячимъ пятномъ сияло, зажигая брильянтовыя облака водяной пыли надъ всей площадью,— что ей придавало фантастическую прелесть.

Мы вышли, чтобы взойти на терасу Национальной галлереи и оттуда, изъ-за ея греческой колоннады, полюбовались совсѣмъ волшебной картиной Трафальгара и уходившаго вдалъ Черишъ-Кросса, въ концѣ котораго, сквозь радужный туманъ, виднѣлись дворцы Уайтхолль и Вестминстеръ, весь въ золотомъ кружеvѣ рѣзбы и сверкающихъ стеколь. Это была необычайно красивая панорама.

Отсюда Вальтеръ мнѣ показывалъ разныя историческія зданія; дома, гдѣ жили когда-то Костюшко, Ньютонъ, Гогартъ,— но я въ тотъ разъ ихъ совсѣмъ не замѣтила; послѣ я нѣсколько разъ бывала въ Национальной галлереѣ,— ради картинъ этого самаго же великаго сатирика живописи, Гогарта,— тогда и на жилище его обратила больше вниманія; а въ ту, первую мою прогулку по Лондону, такія мелочи не останавливали моего вниманія.

Мы отправились дальше, мимо древнаго дворца Whitehall, вверхъ по улицѣ Charing-Cross, переполненной такимъ множествомъ историческихъ памятниковъ, что и лучше не стану останавливаться ни на одномъ изъ нихъ. Пробѣжая, я обратила вниманіе на двоихъ конныхъ гвардейцевъ, неподвижно сидѣвшихъ верхомъ по обѣимъ сторонамъ массивныхъ каменныхъ воротъ. Здѣсь тянутся зданія адмиралтейства, всевозможныхъ министерствъ и казармъ. Эти, по виду, средневѣковыя фигуры въ красныхъ мундирахъ, въ латахъ, каскахъ и панцыряхъ, бросаются въ глаза своей яркостью и полной неподвижностью, словно коралловыя статуи на темномъ фонѣ громадныхъ черныхъ зданій. Вальтеръ мнѣ рассказывалъ, что любимѣшее занятіе лондонскихъ уличныхъ мальчи-

шекъ, дразнить этихъ парадныхъ часовыхъ, не смыющихсяъ двигаться; они кувыркаются, дѣлаютъ имъ гримасы и особенно рады, когда имъ удается раздобыть печенаго рака, чтобы имъ показывать, что вотъ-де, они каки,— тоже красные раки!..

Уличныя дѣти здѣсь страшно разбалованы и неспосыны. Я, разъ, выходя изъ кондитерской, дала одному широжоку, такъ, представьте себѣ, что откуда ни возьмись, цѣлымъ ватага ихъ окружила меня и чуть съ ногъ не сбила... Они точно изъ-подъ земли высакивали, съ криками и требованіями всѣмъ угощенія; тянули меня за платье, толкали, показывали языки, даже грозились!.. Хорошо, что меня отъ нихъ избавилъ полисменъ. Полицейскіе ихъ здѣсь, въ случаѣ непослушанія, словно звѣрятъ,— арканами ловятъ,— право! Я сама видѣла. Вотъ и меня тогда спасъ полицейскій отъ нападенія этихъ маленькихъ лондонскихъ разбойниковъ; а Вальтеръ надо мною смылся: „Вотъ тебѣ!— говоритъ.— Будешь, въ другой разъ угощать уличную кампанію!“

Громадныя, оригинальныя, винчительныя по виѣшнему виду столь же, какъ и по историческимъ, проходившимъ въ нихъ событиямъ, зданія заканчиваются улицы Чарингъ-Кросъ и Парламентскую,— ея продолженіе. Удивительно ярко блестали архитектурныя особенности, башни, арки, статуи, рѣзьба, позолота и тысячи расписныхъ, разноцвѣтныхъ оконъ десятка огромнѣйшихъ зданій, которыя собственно составляютъ то, что называется Вестминстеромъ **),— когда я впервые увидала ихъ.

Мы вышли на сравнительно небольшую площадь. Направо былъ зеленый скверъ, окруженный статуями великихъ людей; за нимъ старинная церковь св. Маргариты, рисовалась какъ будто маленькая готическая капелла на фонѣ громады Вестминстерскаго аббатства, съ его двумя выступами по концамъ,—

**) West-Minster — Западный монастырь.

остроконечной главой на львомъ концѣ, четырехугольной, величавой башней — на правомъ. Налѣво тянулась великолѣпная рѣшетка парламентскихъ зданій, до самаго Вестминстерскаго моста черезъ Темзу, усыпанную пароходами, баржами, лодками. Островерхія крыши, стрѣльчатые своды, готические ряды окошекъ, горѣвшія на солнцѣ, а больше всего высочайшія башни „Викторіи“ и часовая съ ихъ украшеніями и шпицами, по первому взгляду поразили меня, какъ что то отжившее, сказочное... Древнія зданія другихъ европейскихъ городовъ совсѣмъ въ другомъ родѣ; эти какія-то исполосованныя въ высь, уходящія въ небо большими и мелкими шпицами. Особенно фасады башень: Big-Ben'a, какъ англичане называютъ свою башню съ часами, и башни Викторіи, еще больше высокой.

Расскажу я тебѣ, Аня, легенду о постройкѣ Вестминстерскаго аббатства. Когда еще большая часть англовъ и саксовъ были язычниками, далеко до покоренія норманами, явиле св. Августинъ въ средь „людей Кента“, и положилъ основаніе первой метрополіи, — Кентерберійской. Вскорѣ король Зеберть, владѣвшій восточными саксами, выписалъ изъ Рима епископа Мелитуса, — котораго могилу, сказать къ слову, и теперь показываютъ въ аббатствѣ, какъ первую тамъ вырытую. Мелитусъ былъ такъ благочестивъ, что лучше желалъ бы принять ехиму, но покорился возложенной на него миссіи; однако часто удалялся, ища уединенія, для молитвъ своихъ. Чаще всего епископъ переправлялся на островъ Терній, — Isle of Thorns, лежавшій именно на мѣстѣ, где теперь возвышается Вестминстерскій храмъ.

Темза въ то время широко разливалась, затопляя всѣ берега; въ окрестностяхъ будущей столицы, — едва обозначавшейся нѣсколькими сотнями хижинъ гигантствовавшихъ вокругъ строившагося собора св. Павла, было много лѣсовъ, но ни одной рощи такой густой и уединенной, какъ на островѣ Терній, куда приплы-

валъ въ выдолбленномъ членокъ Мелитусъ и гдѣ на молитвѣ предстать ему разъ св. Петръ... „Въроятно предсталъ“,—говорить легенда, какъ какъ онъ возгопрѣлъ желаніемъ непремѣнно воздвигнуть тутъ ему храмъ.

Въ тѣ времена первобытные, деревянные алтари воздвигались скоро. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ 616 году), новую церковь на островѣ готовились ужъ освящать. Стояла темная ночь наканунѣ воскреснаго

Внутренность собора Св. Павла.

дня назначенаго для освященія, когда одинъ бѣдный рыбакъ, заночевавшій на работѣ, на противуположномъ берегу Темзы, былъ разбуженъ неизвѣстнымъ старцемъ, просившимъ его перевезти на островъ.

— Товарищъ!—окликнулъ онъ его:—у меня на островѣ неотложное дѣло. Прошу тебя—встань и не правь меня.

Рыбакъ, не разсуждая и не торгуясь, повиновался, потому что въ старцѣ этомъ было нѣчто внушавшее

невольное благоговѣніе. Голько что они приблизились къ острову, какъ вдругъ едва оконченый храмъ засвѣтился необычнымъ сияніемъ и оттуда раздалось сладкогласное пѣніе, славившее Бога. Проникнутый страхомъ и восторгомъ при видѣ такого чуда, рыбакъ паль ницъ, не смѣя болѣе подымать глазъ на своего чудеснаго пассажира, не сомнѣваясь, что его встрѣчаютъ хоры ангельскіе и небесный свѣтъ... Долго ли пролежалъ онъ въ оцищененіи,—сказать онъ не могъ; но его пробудить къ жизни снова голосъ святаго.

— Добрый братъ мой по ремеслу!—сказалъ онъ:— поручаю тебѣ извѣстить епископа Мелитуса, что я самъ освятилъ уже и благословилъ воздвигнутую во имя мое церковь. Ты же, другъ мой, закинь сѣть, пока еще не наступила заря священнаго дня, посвященнаго молитвѣ и будь вознагражденъ уловомъ за то, что не отказался отъ ночной для меня работы.

Забросивъ сѣть, рыбакъ вытащилъ такое громадное количество рыбы, что у него не осталось сомѣній въ томъ что съ нимъ говорилъ самъ галилейскій рыбарь. Тотъ снова возвысилъ голосъ и сказать:

— Благословлю тебя и твоихъ потомковъ на такой ежедневный уловъ, съ тѣмъ, чтобы ты никогда не работалъ въ воскресные дни и жертвовалъ бы десятую часть добычи въ пользу храма св. Петра.

Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ. На основанії этой легенды Вестминстерское аббатство долго требовало десятину со всего улова рыбы въ его окрестностяхъ и водворилось мнѣніе, что храмъ его не подлежитъ главенству епископовъ, а только прямо самаго папы Римскаго,—такъ какъ первый папа, ставленный самимъ Христомъ, его освятилъ и принялъ подъ свое покровительство.

Какъ бы то ни было, папскія милости, до раздѣленія церквей, сыпались на Вестминстерское аббатство. Короли англійскіе въ немъ коронуются и хоронятся

сь самаго времени Эдуарда Исповѣдника, канонизованнаго патрономъ Англіи. Вблизи своего придворнаго храма, во дворцѣ занимавшемъ мѣсто, гдѣ теперь парламентъ, они и жили, до самого царствованія Генриха VIII, который, осквернивъ древнія стѣны Тоуэра потоками крови, перешель жить въ Уайтъ-Голль и въ Сентъ-Джемсскій дворецъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ король-отступникъ похороненъ въ чистѣ другихъ въ этомъ громаднѣйшемъ храмѣ, переполненномъ памятниками великихъ и не великихъ людей, добромъ и зломъ памятныхъ монарховъ всѣхъ вѣковъ и династій. Всѣ эти саркофаги, статуи и бюсты въ тѣни величественныхъ аркадъ, колоннъ и сводовъ, фантастически освѣщаемыхъ пестрыми отсвѣтами вверхъ уносящихся оконъ, представляющіе то чудныя стеклянныя картины, то просто разноцвѣтныя узоры въ тонкой рѣзьбѣ переплетающихся рамъ, — превращаютъ этотъ соборъ въ чудный музей ваянія, скульптуры и историческихъ диковинокъ. Перечислить сотой доли памятниковъ, которыхъ я успѣла въ немъ видѣть, разумѣется невозможно; но я назову только нѣсколько хорошо намъ знакомыхъ имёнъ, которыхъ я прочла на могилахъ въ такъ называемомъ Poets-Corner (уголкѣ поэтовъ). Начиная съ отцевъ англійской поэзіи и прозы — Чaucера, Спенсера, Шекспира, Мильтона, Драйдена, Шеридана, до историка Маколея, и нашихъ любимыхъ романистовъ Чарльза Диккенса, сэра Литтонъ-Бульвера и Вильяма Тэkkерей, — всѣ почти умершіе представители англійской литературы лежать подъ сводами своего величественнаго храма. Тутъ и ученые, и писатели, и актеры, и актрисы, и художники, и музыканты въ перемежку съ историческими людьми, съ епископами, главнокомандующими, дипломатами, принцами крови, королями и королевами.

Въ этихъ стѣнахъ — вся, или почти вся, история Англіи.

Но главный интерес и прелесть древняго ста-
рика Вестминстера *), по-моему не только подъ ско-
дами его главнаго корпуса, какъ въ молитвенного,
собственно, храма,—въ его внутреннихъ галлереяхъ
и дворикахъ; въ бесконечныхъ ходахъ и колоннадахъ,
гдѣ подъ рѣзными арками, изъ камня превращен-
ными въ кружево, вы топчете гранитныя плиты, съ
полустертыми именами настоятелей, монаховъ, свя-
щеннослужителей тысячелѣтняго монастыря, покоя-
щихся подъ ними. Сквозь рѣзныя пиластры, сквозь
готические своды и колонки солнце освѣщає таин-
ственные дворики, поросшіе травой; ложится тонкими
узорами на землю, почернѣвшія стѣны и гробовыя
плиты, вытоптаныя исчезнувшими поколѣніями...

Вальтеръ и Федя смѣются надо мной! Называютъ
меня фантазеркой и мечтательницей; но я знаю, что
ты, Аня, Катя да и Маруся тоже,—поймете, что на
меня такие закоулки производятъ еще большее впе-
чатлѣніе, чѣмъ статуи и богатые мавзолеи... О! Сколько
тутъ прошло жизненныхъ драмъ, горя и слезъ.. Я,
разумѣется, говорю не исключительно объ Вестминстер-
скомъ аббатствѣ... Понятно, что Вальтеръ правъ, го-
воря: „На могилахъ или безъ могилъ; подъ тѣнью
сводовъ или подъ яркимъ солнцемъ; въ храмахъ, лѣ-
сахъ, поляхъ или собственныхъ нашихъ жилищахъ,—
указжи мнѣ вершокъ земли, не политый слезами и
кровью!.. Тогда я соглашусь, что ты права, волнуясь
въ стѣнахъ Вестминстера или Тоуэра сильнѣй, чѣмъ
въ самой новенькой деревенской церкви или среди
луга, поросшаго цвѣтами!“ Это все такъ, но что жъ
дѣлать, если люди такія впечатлительныя созданія,
что видѣть не только то, что въ данную минуту ихъ
окружаетъ, но и то, что когда-то *могло* происходить
тамъ, гдѣ они находятся!.. У меня воображеніе такъ
развито, что просто несчастіе!.. Я не могу часто бы-

* Стѣны настоящаго времени возведены въ 1269 году. Соборъ и нынѣ
по нему св. Петра. Древнѣйшая же церковь, деревянная, стояла, по пре-
данию, на хѣстѣ римскаго капища Дианы.

вать въ такихъ мѣстахъ... Представь себѣ, что я послѣ посѣщенія Тоуэра ночь не спала, а когда къ утру заснула, такъ видѣла во снѣ казнь Маріи Стюартъ.

Я надѣюсь, что ты со мною когда-нибудь побываешь въ Вестминстерѣ!.. Тогда я поведу тебя въ Chapter House, — бывшую трапезную монаховъ. Ты сама увидишь, какая это красота!

Идетe вы долго открытыми съ одной стороны галлересами, пресыщенные видомъ многаго множества памятниковъ, группъ, статуй, рельефовъ, надписей, узоровъ; идете, отдыхая взоромъ на величественной простотѣ древнихъ стѣнъ, легкихъ гранитныхъ двойныхъ колоннокъ, почернѣлыхъ, подточенныхъ временемъ, но такъ красиво выдѣляющихся на фонѣ зелени и солнца. Поворотъ за поворотомъ, вокругъ вѣсъ то и дѣло убѣгаютъ въ стороны коридоры, открываются какіе-то закоулки, тяжелыя желѣзныя или деревянныя, изъѣденныя червями двери и дверцы. И вдругъ опять мрачный сводъ. А направо зияютъ широко открытые, высокія двери, на высотѣ нѣсколькихъ гранитныхъ ступеней, выбитыхъ истлѣвшей обувью прошлыхъ столѣтій.

Входишь на эти широкія ступени и видишь каменную, круглую, высочайшую залу, съ однимъ громаднымъ разноцвѣтнымъ окномъ, которое горитъ, сіяя радугами по всѣмъ стѣнамъ, все въ краскахъ и блесткахъ. Смѣлый конусообразный куполъ легко, высоко взлетаетъ надъ твоей головой, поддержаный единственнымъ гранитнымъ столбомъ въ самомъ центрѣ. Онъ кажется тонокъ, до того онъ высокъ. Тамъ, въ вышинѣ, онъ звѣздой или, вѣрѣ, круглымъ паланкиномъ разбросался правильными дугами; а между этими ребрами лѣпные узоры бахромой и спадаютъ по стѣнамъ, почти вплоть до бѣгущихъ вокругъ всей залы каменныхъ выступовъ. Этотъ гранитный выступ служить сидѣнiemъ святой братіи.

Въ этой незыблемой временемъ, непреходящей старинѣ древнихъ зданій, есть что-то чарующее для насъ, скоро преходящихъ мошекъ!.. Вальтеръ говоритъ: „Онъ даютъ чувствовать наше ничтожество!..“ Нѣть! А я скажу иначе: въ нихъ я, напротивъ, сильный, чѣмъ гдѣ-либо, чувствую свое бессмертие и величие человѣческаго духа. Если люди умѣютъ сознать такие бессмертные памятники, то они сами тѣмъ болѣе не могутъ не быть бессмертны!

Но довольно философствовать; надо постараться
зъ этомъ письмъ окончить описание нашего перваго
посѣщенія аббатства и парламента.

Туда мы поехали черезъ нѣсколько дней, по приглашенню одного изъ членовъ парламента, сэра Ричарда Тэмпль, бывшаго правителя Индіи. Семья Вальтера искони была дружна съ его семьею; сэръ Ричардъ зналъ мужа моего ребенкомъ и понынѣ продолжаетъ очень добродушно съ нимъ обращаться какъ съ мальчикомъ. Онъ пригласилъ настъ пить чай на парламентской террасѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно показать намъ все зданіе и всѣ порядки, а не тѣ нѣсколько залъ, чрезъ которыхъ обыкновенно заставляютъ рысью пробѣгать многочисленныхъ зрителей. Въ такомъ официальномъ осмотрѣ мало интереса; показные покой Вестминстера не отличаются оригинальностью, да и великолѣпіемъ не поражаютъ особенно настъ, русскихъ, привычныхъ къ блеску и роскоши нашихъ новыхъ дворцовъ и къ своеобразію древнихъ царскихъ теремовъ и палатъ. Хороша тамъ, пожалуй, старая рѣзьба дубовыхъ потолковъ и стѣнъ: интересны историческія картины кое-гдѣ, особенно въ проходѣ изъ палаты лордовъ въ палату общинъ; кое-гдѣ группы громадныхъ статуй; вездѣ очень красивы расписныя окна,— вотъ и все, что видѣть посѣтители, не имѣющіе въ парламентѣ вліятельныхъ знакомыхъ могущихъ имъ показать всѣ его тысячу-сто комнатъ. Впрочемъ нѣтъ: они также видѣть первую, нальво отъ входа чрезъ порталъ св. Стефана,

громадную, величественную и совершенно пустую историческую залу,—это древнѣйшая во всемъ зданіи Westminster-Hall, гдѣ искони свершались всѣ государственные перевороты, судились важные преступники, давались коронаціонные балы и происходили всевозможныя политическія торжества, въ продолженіе почти восьми вѣковъ. Здѣсь несчастный Карлъ I былъ осуждены и приговорены погибнуть на плахѣ; здѣсь же

Зданіе англійскаго парламента со стороны Темзы.

лорды и пэры Англіи смиренію преклонились предъ мясникомъ-узурпаторомъ, Кромвелемъ; и тутъ же черезъ нѣсколько лѣтъ его голова была выставлена на ноsemъяніе толпы, когда тѣло его выбросили изъ Вестминстерскаго собора.

Эта зала въ уровень съ народнымъ парламентскимъ дворомъ, куда и выходить на другомъ концѣ двери; поэтому изъ подъ St. Stephen's Porch въ

нее надо спускаться довольно низко, по каменнымъ, широкимъ ступенямъ. Она окружена статуями отшедшихъ королей и королевъ, которых живописно ожилаются цвѣтистымъ освѣщеніемъ оконъ, расписанныхъ картинами. Первоначально ее заложилъ сынъ Вильгельма Завоевателя, а закончилъ Ричардъ II, въ ней же изложенный, въ одномъ изъ первыхъ въ ней державшихся засѣданіяхъ парламента. Она раза въ четыре больше обѣихъ нынѣшнихъ палатъ... Подъ сводчатымъ ея дубовымъ потолкомъ намъ въ ней указывали, на выступъ рѣзьбы, какія-то темные пятна; увѣряютъ, что это слѣды крови Кромвелевой головы. Но, разумѣется, это вздоръ! Откуда же взяться крови, чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти человѣка, на его черепѣ?.. Разсказываютъ, что черепъ „протектора“ простоялъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ, пока не свалился, спесенный вѣтромъ; тогда сторожа продали его въ какую-то кунсткамеру. Краснорѣчивая судьба черепа геніального простолюдина, именовавшаго себя „другомъ народа“!

Насъ провели изъ портала св. Стефана прямо вверхъ, черезъ длинную залу со статуями пэровъ въ центральную, восьмиугольную, очень красивую залу, откуда два расписанныхъ историческими картинами, коридора ведутъ направо—въ Съни Лордовъ (Peers Lobby), а влево—въ Съни Нижней Палаты (Commons Lobby). Эту Central Hall освѣщаетъ стеклянный куполъ; въ ней тоже статуи и бюсты великихъ британцевъ, а въ сторонкѣ длинный буфетный столъ, гдѣ прохлаждаются птицами и сандвичами члены обѣихъ палатъ, въ дружеской бесѣдѣ со своими посѣтителями, которые здѣсь выжидаютъ возможности взглянуть на пренія или хоть на пустыя залы засѣданій. Мы тоже отсюда просили полисмена доложить о насы сэру Ричарду Тэмплю, который ждать насъ не заставилъ.

Радушно протягивая намъ руки, онъ вышелъ изъ палаты, гдѣ шло засѣданіе по дѣламъ вѣроятно не

очень важнымъ и повель нась по всѣмъ главнымъ покоямъ. Этотъ некрасивый, невзрачный съ виду пожилой человѣкъ извѣстенъ своимъ мѣткимъ умомъ, многосторонними знаніями и талантами. Онъ извѣдилъ весь свѣтъ и хорошо знаетъ Россію. Даже издалъ прекрасное, иллюстрированное имъ самимъ путешествіе по Россіи и увѣряетъ, что очень любить ее, въ особенности Москву и Киевъ; а на всѣ мои благодарности отвѣчаль, что всегда радъ служить въ особенности русскимъ, „чтобы хоть немного отблагодарить за повсемѣстное гостепріимство и любезность, которыя видать всюду въ Россіи“.

Онъ спросилъ: куда я прежде желаю идти? Разумѣется, я это ему вполнѣ предоставила. Онъ повель нась во внутренній дворъ, въ красную готическую Капеллу, которую и англичанамъ-то рѣдко показываютъ,—Вальтеръ только разъ въ дѣтствѣ ее видѣлъ. Она вся выложена разноцвѣтнымъ мраморомъ, расписаннымъ образами. Въ глубинѣ, за бронзовую и хрустальную рѣшеткой, престолъ въ богатыхъ покровахъ; сбоку, въ придѣлѣ, богатая мраморная, огромныйша купель, въ которой и теперь, говорять, крестятъ дѣтей лордовъ, членовъ парламента; но она такъ высока, что вѣроятно священнодѣйствующій влѣзаетъ на лѣстницу, для крещенія младенца...

Оттуда нась повели по безчисленнымъ дворикамъ; осѣнніе древніми башнями, золотыми шпицами, расписными окнами, всѣ въ кружевной рѣзбѣ и высѣчкѣ, покрывающей стѣны словно бронзовымъ кружевомъ, эти внутренніе дворики, чудо какъ оригинально красивы. Ихъ счетомъ одиннадцать, кромѣ большого параднаго, открытаго на двѣ улицы, со статуей Ричарда Львиное Сердце посерединѣ. По виѣшней отделькѣ всѣ Вестминстерскія зданія несравненно красивѣй снаружи, чѣмъ внутри.

— Вотъ нашъ „Иванъ Великій“!—вспомнилъ сэръ Ричардъ Москву, указывая на „Big-Ben“,—башню св. Стефана, съ двухсаженными циферблатаами часовъ на

всѣхъ ся четырехъ фасадахъ. Но только тутъ у насть лишь святыня древности, прибавилъ онъ: а въ вѣшемъ московскомъ Вестминстерѣ, — на колокольнѣ Ивана Великаго, на куполахъ Василья Блаженнаго, на всѣхъ вашихъ Кремлевскихъ соборахъ поконится святость не только прошедшіхъ надъ ними вѣковъ, но и великихъ вѣрованій народныхъ... Ваше историческое прошлое болѣе связано съ религіозными вѣрованіями, чѣмъ наше!

Безконечными внутренними лѣстницами и коридорами насть повели въ главный корпусъ зданія. Мы обошли громадныя библіотеки, читальныя залы, комнаты для частныхъ занятій пэрозвъ, даже столовыя, со шкафами и каминами въ величину маленькихъ домовъ... Странно, что всѣ эти, такъ сказать, частныя комнаты кажутся несравненно большие и выше залъ засѣданій. Со мною спорили, когда я это замѣтила; быть можетъ, это обманъ зрѣнія вслѣдствіе того, что тѣ темны и невысоки; но сколько разъ я потомъ ни бывала тамъ, слушая пренія съ дамскихъ галлерей, но обѣ палаты — и пэрозвъ, и Нижняя, мнѣ представляются какими-то узкими, длинными коробками, совсѣмъ не винчительными съ виду.

Нашъ проводникъ нѣсколько разъ, извиняясь, убѣгалъ на нѣсколько минутъ въ залу засѣданій, когда громкіе голоса полисменовъ, быстро пробѣгавшихъ по всему зданію, возвѣщали, что наступила минута подавать голосъ за или противъ какого-нибудь билля. Смѣшино тогда было смотрѣть какъ отсюду бѣжали члены, молодые и старые, боясь пропустить минуту и тѣмъ дать преимущество лишняго голоса своимъ противникамъ.

Все осмотрѣвшись, мы опять очутились въ Lobby, передъ залой засѣданія. Сэръ Ричардъ подвелъ меня къ самой стеклянной двери и поставилъ въ уголку у самаго стекла, за которымъ я увидала... что? Какъ ты думаешь, Аня?.. Я увидала среди ораторствовавшихъ членовъ Нижней Палаты и слушавшихъ ихъ

сотоварищей, множество очень знакомыхъ лицъ... Я была поражена, въ первую минуту; но потомъ сообразила: я всѣхъ ихъ тысячу разъ видывала во всевозможныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ,—и портреты ихъ и карикатуры. Ну, какъ же не узнать лысаго, какъ билліардный шаръ, тонкаго, высокаго старика, съ крючковатымъ носомъ и проницательными глазами,—Гладстона? Я узнала и Бальфура, ненавидимаго Ирландіей секретаря по дѣламъ ея; и лорда Рандольфа Чёрчилль, новаго пріятеля Россіи, котораго всѣ упрекали тогда за его русофильство и многихъ другихъ, ежедневно попадающихъ въ Daily Graphic, въ London News, въ Pall Mall Budget и другія иллюстраціи.

Сэръ Ричардъ, приготовившійся мнѣ называть ихъ всѣхъ, очень удивился моему обширному знакомству въ House of Commons; но я откровенно ему созналась, что знакома съ ними точно такъ же, какъ и съ многими его сотоварищами по Палатѣ Пэровъ... Онъ очень смѣялся и пригласилъ насть пить чай на Вестминстерскую террасу, такъ какъ цѣлое общество дамъ, приведенныхъ другимъ пэромъ жаждало попастъ на наши мѣста.

Вестминстерская терраса, милочка моя — это превивописное и превеселое мѣсто! Это широчайшая и длиннѣйшая, кажется, галлерея въ мірѣ *) идетъ вдоль всего парламентскаго дворца, омываемая Темзой. Удивительно съ нея красивые виды на мосты, вѣчно переполненные движеніемъ, на рѣку, испещренную судами, оживленную множествомъ увеселительныхъ пароходовъ, на которыхъ гремитъ музыка, пестрѣеть нарядная публика плывущая въ окрестные парки, на всевозможныя гулянья и увеселительныя мѣста. На противоположномъ берегу рисуются „семь братьевъ близнецовъ“, —то-есть семь совершенно одинаковыхъ зданій госпиталя св. Оомы и дворецъ ар-

* Около 500 аршинъ длины.

хепископа Кентерберийского. Красива и сама терраса, усыпанная группами нарядныхъ дамъ, посѣтительницъ. Онъ располагаются, съ пригласившими ихъ знакомыми, на скамьяхъ и желѣзныхъ стульяхъ, вкругъ маленькихъ столиковъ съ чайными приборами; гуляютъ вдоль террасы, любуются видами въ бинокли, пересмѣиваются, узнавая знакомыхъ на близко пробѣгающихъ пароходахъ. По временамъ хозяева этихъ мѣстъ, пригласившіе знакомыхъ на чашку чая, какъ и нась пригласилъ сэръ Ричардъ Тэмпль, ихъ неожиданно бросаютъ, сразу пускаясь бѣжать, по командѣ появляющагося въ главныхъ дверяхъ полицейскаго. Тотъ прикладываетъ руки трубою ко рту и кричитъ:

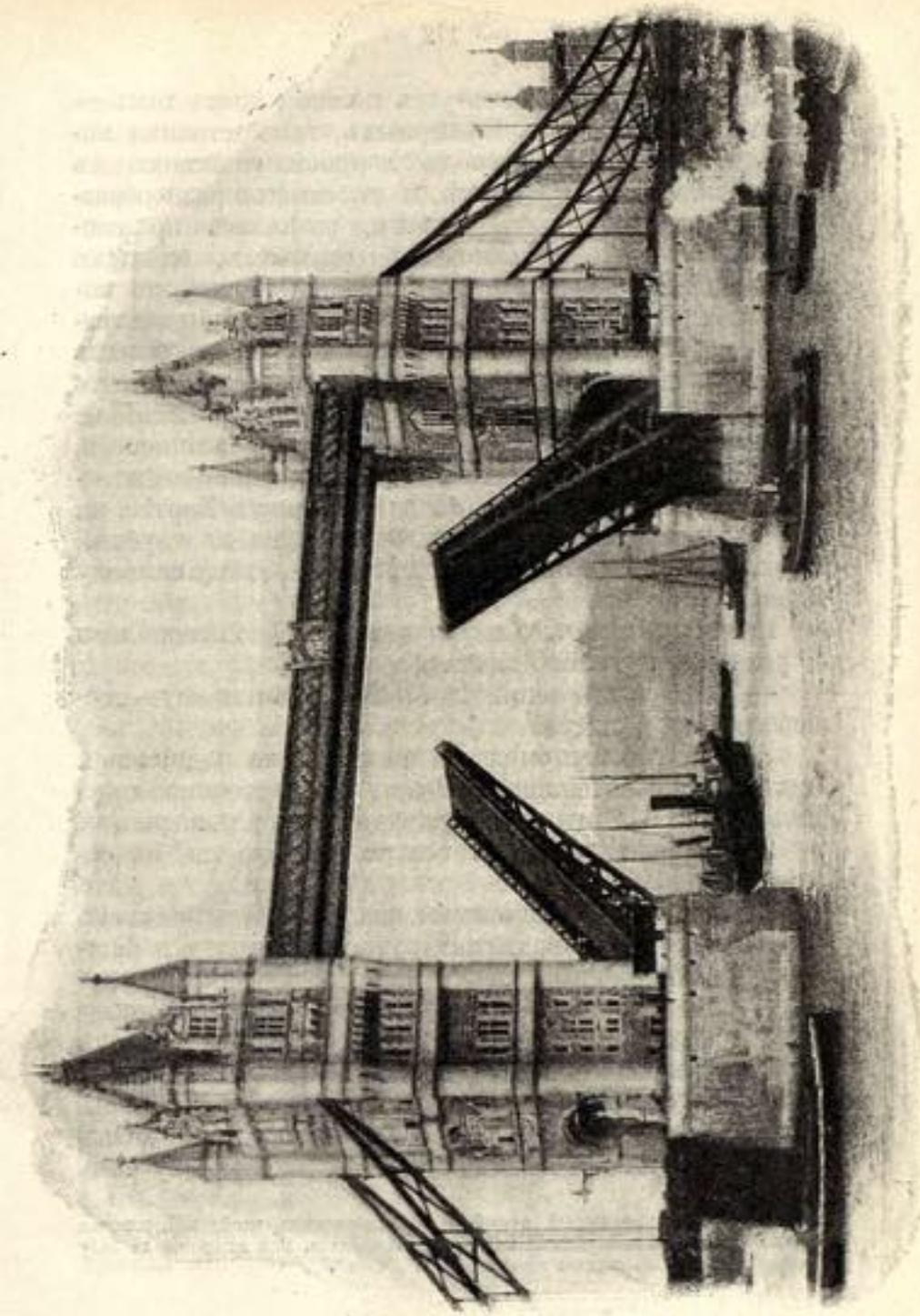
— *Дивижънз!* Division! Division!

А всѣ члены палаты вмигъ всакиваются, не договоривъ послѣдняго слова и, какъ угорѣлые пускаются, кто рысцой, кто бѣгомъ, кто въ прыжку, стремясь на рѣшеніе міровыхъ вопросовъ и своихъ британскихъ интересовъ, въ залу засѣданій. Молодые, разумѣется, перегоняютъ стариковъ, но тѣ не смущаются, сменять за ними, какъ могутъ. Иныетолстяки лорды, переваливаясь бочкомъ, сильно напоминаютъ черепаху, перегнавшую зайца; а у длинноногихъ зайцевъ только фалды разгѣваются и подошвы мелькаютъ. Умора!..

Дамы, остававшись на иѣсколько минутъ однѣ, въ недоумѣніи переглядываются, стараясь сохранить приличную серьезность. Но мигъ это никакъ не удавалось!.. Особенно въ послѣдній разъ, когда мы тамъ были съ Оедей... Вотъ, я тебѣ скажу, быль искусъ! Противный мальчишка умѣеть съ такимъ невозумѣтымъ видомъ говорить разныя глупости, что я сънимъ, право, кажется на вѣки скомпрометировалась... Слава Богу, что Вальтера съ нами не было: досталось бы мнѣ!

Скоро послѣ первого посѣщенія парламента я попала и въ дамскую галлерею, къ началу засѣданія

Балочный мост через Темзу в Лондоне.

въ Нижней Палатѣ. Вотъ ужъ комедія идетъ тамъ,— просто удивительно!.. Во-первыхъ, такъ странно видѣть всѣхъ этихъ господъ лордовъ, сидящихъ въ шляпахъ, словно въ циркѣ, и въ самыхъ разнообразныхъ, безцеремонныхъ позахъ, развались по своимъ красивымъ сафьяновымъ скамьямъ, одѣтыхъ въ домашніе, разноцѣпные пиджаки. Точно это какой-нибудь курсаль или вокзаль при станціи желѣзной дороги, право! Недоставало только дорожныхъ мѣшковъ для полноты сходства!.. Надо думать, что всѣ эти бароны и графы ровно никакого уваженія не чувствуютъ ни къ исполненію своихъ обязанностей, ни къ статьямъ осьмнадцати „отцовъ парламента“,— заставившихъ короля Іоанна дать Великую Хартію, ни къ трону королевскому, возвышающемуся въ глубинѣ залы, ни даже къ пресловутой „Масе“—этому символу власти.

Ровно въ три часа двери залы широко отворились и раздался громкій возгласъ:

— „Speaker is coming!“ *Сникеръ*, по-нашему—„говорильщикъ“, идетъ!

Всѣ разговоры смолкли, но никто не поднялся и никто не снялъ шляпу. Въ залу торжественно вступили четверо лицъ въ маскарадныхъ костюмахъ...

Я протерла глаза: въ театрѣ мы, что ли, въ са-
момъ дѣлѣ?..

Впереди шелъ гладенький черненький человѣчекъ на тоненькихъ ножкахъ, затянутыхъ въ чулки и башмаки съ блестящими пряжками и подвязками; въ рукахъ онъ несъ еще сильнѣй блиставшую булаву,— the Mace*),—которую благоговѣйно положилъ передъ кресломъ „спикера“ на столъ, покрытый чернымъ сукномъ. За нимъ выступалъ самъ Speaker, то-есть предсѣдатель собраній въ House of Commons. Онъ былъ облаченъ въ длинную черную мантію,—ну точь

* Масъ — цепремінний атрибутъ парламентскихъ засѣданій, золотая булава — символъ присутствія королевскаго величія. Всѣ входящіе въ залу прежде всего отдаиваютъ поклонъ этой „Масѣ“.

въ точь такую, какъ надѣваютъ на нашихъ провинциальныхъ сценахъ заговорщики, злодѣи или влюбленные поэты, отправляющіеся на тайное свиданіе съ дамами сердца. На головѣ его быть надѣть высокій бѣлый парикъ весь въ букляхъ и съ двумя завитыми наушниками, которые лопастями или собачими ушами падали ему на плеча. По бокамъ его выступали двѣ фигурки еще болѣе смѣшныя, — старшіе клерки, по нашему — секретари. На нихъ тоже болтались широкіе и длинные черные коломенковые костюмы, въ родѣ рясъ, но только съ откидными рукавами. Парички ихъ, — бѣленькие, маленькие, завитые барабашкомъ, съ двумя *кисточками*, болтавшимися на затылкахъ, — до того были уморительны, что я не могла на нихъ серьезно смотрѣть, какъ ни старалась убѣдить себя, что таковъ обычай, — церемоніальные костюмы эти освящены — де старицей!.. Невольно является вопросъ: зачѣмъ же? Гдѣ необходимость сохранять какіе-то шутовскіе костюмы; надѣвать нитянные парики, которые тутъ же слѣзаютъ ухарски на бочокъ, обнаруживая лысину или собственную гладко прилизанную шевелюру, ужъ никакъ ничего не прибавляя къ представительности этихъ офиціальныхъ лицъ?.. Эти средневѣковые, шутовскіе наряды, утративши въ наше время всякій смыслъ, рядомъ съ такой распущенностью одеждъ, съ безцеремонностью поэзъ и неприличiemъ цилиндровъ, покрывавшихъ головы остальныхъ членовъ ареопага, собравшагося вершить міровые интересы, поражали какъ очень странныя несообразности.

Не менѣе удивителенъ и шумъ, и крики, и задоръ, — чуть ли не брань всѣхъ этихъ избранныхъ народомъ представителей, когда пренія оживились... Кажется и въ бурныхъ словесныхъ битвахъ парижскаго Национального Собрания, не могло быть худшаго беспорядка.

Но пора, наконецъ, остановить мое краснорѣчіе, не правда ли, Аиюточка?.. Я такъ расписалась, что при-

дется мнѣ скрывать свое краснорѣчіе отъ мужа, а тебѣ не доводить его до свѣдѣнія миссъ Уиллiss,—чтобъ не досталось мнѣ за нападки на ихъ соотечественниковъ!.. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь возстановить ихъ добрую славу; въ чёмъ надо похвалить я и ихъ похвалю, но въ парламентѣ многое мнѣ въ нихъ показалось смѣшнымъ и страннымъ,—пусть не взыщутъ. Хотя бы,—вотъ еще одна ихъ дикая фантазія: всѣ въ Палатѣ Лордовъ сидѣть на креслахъ, на скамейкахъ въ родѣ дивановъ,—одни только двое сановниковъ,—лордъ-мэръ Лондона, представитель Сити, а также лордъ-канцлеръ обязательно должны возсѣдать на традиціонномъ „woolsack“, то-есть на „мѣшкѣ съ шерстью“. Такъ для нихъ и стоять особое подобіе мѣшка, или тюка, набитаго шерстью,—эмблематическое изображеніе первенствованія власти надъ торговлей,—какъ мнѣ объясняли... Ну, не смѣшили ли?..

Довольно, однако, довольно,—а не то я тебя совсѣмъ заморю и ты будешь бояться моихъ „лекцій“. Дѣло въ томъ, Anna dearest, the dearest of all Annas *), что хоть и говорить пословица, что „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ“, но я не знаю, какъ и справлюсь со своей задачей: столько вокругъ меня интереснаго, что просто не знаю, съ чего начну второе письмо, чому отдать предпочтеніе?.. Ты сама ужъ выбери тему: о зданіяхъ ли историческихъ, о прогулкахъ ли по окрестностямъ, или объ обычаяхъ,—общественной или частной жизни моихъ новыхъ согражданъ. Ты и представить себѣ не можешь,—я, по крайней мѣрѣ, никогда себѣ не представляла, пока не поселилась съ ними,—сколькъ своеобразнаго въ ихъ бытѣ и понятіяхъ; сколько въ ихъ жизни, даже официальной, сохранилось старины, предразсудковъ, древнихъ обычаевъ!

* „Самая дорогая изъ всѣхъ Аннъ“.

Хотя бы эти всевозможные уличные процессы; этот скоморохий церемониаль, въ которомъ весь городъ принимаетъ участіе — при избраниі лорда-мэра, главы Сити **). Сотни тысяч рублей въ одинъ день ими тратятся на костюмы, колесницы и всякия ухищрения для красоты или оригинальности маскарадной процессии, которая цѣлыми часами танется по вѣймъ лондонскимъ улицамъ...

Вальтеръ говоритъ: „Таковъ обычай! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ больше онъ уважаетъ свою старину и держится ея завѣтовъ“... „И у васъ,—говорить,—есть множество обычаевъ и предразсудковъ, какъ и у насть. Ихъ нѣть только у молодыхъ, не имѣющихъ прошлаго народовъ... А у кого нѣть прошлаго,—не будетъ и будущаго!“

Положимъ, но у насть, во-первыхъ, нѣть той практическости, которой славятся англичане,—всѣ славяне—мечтатели, чего никакъ нельзя сказать про англичанъ; а во-вторыхъ, наши предразсудки и старинные обычай болѣе сохранились въ народѣ, а не въ культурныхъ классахъ; здѣсь же ни одна дѣвушка, начная съ дочерей и внучекъ королевы, не выйдетъ замужъ не осыпанная шпеницей, не преслѣдуемая летящими вслѣдъ ей башмакомъ и тому подобныхъ миллиона трехсотъ тысячъ обрядовъ. А ужъ о народномъ суевѣріи нечего и говорить! Оно во сто разъ хуже, чѣмъ у нашихъ крестьянъ.

Однако до свиданія, дорогія мои. Оедя пристаетъ: пораѣхать навстрѣчу Вальтеру, — сегодня суббота. А послѣ завтрака мы предполагаемъ прокатиться въ яхтѣ. Море сегодня чудесное.

Жду твоихъ описаній Берхтесгадена и вообще Баваріи и Тироля. и всякихъ „картинокъ южной

**) Лордъ-мэръ (Lord Mayor) представитель торговли и промышленности; начальникъ Сити, т.-е. всего старого Лондона, его дѣловой части. Въ лицѣ этомъ, избираемомъ каждые три года, созидаются обязанности нашихъ городскихъ—головы, губернатора и коменданта. Въ старые годы сами короли, вѣзжая въ предѣлы Сити (City—собственно городъ) считались подвластными лорду-мэру.

Австрії", обѣщанныхъ тобою. Инзерское письмо Кати прочла съ великимъ удовольствіемъ и, какъ ты приказала, отсылаю тебѣ его обратно.

Крѣпко цѣлую тебя и всю компанію мозаичной корреспонденціи.

Ваша всѣмъ сердцемъ

Юлія Эйттон.

P.S. Я въ отчаяніи, что лѣто на исходѣ и милый мой Феодоръ скоро долженъ уѣзжать! На той недѣлѣ, вѣроятно, мы пересѣдемъ въ Лондонъ.

XV.

Отъ Анны Александровны Берестиной,
Катеринѣ Сергеевнѣ Берестиной.

Вѣна. 27 августа

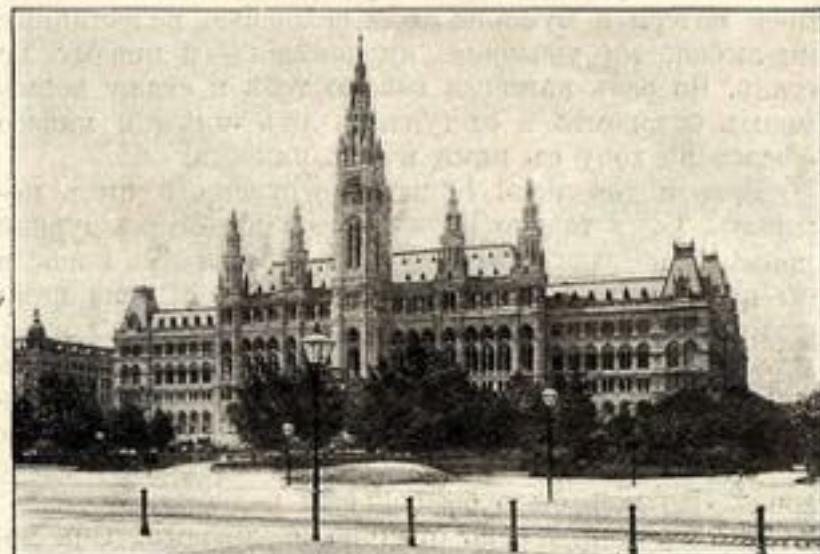
(8 сентября).

Слава Богу! Кажется въ послѣдній разъ пишу тебѣ изъ Вѣны, душечка моя, Катюша. Послѣ завтра двигаемся на югъ. Надоѣла мнѣ Вѣна хуже горькой рѣдкіи. Больше всего, разумѣется, изъ-за присутствія родственниковъ... Ну, ужъ и антипатичный же народъ, весь до одного, эти Стрѣльневы, кромѣ маленькой Вѣрочки, которая вся въ мою маму, въ тетю свою, уродилась и лицомъ и характеромъ,—даже голосомъ!.. За это Дуняша моя ее такъ полюбила, что и нарадоваться не можетъ. Что ни слово Вѣрочки, что ни взглядъ ни жестъ—наша Авдотья Фоминична передъ нею станетъ, во весь ротъ ухмыляется, ладонями себя по колѣнамъ хлопнетъ отъ восторга и восклицаетъ, вся расцвѣтая:

— Ахъ ты, Господи, милосливый! Ну чистая княжоночка моя, Анна Михайловна!.. Ну, Боже жъ мой, Анюточка: это совсѣмъ твоя сестричка родная. Куда больше тебя въ твою матушку уродилась. Мы,

говорить, ее назадъ не отдадимъ, право же не отдадимъ!

И я ей подгѣваю: не отдадимъ, нянечка! Ни за что не отдадимъ! И ужь какъ бы я этого желала, и какъ бы счастлива была, если бъ это было точно возможно устроить... Джемима меня увѣряетъ, впрочемъ, что и сами Струльневы очень рады были бы этому; она такъ сама и увѣрена, что Вѣра съ нами навсегда останется, но я хоть и вѣрю опыtnости моей Уил-

Здание новой Городской Думы въ Вѣнѣ.

лички, но не могу все-таки вѣрить, чтобъ это было возможно... Ее не любить въ семье, — это и я вижу: но отказаться отцу съ матерью отъ родного ребенка?.. Это, кажется мнѣ, не сдѣлаютъ даже моя тетушка съ своимъ супругомъ. Не могу я, ни за что не могу его дядей называть, такъ онъ мнѣ антипатиченъ!.. И ты, Катюша, пожалуйста не читай мнѣ по этому поводу наставлений и не сердись. Ты — формалистка и такая христіанка, что никогда бы себѣ не позволила

такъ говоритьъ, я знаю; ты даже, можетъ-быть, искренно бы все имъ прощала и даже бы не замѣчала ихъ дурныхъ,—очень дурныхъ, увѣряю тебѣ,—сторонъ; въ тебѣ такъ сильны чувства христіанскихъ и родственныхъ обязанностей, что ты, конечно, меня осудишь. Очень можетъ быть, что ты и права, что я очень дурио поступаю; но я думаю, что еще хуже поступила бы обманывая и лицемѣръ, а потому предпо-
читаю нести свою вину открыто. Рассказывать, что именно возбудило во мнѣ увѣренность, что сестра моей матери и мужъ ея люди нехорошіе, недостойные ни любви, ни уваженія, ни довѣрія — я никому не стану. Но разъ навсегда говорю тебѣ и скажу всѣмъ моимъ близкимъ: я отступаюсь отъ нихъ и ничего общаго не хочу съ ними имѣть никогда!

Вотъ и довольно! Больше не будемъ о нихъ поминать. Буду только Бога молить, чтобы ихъ дурной примѣръ не заразилъ, а дурные чувства ихъ никогда бы не коснулись Вѣры и чтобы они ее у меня позабыли... Нѣть! Обѣ этомъ молиться не стану, потому что это было бы грѣшно, вводить въ грѣхъ, то-есть желать, чтобы другіе поступали дурно. Пусть сами дѣлаютъ, какъ знаютъ. Ради Вѣрочки, однако, не могу я не желать, чтобы она подольше оставалась со мною. Это мнѣ было бы большой радостью.

Мы съ ней теперь отлично поживаемъ. Она поправилась и во всѣхъ нашихъ послѣднихъ прогулкахъ участвовала, кромѣ одного раза, когда мы были въ монастырѣ Капуциновъ, — въ катакомбахъ, гдѣ похоронены всѣ Габсбурги. Миссъ Уиллiss и меня то неохотно туда пустила, боясь сырости; а у Вѣры только что лихорадка была.

Насъ повезъ внизъ монахъ, капуцинъ, подпоясанный веревкой по коричневой рясѣ и съ противной тонзурой, выбритой въ густой черной гривѣ его, на макушкѣ. Въ главномъ склепѣ громадный мавзолей Маріи-Терезіи Австрійской и короля Франца-Стефана, окруженный памятниками дѣтей ихъ; всѣ его четыре

стороны покрыты рельефными изображениями историческихъ моментовъ изъ жизни ихъ; а громадныя мраморныя фигуры родителей несчастной Маріи-Антуанетты лежать во весь ростъ на мавзолѣ. Онъ лучше видны сверху, изъ окошка въ коридорѣ надъ склепомъ, чѣмъ снизу... Только гробница старшей, несчастной дочери ихъ, этой жертвы безумія и жестокости французскихъ революціонеровъ, отсутствуетъ въ семействѣ склепъ. Всѣ остальные дѣти „великой импе-

Зданіе новаго французскаго рейхстага.

ратрицы“—сынъ ея, императоръ Йосифъ II, и дочь—сестра Маріи Антуанетты—Марія-Христина покоятся возлѣ великоглынаго саркофага своихъ родителей. За этимъ первымъ сводомъ также гораздо большій, но совершенно темный, такъ что капуцинъ нашъ зажегъ факель. Онъ такъ скоро побѣжалъ съ нимъ между частыми рядами гробницъ, что мы едва поспѣвали слѣдоватъ за колебавшимся свѣтомъ, нервно всыхивавшимъ на мраморѣ и бронзѣ царственныхъ

усыпальницъ... Только разъ онъ простоялъ надъ гробницей бѣднаго короля мексиканскаго Максимилиана, котораго разстрѣляли его возмущившіеся подданные, совсѣмъ не желавшіе подчиниться австрійскому принцу, насильно имъ навязанной европейской политикой. Это очень печальная исторія; миссъ Уиллсъ мнѣ ее потомъ прочла въ одной англійской брошюрѣ, гдѣ въ погибели Максимилиана и бѣднѣйкой его моло-денькой жены, которая сошла съ ума отъ горя, обви-няютъ происки Наполеона III. Кто бъ ни былъ виноватъ въ этой кровавой драмѣ, нельзя не пожалѣть ея жертвъ и не помолиться за нихъ искренно у этой гробницы. Она вся такъ была завалена свѣжими цвѣ-тами, что видно многіе любили и помнятъ бѣднаго принца.

За могилой Максимилиана тянулись ужъ такие мрачные коридоры, что мы туда не пошли, а пока остальные посѣтители бѣжали вслѣдъ за румянымъ, веселымъ монахомъ, который то и дѣло оскаливалъ свои бѣлые зубы, смѣясь и надъ тѣмъ, что я крести-лась и надъ тѣмъ, что его спрашивали отчего не освѣ-щаются этихъ мрачныхъ сводовъ, — мы съ миссъ Уиллсъ возвратились назадъ и рассматривали по-дробнѣй мраморный саркофагъ Маріи-Терезіи.

Въ другой разъ не буду смотрѣть такихъ печаль-ныхъ мѣстъ: какъ-то не по себѣ потомъ себя долго чувствуешь... То ли дѣло прогулка на Божемъ сол-нышкѣ. Я нѣсколько разъ ъѣздила въ Шенбрунъ, — паркъ, гдѣ любимый дворецъ Маріи-Терезіи и чудес-ный звѣринецъ. Онъ очень занять Вѣрочку... А то еще были мы съ ней въ аквариумѣ и въ нѣсколькихъ панорамахъ, діорамахъ и кабинетахъ восковыхъ фи-гуръ и все это ей такъ забавно и интересно, что я и сама, на нее глядя, забавляюсь. Право! мнѣ съ нею все гораздо занимателнѣе кажется.

Она, бѣдняжка, ничего не видала, представьте себѣ! Вѣдь ее никуда мать и сестры не брали; всегда она одна дома сидѣла, съ маменькиной каммерфрау.

Можно вообразить какъ это было ей пріятно и полезно!.. У нея и гувернантки никогда не бывало. Или ее оставляли изъ милости у какихъ-нибудь знакомыхъ, которые ею тяготились; или же, если некому было ее сдѣтъ, приходилось возить съ собою, такъ она сидѣла въ гостиницахъ, въ окошки глядя, для развлечения, какъ ея старшія сестрицы, разрядившись, шли прогулиться... Если бъ ты видѣла, Катечка, въ чёмъ бѣдняжка одѣта!.. Ей, видишь ли, „не успѣли“ ничего сдѣлать еще, — мнѣ поручили. Я, положимъ, очень рада; мнѣ это удовольствіе для нея по магазинамъ поѣздить и одѣть дѣвочку, но... Ну, все равно! Дала себѣ слово не говорить о нихъ, — и Богъ съ ними!

Теперь, когда всѣ они уѣхали, моя Джемима ужасно довольна, что опять мы повели аккуратную жизнь; встаемъ рано, цѣлый день гуляемъ, когда погода хороша, а пѣТЬ — занимаемся и рано спать ложимся. Прогулки наши всегда отъ двухъ, до шести вечера, то-есть дальня, — катанья на Пратеръ, онъ вѣдь переполненъ всевозможными увеселительными зреющими. А то по окрестностямъ, на пароходахъ по Дунаю катаемся. А утро у насъ всегда начинается съ первой, ближней прогулки. Сейчасъ посль чаю мы обыкновенно беремъ книги или работу и идемъ посидѣть въ Штадтъ-паркъ. По правдѣ, онъ немножко надоѣль, но что жъ дѣлать... Вотъ черезъ нѣсколько дней будемъ въ горахъ, въ Баваріи. Вотъ тамъ будуть настоящія прогулки!.. Съ нетерпѣніемъ жду отъѣзда. Говорятъ осень чудо какъ хороша тамъ бываетъ. Мы рѣшили, т.-е. докторъ рѣшилъ за насъ, что всего лучше намъ ѿхать въ маленькій горный городокъ Берхтесгаденъ, въ южной Баваріи. Такъ мы и сдѣлаемъ.

До свиданія, голубчики мои, Катя и Алеша. Цѣлую васъ крѣпко. Передайте мой привѣтъ вашему неудачному велосипедисту, м-р Bresting'у, — если онъ еще съ вами не разстался. Вотъ уморительное было твоё знакомство съ нимъ, Катюша!.. Интересно, познако-

мится ли Федя съ его братьями?.. Только вѣдь ужъ не долго ему остается прогостить у нашей англичанки.

Пиши же, Катечка, не лѣнись. Мнѣ письма твои и Марусины такая радость. Тетю и дядичку крѣпко, прекрѣпко цѣлую. И вѣдь имъ особо пишу каждыя двѣ недѣли непремѣнно, — въ промежуткахъ между письмами, которыя ты имъ пересылаешь. Мы съ Джемимой чередуемся каждую недѣлю, такъ что въ Берестинѣ раньше знаютъ, что мы живы и здоровы, чѣмъ вы о насъ узнаете на Волгѣ.

Ваша балованная, крѣпко вѣсь любящая

Анна.

XVI.

Отъ Анны Берестиной
Юлии Борисовны Зиртонъ
въ Лондонѣ.

Южная Баварія.

Берхтесгаденъ

2/14 сентября.

Голубчикъ мой милый!

Цаца моя, душечка, тетя Юличка!

Что ты за прелесть такая, и что за прелесть твоё чудесное письмо — я и сказать не умѣю!.. Правду miss Willis о тебѣ говорила, что ты настоящая darling, — самая darling раз — darling aunie, какая можетъ быть на свѣтѣ.

Вотъ въ награду тебѣ я прежде всѣхъ тебѣ пишу изъ нашего новаго мѣстопребыванія. Ну, ужъ и мѣстечко же! Цари по праздникамъ такія видывали!

Серьезно, теточка! Знаешь, я знала, разумѣется, что есть на свѣтѣ чудеснѣйшія мѣста, живописные горы, озёра, водопады, ледники, сверкающіе на бирюзовомъ небѣ; слышала разсказы и видѣла картинки Швейцаріи тамъ, Тироля, Италии, — но все это каза-

лось такъ далеко, недостижимо, точно сказка какай-то; точно волшебная краса, о которой можно только мечтать. Но вдругъ увидавъ себи среди всѣхъ этихъ сказочныхъ чудесъ, я точно будто куда-то залетѣла въ такое царство, о которомъ и представлениіе не имѣла!.. Глядишь, цѣлыми днями любуешься и все трудно глазамъ своимъ повѣрить, такъ это на дѣлѣ оказывается неизмѣримо прекраснѣй, чѣмъ можно было издали представить.

Да и въ самомъ дѣлѣ! Лучшая картина можетъ дать только понятіе о самомъ живописномъ мѣстѣ въ одномъ его видѣ,—схватить одинъ моментъ, а вѣдь главная-то прелестъ красоты природы,—теперь я въ этомъ больше чѣмъ когда-либо убѣдилась,—въ ея перемѣнчивой окраскѣ, въ эффектахъ освѣщенія, солнца и тѣней, въ прозрачности воздуха, во всѣхъ явленіяхъ расцвѣта неба и земли, въ различныя минуты дня, погоды, времени года. Не правда ли?..

Я и дома-то на своихъ однообразныхъ нивахъ, поляхъ и неказистыхъ холмикахъ находила много разнообразной красоты; потомъ цвѣтущія окрестности Вѣны меня очаровали; но такой Божіей красы, какъ здѣсь я не умѣла себѣ вообразить.

Уѣхъ по пути изъ Вѣны въ Зальцбургъ чудеснаго мѣста: горы, замки, монастыри и дворцы по берегамъ Дуная; а чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе мѣстность, разнообразные горы и лѣса, съ разсыпанными между ними бургами и деревушками, въ зелени долинъ. Мнѣ показывали много учебныхъ и благотворительныхъ загородныхъ заведеній. Хорошенький городокъ Мѣлькъ съ лучшей, говорятъ, гимназіей во всей Австріи, при монастырѣ Бенедиктинскомъ. Если она такъ же хороша качествами воспитательными, какъ живописна по наружности,—такъ можно позавидовать ея воспитанникамъ... Но я не думаю. Мнѣ кажется, что эти духовные школы пріучають къ лицемѣрію,— а что же можетъ быть хуже?

Мы выѣхали рано, въ восьмомъ часу; иъ полдень проѣхали большой городъ Линцъ, а къ четыремъ часамъ ужъ подъѣзжали къ Зальцбургу.

Представь себѣ, теточка, вдругъ среди кругомъ замкнутой горами, но очень широко раскинувшейся долины, совершенно плоской, перерѣзанной вдали золотившейся лентой быстрой рѣки, я вдругъ увидала на крутомъ поворотѣ поѣзда группу разнообразныхъ горъ, высокую, крутую скалу съ вѣнчавшей ее крѣпостью и чудно красивымъ стариннымъ городкомъ у ея подножья. Весь въ зелени, вѣнчанный древними стѣнами, башнями, куполами монастырей и соборовъ, онъ такъ внезапно, какъ великолѣпная декорація, появился предъ нашими глазами, что я ахнула отъ изумленія и бросилась изъ купе къ окну такъ, что перепугала моихъ старушекъ: онъ подумали, что я съ ума сошла!.. Да и было же, право, отъ чего! Я увѣрена, что въ свѣтѣ не можетъ быть пейзажа красивѣе, а главное, эффектнѣе Зальцбурга съ его цвѣтующими горами, высочайшей скалой Hohe-salburg и крѣпостью, опоясанной быстрымъ Зальцахомъ и городомъ, переполненнымъ оригиналѣйшими зданіями!

Мы прожили тамъ три дня и я надѣюсь, что какъ-нибудь опять туда сѣѣдимъ, въ этотъ игрушечный городъ гномовъ и великихъ музыкантовъ. Великихъ музыкантовъ потому, что весь Зальцбургъ переполненъ воспоминаніями объ уроженцахъ его — Моцартъ и Гайднѣ, ихъ славой, ихъ памятниками и статуями, домами, гдѣ они жили и музеями въ память ихъ, а гномовъ потому, что окрестности того же Зальцбурга — отчество этихъ миѳовъ, самое настоящее. Величественные утесы, пещеры и высочайшая скалы Унтерсберга, этой дикой громады мрамора, говорить, самаго лучшаго мрамора въ свѣтѣ, — разсадникъ и царство гномовъ, о которыхъ столько же разсказовъ въ народѣ, сколько разнообразныхъ изображеній въ продажѣ. Здѣшній народъ прекрасно рѣжетъ дерево:

всѣ лавки въ городкахъ переполнены деревянными
фигурками этихъ милѣйшихъ бородатыхъ старичковъ,
въ колпачкахъ, съ кирками и молотами въ рукахъ.
Я себѣ ихъ накупила цѣлую коллекцію. Няня увѣ-
риетъ, что я ими опять стала „въ куколки играть“;
а миссъ Уиллiss вздыхаетъ, расчитывая сколько эти
фигурки намъ на таможняхъ обойдутся!.. Но мы съ
Вѣрочкой не унываемъ и съ каждой прогулки приба-
вляемъ какого-нибудь улыбающагося намъ старичка,
къ нашей коллекціи.

Ахъ! Какъ мнѣ жаль, что никто изъ васъ не былъ
со мною въ Зальцбургъ и здѣсь. Ужъ какія прогулки
здѣсь всюду! Какихъ видовъ и диковинокъ римской
древности и старины временъ среднѣвѣковыхъ, когда
принцы-архиепископы владѣли этой стороной, не на-
смотрѣлись мы въ городѣ, всползая на электриче-
скихъ лифтахъ, въ паровыхъ и зубчатыхъ вагонахъ
на всякия горы, скалы и стѣны. Но все же я всѣ въ
мирѣ развалины и древности промѣняю охотно на ту
безыскусственную прелесть величественной природы,
которая здѣсь меня окружаетъ!

Я столько видѣла въ эти иѣсколько дней, что
всего не могу хорошо, то-есть подробно описать; по
упомяну хоть бѣгло, чтобы не забыть потомъ все раз-
сказать, какъ слѣдуетъ... Мнѣ, слава Богу, такъ стало
хорошо теперь, что я перестаю думать, какъ прежде,
что пожалуй не вернусь домой и не увижу васъ всѣхъ
вмѣстѣ. Теперь я сама вѣрю, что можетъ быть воз-
вращусь поздоровѣвъ, въ этомъ чудномъ, укрѣпляю-
щемъ воздухѣ...

Ну, — обѣ этомъ довольно! Будетъ — что Богъ
дастъ,—то, что нужно, что лучше. Такъ вотъ, гуляли
мы въ Зальцбургѣ три дня. Смотрѣли всякую ста-
рину: пещеры отшельниковъ, храмы, древнія арки
съ рѣзьбою, стѣны съ бойницами, тоннели, изъ кото-
рыхъ въ обѣ стороны виды, какія яркія картины;
всползали мы въ крѣпость Гогенъ-Зальбургъ, и на
Монхсбергъ, и на Капуцинербергъ,— на всевозможные

berg'и, откуда виды, — ну, да что ужъ говорить!.. Какъ ни расписывай — не дашь никакого понятія. Видали римскій ипподромъ съ ложами, выдолбленными въ живыхъ скалахъ, поросшихъ зеленью,— три яруса ложъ, на колонкахъ — не искусственныхъ, а тоже соорудѣes dans le vif. Были на электрическомъ трамваѣ въ королевскій садъ Гельброннъ. Садъ не важный, но тамъ замѣчательный театръ марionетокъ, которому *всего только триста летъ* отъ роду. И всѣ его 154 фигуры преисправно движутся, несмотря на такие почтенные годы!.. Няня разумѣется, какъ увидѣла, такъ и восклинула:

— Да ужъ что жъ! Извѣстно нѣмецъ обезьянну выдумалъ. У него, говорить, и на колокольняхъ, и въ храмахъ Божихъ куклы деревянныя представлія представляютъ, — такъ въ театрѣ-де и Богъ велѣлъ!

Не могу сказать, какая она смѣшина... Да и упрямая же! Такъ трудно ее уговорить куда-нибудьѣхать... Особенно въ церкви теперь ни за что входить больше не想要, съ тѣхъ поръ, какъ увидала въ нѣсколькихъ церквяхъ цѣллыя картины изъ деревянныхъ декораций и маленькихъ куколъ, изображающихъ разные эпизоды изъ священной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, какая это несимпатичная манера у католического духовенства разставлять этихъ марionетокъ, заслоня ими даже часто образа хорошихъ мастеровъ. Неужели это можетъ возбуждать въ народѣ благоговѣніе?.. Да еще въ сплошь грамотнѣй народѣ, который можетъ прочесть священное писаніе... Зачѣмъ это?.. Ну, право же это не хорошо и даже грѣшно. — „A sagacious mistake!“ *) — вздыхаетъ Джемима. И я тоже думаю, что это „печальная ошибка“. Мнѣ всегда, какъ-то обидно и тяжело смотрѣть на эти кукольныя сцены, гдѣ дѣйствующія лица — Богородица, Спаситель и святые.

*) „Печальное заблужденіе, ошибка“.

Чудные здания и фонтаны въ Зальцбургѣ. Древніе, разумѣется. Новыя постройки есть красивыя, театръ хорошенький; городской садъ Мирабель, переполненный цветами и статуями, прелестный. Но главное его краса и величие — въ его древнихъ памятникахъ и зданіяхъ. Въ музеймъ его есть преинтересныя вещи.

На четвертый день двинулись мы въ Баварію. Миѣ жаль было Зальцбурга, особенно его прогулокъ; но только до тѣхъ поръ, какъ увидала я, куда меня везутъ... А везли меня, тетя, въ настоящій земной рай!

Зная ужь живописность здѣшней мѣстности, я отказалась наотрѣзъ ехать желѣзной дорогой, на Рейхенгалль. Что за охота летѣть въ душномъ ящикѣ, ничего не видѣть изъ-за быстроты и отвратительныхъ тоннелей, когда въ Берхтесгаденѣ можно въ нѣсколько часовъ доехать въ открытомъ, удобномъ экипажѣ, за самую вздорную плату, по дорогѣ не инженерами, а туристами выбранной,—значить, разумѣется, самой интересной и красивой. И какъ я была права! Какъ торжествовала надъ вѣчной боязнью дождя, вѣтра, моей простуды, моихъ обѣихъ ворчуній!.. Какую мы сдѣлали чудную прогулку. Представь себѣ, теточка, мы катили по отличному шоссе, среди самой красивой мѣстности, въ яркій, теплый, какъ лѣтомъ день, все время въ виду громадной массы Унтерберга, кое-гдѣ затуманенного облаками, припорошенного по верхамъ снѣгомъ. Вплоть до вѣза въ ущелье, до самой деревушки Шелленберга, съ ея живописной церковью и фонтаномъ, нашъ кучерь словоохотливо рассказывалъ намъ подробности обѣ этой громадѣ мраморныхъ утесовъ и разныхъ повѣрій о „царящихъ“ тамъ гномахъ; но какъ пошло ущелье Almbachklamm,—такъ я перестала его слушать, едва усиливая смотрѣть и любоваться. Но я все же передамъ сущность его разсказовъ.

Унтербергъ страшно богатъ разныхъ породъ мраморами. Вѣнскій новый музей Изящныхъ искусствъ на Рингѣ, да и множество другихъ роскошныхъ зданій въ Австріи, — все изъ унтербергскаго мрамора. Онь

полонъ натуральныхъ случайностей: выступовъ, колоннадъ, проходовъ, сквозныхъ пещеръ. Въ темныхъ глубинахъ его разсыпинъ, съ глухимъ ревомъ бѣгутъ ручьи и потоки, шумно падая въ мрачные разсыпины и исчезая въ нейдомыхъ глубинахъ. Мы видѣли снизу на самой вершинѣ, такую сквозную пещеру, или сводъ, который, словно кольцо, ярко вырѣзывается на голубомъ небѣ. Это мѣсто называется Драхенлохъ и, разумѣется, есть и легенда про дракона, тамъ пролетавшаго. Но самыя занимательныя легенды все про гномиковъ, подземныхъ работниковъ. Нашъ возница увѣрилъ Богъ знать какъ, что и дѣдушка его и бабушка, и папенька съ маменькой всѣ были знакомы и съ гномами и съ гномшами, ихъ женами, которыхъ они называютъ „дикими женщинами“, — *Wildfrauen*. Для здѣшняго народа гномы совсѣмъ не вымысель, никакъ не сказочныя, а настоящія, дѣятельныя существа; вся разница между ними и людьми въ томъ только, что иѣть въ нихъ духовной природы, а потому они невмѣниаемы... Гномы очень разумны, очень хитры; все понимаютъ и всему могутъ выучиться; но искры Божеской, дающей бессмертіе, имъ не дано. Они живутъ цѣлыми столѣтіями, но, наконецъ, безслѣдно испаряются... Къ людямъ они не чувствуютъ вражды, напротивъ, признаютъ превосходство человѣческой натуры и готовы на всѣ услуги людямъ; только мстительны и не прощають обидъ. Зато очень привязчивы къ тѣмъ, кто къ нимъ добръ и очень любить дѣтей.

Кучерь нашъ утверждалъ, что бывали примѣры вскормленія и возвращенія гномами людскихъ дѣтей, а также и цѣлые романы между смертными и ихъ красивыми женщиными. А ужъ работы у нихъ сколько! Страхъ. По адѣшнимъ вѣрованіямъ гномы не только присматриваютъ за металлами и камнями, но и за всѣй растительностью земной: они, чрезъ корни, окрашиваютъ цвѣты и зелень, подслащаютъ фрукты, ягоды и овощи, распредѣляютъ росу, прорываютъ

ложа источникамъ и направляютъ подземныя воды. А также отъ гномовъ зависить направлять подземныя движения, землетрясенія и взрывы. Они часто спасаютъ отъ нихъ населенныя мѣстности, а если разсердятся, такъ губить людей и города.

Слушая эти рассказы, мы проѣхали за Шеленбергъ, тутъ настъ остановила таможня на Баварской границѣ, но не особенно строгая... Только за чай нашъ пришлось приплатиться,—это ужъ вездѣ! На всѣхъ таможняхъ мы съ няней за нашу всероссійскую любовь къ чайку платимся, что дѣлать!

Альмбахкламъ—ущелье, очень извѣстное своимъ величественнымъ водопадомъ; только до него надо итти далеко въ гору и потомъ въ другое ущелье и тамъ съ высоты 60 футовъ Альмбахъ срывается въ узкую расщелину... Хотѣлось бы посмотретьть, но, кажется, не увижу: не пустить меня Уилличка ни за что въ сырость; а тамъ, говорить, вѣчная мокрота отъ брызгъ и водяной пыли.

Но что за необычайная краса это ущелье, что ведеть въ Берхтесгаденъ! Эти двойные липовые аллеи, которые тянутся вверхъ, какъ зеленые шнурки, тамъ, гдѣ прекращается лѣсъ, среди цвѣтушихъ горъ, вдоль быстрой рѣчки Альмбаха сначала, а выше вдоль Ахена, кипучаго ручья, врывающагося въ ея известковыя бѣлыя воды, словно струя прозрачнаго горнаго хрусталия.

Переѣхали живописный мостъ на поворотѣ и вдругъ вправо открылась гористая котловина, по высотамъ которой разбросанъ городокъ. Бѣлый замокъ съ башнями, церковные шпицы, живописные домики, прелестныя виллы, густо покрытыя ползучими пестрыми цвѣтами, выглядываютъ по горамъ будто цвѣтущія гибралѣшки. И все это вздымается амфитеатромъ, по которому бѣгутъ густыя аллеи, а оттуда къ намъ сбѣгаютъ каскадами потокъ. Все выше и выше вздымаются мѣстность къ подножью подоблачныхъ утесовъ, надъ которыми, въ чистомъ небѣ

цвета бирюзы, царить двуглавый ледникъ — бѣлоногій Ватцманъ, со своими болѣе отдаленными альпійскими сотоварищами, другими сиѣговыми вершинами.

Мы ѿдемъ рысцей, несмотря на подъемъ, по одной изъ густыхъ аллей,—Ахень убѣгаешь все ниже и ниже, а мы все выше подымаемся къ Берхтесгадену; въъзжаемъ въ оригиналный, бѣленыкій, какъ вѣтъ здѣсь горные бурги, слѣпленный изъ величавой старины и красивеныхъ новыхъ построекъ, приспособленныхъ къ лѣтнему сезону туристовъ, городокъ. Вотъ мы заколесили съ горки на горку, по главной его улицѣ, перерѣзанной садами, тяжелыми сводами, воротами съ изображеніями святыхъ, неожиданными выступами стѣнъ, балконовъ, всяческими живописными неправильностями, которая, въ общемъ, красить его чрезвычайно, и останавливаемся передъ игрушечкой-отелемъ.

Это—отель „Von Alpen-Rosen“, гдѣ намъ приготовлены наверху комнатки чистенькия, свѣтленькия, какъ игрушки, съ балкономъ и видомъ изъ оконъ,—ахъ! такимъ видомъ на море зелени, на заоблачныя вершины, что и говорить не хочу!.. Какой здѣсь воздухъ! Какія прогулки!.. И сколько я хожу и єзжу,—всѣ бы удивились въ Берестиномъ. Я такая была тамъ несчастная, безсильная въ послѣднее время. А теперь я думаю моему осленку, котораго сейчасъ же пріискала мнѣ Уилличка, соображаясь съ инструкціями докторовъ, дѣлать нечего будетъ!

Расскажу вамъ, голубчики мои, напослѣдокъ, нашу первую далекую прогулку—на озеро Кенигъ-Зее. Върочка его прозвала Царь-Озеро.

Во-первыхъ, надо сказать (чтобы наша парижанка Маруся очень не важничала своими заантлантическими знакомствами!), что мы здѣсь познакомились съ премилыми американочками-сестрами, miss Lotta and Mery Walford и ихъ дядюшкой, мистеромъ Blaskeit, разумѣется, миллионеромъ, но, кромѣ того, ми-

лыйшимъ, веселымъ человѣкомъ. Онъ, бездѣтный вдовецъ, обожаетъ своихъ племянницъ и мать ихъ, его сестру. Для нея они и живутъ здѣсь но она, бѣдняжка, такая больная, что рѣдко показывается, а въ прогулкахъ совсѣмъ не можетъ участвовать. Они живутъ въ нашемъ отелѣ, и вотъ мы съ первыхъ дней познакомились за *table d'hote*'омъ. Мену еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, ей девятый годъ; по Шарлота старше меня и — Господи! что это за здоровая, ловкая, неутомимая дѣвушка!.. Мы все любуемся ею.

На другой же день нашего прѣѣзда миссъ Вальфордъ прибѣжали настѣ звать въ солянныя копи, здѣсь же, въ Берхтесгаденѣ. Ихъ собралось осматривать большое общество перехожихъ туристовъ, какіе здѣсь оть ранней весны до зимы, да говорить даже и по зимамъ не переводятся, и вотъ онъ тоже въ десятый разъ собрались туда. Мы пошли съ тѣмъ, чтобъ только пройтись по верхнимъ галлерейямъ, гдѣ совершенно сухо, а въ глубины подземныя не хотѣли спускаться. Тогда и сестры Вальфордъ объявили дядюшкѣ, что внутрь не сойдутъ, „чтобы не переодѣваться”, а только взглянуть вмѣстѣ съ нами на другихъ и пойдуть съ нами гулять. Рѣшено было направиться въ ущелье Кенигъ-Зее; дойдемъ — хорошо! Нѣть — вернемся, прогулявшись, сколько придется. Съ нами, конечно, снарядили и ослика, нагрузивъ его пледами, дождевыми зонтиками, тартинками, и фруктами; мы снаряжались на цѣлый день, съ семи часовъ утра и, дѣйствительно, вернулись только къ вечеру.

До входа въ солянныя копи настѣ шло большое общество, гдѣ было нѣсколько туристовъ, переодѣтыхъ мѣстными горянами, но только нѣсколько театральный и въ такіе дорогіе и свѣженѣкіе костюмы, что, разумѣется, никто бы ихъ не принялъ за альпійскихъ охотниковъ и горцевъ, какъ они того желали.

А костюмы здѣсь очень живописные. Миръ уже удалось видѣть нѣсколько крестьянокъ въ коротень-

кихъ юбочкахъ, шнурованныхъ корсажахъ съ цветкою вставкой, въ пестрыхъ чулкахъ и низенькихъ шляпкахъ съ небольшими полями непремѣнно на цветной подбивкѣ, а сверху украшенныхъ золотымъ шнуркомъ съ кистью. Точь въ точь, какъ въ нашей книжѣ, въ Берестиномъ,—помнишь? *Voyage pittoresque au Tyrol et dans les Alpes de la Carinthie.* Вѣль этотъ кусочекъ Баваріи какъ разъ врѣзался между Тиролемъ и Каринтией,—прежними славянскими землями. Славянъ и, въ особенности, славянокъ, изъ Горицы и Италии, здѣсь множество; онъ сюда прѣезжаютъ торговатъ фруктами. Я такъ удивилась, когда разъ, покупая груши и апельсины, услышала, какъ одна продавщица сказала другой, воображая, что никто не пойметъ ее:

— Отдай, Катюшка, за двадцать крайцеровъ госпожѣ грушки. Грушки твои не добри, гнили!

Я удивилась, а онъ еще больше! И переконфузились и обрадовались, какъ стала я ихъ стыдить и распрашиватъ, кто онъ такія? Откуда взялись?.. Оказалось „славянки изъ Горицы“, на границѣ Австріи съ Италией. То-то няня обрадовалась!.. Теперь онъ—друзья. Няня, несмотря на свою расчетливость, не торгуясь у нихъ покупаетъ фрукты и все жалѣеть ихъ, какъ же! „Православные“, *руsskie* люди и вдругъ обиѣмчились! „Обасурманились“ до того, что вѣру свою забыли и только что „одинъ языкъ, кое-какъ, остался“... Съ этого ее не собѣешь, что онъ русскія.

Вчера я ее застала въ горячихъ филологическихъ разсужденіяхъ съ ними. Бойкая дѣвочка, Маринка, Катюшкина сестра, доказывала Авдотѣю Фоминичѣ, что „не добрѣ“ называть пальцы, какъ мы ихъ называемъ: большой, указательный, средній, безымянныи и мизинецъ; а надо ихъ „тако кликати: палецъ, казацъ, среднечецъ, перстинецъ и мизинецъ“. Я пришла ея сторону. И мнѣ кажется, что такъ называть ихъ гораздо лучше.

Смѣшино, не правдали ли?.. Вдругъ прѣхали въ Баварію не за пивомъ съ колбасами, а за тѣмъ, чтобы русскому языку учиться!

Но только я, со своими славянками, совсѣмъ въ сторону отъ прогулки нашей удалилась. Такъ вотъ пошли мы съ туристами, кажется, это были богатые вѣнскіе евреи, ихъ здѣсь множество. Мужчины почти всѣ нарядились альпійскими охотниками: въ зеленыхъ штиблетахъ до колѣнь, колѣна обязательно голые; въ сѣрыя куртки съ зелеными же отворотами, въ кованые голстые башмаки и войлочные мягкие шляпы съ торчащимъ орлинымъ перомъ или съ эгretкой шамуа,— мягкой щетинкой, которая выростаетъ только у старыхъ здѣшнихъ альпійскихъ дикихъ козловъ. Послѣдніе атрибуты шляпъ означаютъ, что ихъ владѣльцы собственно ручно убили на охотѣ шамуа—здѣсь ихъ зовутъ гемзами—или альпійского орла; но если бъ всѣ, кто ихъ здѣсь носить,—мальчишки и даже дѣти—съ малыхъ лѣтъ истребляли этихъ животныхъ, то ихъ давно бы не существовало, несмотря на уходъ за ними и строгій надзоръ за охотой. У всѣхъ туристовъ и туристокъ, кромѣ того, были палки съ острыми наконечниками и рогульками вместо набалдашника.

Пресмѣшишь народъ!.. Будто они на неприступные ледники собирались карабкаться. Да тутъ даже и на высочайшія вершины общество Альпійского клуба, говорить, такъ чудесно содергитъ пути, что никакихъ вспомогательныхъ орудій для восхожденій не надо.

Но вотъ было смѣшино смотрѣть на нихъ всѣхъ, когда они вышли изъ цейхгауза, гдѣ всѣ переодѣлись въ блузы и панталоны, точь въ точь такие, какъ наши гимназисты носятъ лѣтомъ. Только холстъ на нихъ коробился, и блестѣлъ, весь пропитанный солью... Какъ должно быть противно надѣвать эти „непромокаемые“ костюмы, послѣ сотенъ людей, ихъ надѣвавшихъ. Я бъ ни за что не могла!..

Мы съ Джемимой и Вѣрочкой закутались въ плѣды и вошли въ подземную дверь. Сейчасъ же насть охва-

тили прохлада и сумракъ. Мраморный туннель весь исполосованный соляными жилами и опорошеннный блестками, блиставшими, какъ алмазы, привелъ насть къ первому спуску въ шахты, откуда съ подземныхъ озеръ на насть пахнуло такимъ сырьимъ холодомъ, что моя строгая дуэнья тотчасъ „завопила и уперлась“, выражаясь слогомъ Феодора Сергеича. Насилу, на силу умолили мы ее дойти до первой соляной залы въ нѣдрахъ Дюрнберга. Тамъ мы видѣли, какъ проводники зажгли еще больше огней; каждому туристу дали въ правую руку зажженную свѣчу, а на лѣвую надѣли толстую кожаную рукавицу, чтобы держаться за веревку, когда, сидя верхомъ на спускныхъ бревнахъ, они будуть лѣтѣть стремглавъ внизъ, по рельсамъ къ великолѣпному соляному озеру, освѣщенному электричествомъ и разноцвѣтными бенгалльскими огнями. Говорятъ это волшебная прогулка, по этому озеру въ лодкахъ. Но, прислушиваясь къ реву и рокоту безчисленныхъ подземныхъ водопадовъ, которые низвергаются тамъ, въ вѣчномъ мракѣ въ бездонный соляные пропасти; глядя, какъ усаживали любопытныхъ на неуклюжія салазки, очень вѣрио названныя нѣмцами *Wurstwagen*, — „вагонъ-колбаса“; слыша, какъ, проводники имъ внушительно совѣтовали крѣпко прижимать ноги къ бревну, не шевелить ни руками ни головою, изъ страха разбиться на лету въ этихъ узкихъ туннеляхъ; увидавъ потомъ, когда они исчезли, скользя въ какую-то бездну, какъ всѣ ихъ свѣчи сразу потухли, — признаюсь, я не завидовала имъ!.. Богъ съ ней, съ такой подземной прогулкой, хоть бы тамъ сотни озеръ блистали разноцвѣтными огнями. Нѣть! По землѣ освѣщенной солнцемъ и изукрашенной свѣтлыми озерами—куда веселѣе гулять!..

Лота смѣялась надъ моей трусостью. Вѣрочка чуть не плакала, что ее не пустили „прогуляться въ нѣдра Дюрнберга“, слушая разсказы о подземныхъ чудесахъ его соляныхъ копей; но мы съ миссъ Уиллсъ рады были выйти изъ этой сырости и темноты. Какъ чу-

десно было въ лѣсу!.. Какая живописная дорога, то извивавшаяся по течению прозрачнаго Ахена, то удивлявшая насъ въ чащи рощъ или сбѣгавшую въ красивыя долины, покрытыя, несмотря на конецъ лѣта, чудными травами и цветами, открывала намъ на ходу все новыя и новыя картины. Только одинъ красавецъ - великанъ Ватцманъ, не скрывался за ближними горами, а все царилъ на яркомъ небѣ, неизмѣнныи въ своемъ сиявшемъ величинѣ. Между теминымъ боромъ и группами лиственныхъ деревьевъ, по высотамъ разбросаны шале и картины, съ балконами, съ цветными окошками, виллы и всѣ онъ - бѣдныя крестьянскія избушки и затѣйливыя дачи, - всѣ увиты по самыя крыши ползучими розами и пестрой, вьющейся зеленью.

Воть вышли въ долину, болѣе похожую на цветникъ. Черезъ нее сбѣгаешь съ веселымъ плескомъ холодный, кипучий, прозрачный горный потокъ; его на вѣрное погтаютъ дѣственныя сиѣга ледники Ватцмана. Среди долины громадный камень шарообразнаго вида, цѣлай скала въ видѣ караваля, какимъ-то чудомъ выброшенная на лугъ, поросшій астрами и колокольчиками; онъ и самъ весь заростъ кустарникомъ и даже молоденькая елочка выросла на немъ, съ одного края. Мѣстечко всѣмъ намъ ужасно понрави-
лось и мы тутъ сдѣлали привалъ... Кстати пришли-
и сандвичи и апельсины.

Отдохнули, зачерпнули водицы изъ потока и продолжали прогулку.

Я думала до озера еще далеко, когда изъ-за разступившихся склоновъ ближайшихъ горъ мы увидѣли домикъ съ выѣской, гласившей, что здѣсь продаются рѣзныя изъ дерева вещи, - всякие сувениры съ надписями: „Gruss von Koenigssee“, „Gruss von der Berggen“ и тому подобныя привѣтствія. Это здѣсь въ модѣ.

— Ну, вотъ и пришли! Воть вамъ и Королевское озеро! - объявила Мери, обернувшись на бѣгу. Онъ съ Вѣрой все время бѣжали впереди.

Гдѣ?.. Гдѣ же?.. Я недоумѣвала. Я видѣла домикъ; далѣе увидала и другіе побольше, съ верандами, съ вереницами всякихъ экипажей, выстроенныхъ рядами; видѣла и фалангу лакеевъ, вертѣвшихся вокругъ огромнаго шарабана, откуда вылѣзали пестрое общество; видѣла столы, накрытые на всѣхъ балконахъ ресторановъ, вытянувшихся полукругомъ напротивъ открытыхъ лавченокъ, тоже выстроенныхъ шеренгой и переполненныхъ тѣми же Gruss'ами въ видѣ альбомовъ фотографій, деревянныхъ гномовъ и козъ. Я все видѣла, кромѣ того, чего съ нетерпѣніемъ ожидала: великолѣпнаго озера, „Царя-озера“ восточныхъ Альпъ, о которомъ намъ прокужжали всѣ уши... Гдѣ есть, наконецъ, Кенигъ-Зее?

— Ну, какъ же вы не видите?.. Вотъ же, за лавками озеро, лодки... Смотрите, вонъ отталкивается отъ берега лодка... Видите, какой береть у лодочника?— указывали мнѣ миссъ Вальфордъ.

Тутъ, только по лодочникамъ и лодкамъ я различила, что темно-зеленое пространство, которое я издали приняла за лугъ—не трава, а вода. Это былъ кончикъ Кенигъ-Зее, этой водной змѣи, извивающейся между дикими, неприступными, высочайшими скалами.

Первый взглядъ на этотъ край озера разочаровываетъ. Надо посмотретьъ на него сверху, взобравшись на лѣсистую гору или объѣхать его въ лодкѣ, чтобы понять, до чего великолѣпна эта разсѣлина между горъ и громадныхъ утесовъ, вѣчно наполняемая отовсюду въ нее испадающими водопадами ледниковъ.

Я упросила миссъ Уиллiss не бояться за меня прогулки по озеру. День бытъ такой жаркий и яркій; самый вѣтерокъ, дувшій съ озера бытъ пропитанъ теплымъ ароматомъ разогрѣтой хвои. На берегу, гдѣ между лодками всѣхъ величинъ, плавали ручные лебеди и кормились миріады такихъ же ручныхъ рыбокъ, которымъ нарядные дѣти бросали хлѣбъ и бисквиты, насть окружили нарядные, словно костюмирован-

ванные, лодочники. Мы взяли большую лодку и поплыли вдоль правыхъ береговъ скалистыхъ, отвесныхъ, какъ стѣны; а вода въ озерь до того прозрачная, что трудно было отличить, гдѣ она начинается, такъ глубоко уходили въ нее угрюмые, сѣрые утесы, или ихъ отраженія... Зато противуположные берега, всѣ заросшія лѣсомъ горы изгибались угломъ своими отраженіями; цѣлкомъ запрокинутыми въ воду... Что это было за очарованіе!.. Какія краски, какая прозрачность воды и воздуха, какая тишина на небѣ, водѣ и землѣ...

Вотъ проскользнули мимо часовенки въ ложбинкѣ высоко, высоко. Мистеръ Блаккетъ, который знаетъ всѣ окрестныя закоулки, сказалъ, что часовня эта называется Кирхенталь; что туда взираются безногіе и калѣки и потому вся она окружена костылями и палками, такъ какъ оттуда больные въ нихъ болѣе не нуждаются, возвращаясь исцѣленными... Дай Богъ, чтобы это была правда!..

— А вотъ тамъ, видите, на скалѣ, вызолоченный крестъ?.. Это была ужасная драма! Кенигъ-Зее бываетъ очень сердитъ въ грозу и бурю... Крестъ этотъ поставленъ въ память погибшихъ въ волнахъ его, подъ этой скалой, трехсотъ богомольцевъ. Всѣ они пошли ко дну... Видно грѣхи ихъ превышали ихъ благочестіе!—заключить онъ, широко улыбаясь.

— Не разсказывайте такихъ ужасовъ, дядя!—прервала его Лотта. The little ones (*маленькия*) будутъ бояться!

— Нисколько не больше, чѣмъ должны бояться the grown up's (*выросшіе*)!—возразила ей сестра, обидясь за себя и за Вѣрочку, и всѣ мы засмѣялись ея замѣчанію: удивительно, какъ взрослые любить пугать гиѣвомъ Божімъ дѣтей! Будто для нихъ онъ менѣе страшенъ!

Лодочники гребли дружно. Тишина здѣсь была такая, что когда мы переставали говорить, то ясно слышешь быть шумъ водопада, который, говорить,

отсюда не ближе пяти миль и всякий звукъ,—пѣсня или смѣхъ на одной изъ далеко скользившихъ лодокъ или на берегу, въ лѣсахъ по ту сторону, раздавались громко и повторялись замирая, подхваченные эхомъ въ скалахъ и глубокихъ ущельяхъ. Была чудесная минута. Выѣхавъ на середину озера, лодочники подняли весла и замерли, переставъ гребти.... Лодка наша проскользнула еще по инерции нѣсколько секундъ и тоже стала, какъ очарованная общей тишию, общей неподвижностью. Ни складочки не было на окружавшемъ насть, на нѣсколько верстъ во все стороны, блестящемъ зеркалѣ; темно-зеленая гладь его нарушалась мимолетными отраженіями облака или итицъ, парившихъ въ глубокой синевѣ неба. Далеко, далеко у праваго берега бѣлѣлись колокольня и маленькая церковь Сантъ-Бартоломе на сѣромъ фонѣ скаль, а подъ ними неподвижно лежали ихъ бѣлыя, одинокія отраженія.... Это были единственные признаки жилья на этихъ дикихъ берегахъ, сдавившихъ озеро отвѣсными утесами и разноцвѣтными, въ эту осеннюю пору, горами: зеленые вблизи, выше окрашенные золотомъ и багрянцемъ, посыпанные мѣстами красными гроздьями рябины и волчихъ ягодъ, они уходили въ высь къ скаламъ и ледникамъ, подернутыя темной синевою; тамъ на нихъ уже покоились облака, а изъ-за нихъ сверкали льды и вѣчные снѣга.

Торжественное безмолвіе вдругъ было прервано какимъ-то страннымъ, скрипучимъ звукомъ, будто тяжелаго паденія чего-нибудь съ большой высоты.... Нѣсколько отрывистыхъ ударовъ, подхваченныхъ эхомъ, продолжительная осыпь и все замерло. И опять лишь шумъ далекаго водопада, да вдали гдѣ-то закрикали дикия утки, вспугнутыя неожиданнымъ шумомъ.

— Что это? Обвалъ? спросили мы гребцовъ.
Они покачали, головами улыбаясь.

— Das ist der Holzsturz—объяснили они. Это за замкомъ герцога Мейнингенского спускаютъ бревна, прямо съ обрыва, въ озеро. Другой разъ такой шумъ и трескъ,—точно канонада.

Мистеръ Блаккетъ разсказываетъ, что дальше, за виллой старого герцога Саксенъ - Мейнингенского (мы видѣли его въ коляскѣ, такой славный, красивый старикъ!)-другое, маленькое озеро, Оберъ-зее, еще гораздо болѣе дикое, и что тамъ паденіе какого-нибудь камня производить канонаду, которая не умолкаетъ нѣсколько минутъ, безъ конца повторяемая скалами. Тамъ, говорить онъ, водопадъ меньше самого большого, который падаетъ въ Кенигъ-Зее,—Кенигебахъ, здѣшний, спадаетъ съ высоты 800 метровъ, а въ томъ, въ Рѣтбахъ вышины всего метровъ 500, но шумъ отъ его паденія „отъ эхо и эхо на эхо“, разсказываетъ нашъ американецъ, до того оглушителенъ, что вблизи невозможно долго быть,—оглохнешь!.. Впрочемъ, и тутъ великолѣпное эхо: наши людоедчики стрѣляли, чтобы намъ его показать, такъ одинъ выстрѣль изъ ружья поднялъ такую трескотню въ горахъ, будто грянула и раскатывался громъ... Грозы здѣсь должны быть величественны! Посмотрѣла бы я... Я вѣдь ужасно люблю грозу; но когда мы съ Лоттой заговорили только, какое великолѣпие это должно быть—miss Willis пришла въ такой ужасъ, что въ испугѣ начала оглядывать небо, иѣть ли гдѣ подозрительной тучки.

А еще м-ръ Блаккетъ очень интересно разсказывалъ, какъ разъ онъ видѣлъ зимою кормлениѳ дикихъ козъ. Здѣсь такъ берегутъ ихъ, что по зимамъ, когда имъ трудно, особенно, маленькимъ шамуа, выкапывать мохъ изъ-подъ снѣговъ, во многихъ мѣстахъ горъ имъ заготовляютъ сѣно. И они уже это знаютъ,—цѣлыми стадами спускаются и, осторожно осматриваясь, подходятъ къ кормежкѣ. Бдятъ только самки и молодая гемзе,—увѣряютъ всѣ; большие шамуа, отцы семейства, всегда при этомъ неподвижно

останавливаются на какомъ-нибудь утесѣ и съ высоты его, закинувъ вѣтвистые рога на шею, внимательно прислушиваются, втягиваютъ подозрительно воздухъ, приюхиваясь и присматриваясь, нѣтъ ли гдѣ засады?.. И чуть померещится имъ человѣкъ—бѣда! Сейчасъ встрепенутся, замычать и все стало срывается и бѣжитъ по призыву своего властелина. Какъ бы я хотѣла это видѣть! Если мы здѣсь останемся зиму,—непремѣнно приѣду!.. Мы уже съ Вѣрочкой строимъ планы... Чудо какъ это интересно!

На нѣкоторыхъ лодкахъ, говорятъ, бываютъ телескопы и тогда въ нихъ смотрятъ по вершинамъ горъ и почти всегда находятъ насущихъ или стоящихъ на какомъ-нибудь пикѣ шамуа. Они очень любятъ громоздиться на острые утесы и стоять, обозрѣвая окрестности. Это не вымыселъ, что ихъ такъ изображаютъ на престъ-панье и картинкахъ. Хорошеньки эти гемзы! Граціозное животное. Такие у нихъ умные черные глазки, такое живое выраженіе мордочекъ. У насъ въ отель одна совсѣмъ ручная; только позовешь: Gemse! Gemse!—сейчасъ бѣжитъ и беретъ изъ рукъ хлѣбъ.

Теперь мнѣ надо кончить свое письмо: звонять къ обѣду.

Мнѣ очень жаль, что я ничего не знаю изъ исторіи этого края; пока никакихъ данныхъ не могу сообщить о ней, но я увѣрена, что она очень интересна. Чтобы самой съ нею познакомиться и въ нашей перепискѣ не дѣлать пробѣла, мы запаслись въ Залѣбургѣ книгами и на той недѣльѣ я надѣюсь уже смоѣ написать письмо посерьезнѣе, а то мнѣ со своими описаніями одной природы да прогулокъ стыдно передъ своими тремя умницами, когда я читаю Катины, Марусины и твои письма, милая тетя Юля. A friendly kiss on the beautiful, lofty forehead of a certain gentleman, who is to young to be treated as a

respected uncle ought to... *). Пусть Вальтеръ изъ этого видить, что наши вѣчные споры о его правахъ на повиновеніе непокорной племянницы ѿ не забыты, что она продолжаетъ фрондировать. Тебя съ Оедей крѣпко обнимаю,—Вѣрочка хочетъ писать ему.

Ваша Аня.

XVI.

Отъ Вѣрочки Стрѣльневой
Ѳедѣ Берестину.

Дорогой Оедя!

Здравствуйте милый, добрый товарищъ!.. Наконецъ-то я узнала вашъ адресъ, Оедя, и могу напомнить о себѣ компаньону своему по воображаемымъ путешествіямъ. Всего два года вѣдь мы не видались, а мнѣ наши воскресныя чтенія и разговоры кажутся такъ далеки! Мнѣ теперь *я тою времени*, представляюсь такой глупой маленькой лѣвочкой, будто много лѣтъ прошло съ нашихъ веселыхъ праздниковъ у Карабаевыхъ, Страбановыхъ. Впрочемъ, они, быть-можетъ, только мнѣ казались веселыми; вы, я помню, всегда скучали по своимъ... Помните, какъ я удивилась этому? Вы говорили, что я этого не понимаю потому что почти не знаю своей семьи, все дѣтство проживъ у чужихъ... Ну, вотъ я два года провела съ мамой и гостями,—отца и брата Сеню я не считаю,—они мало съ нами оставались, всегда сами по себѣ; но съ мамой я была почти все время, — опять-таки исключая многіе дни, когда она уѣзжала въ разныя мѣста съ старшими сестрами; а все-таки не пришли ко мнѣ тѣ хорошия, горячія чувства къ роднымъ, которыми я дивилась и даже завидовала вамъ, — по-

* Дружескій поцѣлуй прекрасному, высокому лбуѣкоего джентльмена, который слишкомъ молодъ, чтобы къ нему относиться, какъ сідѣвало бы къ уважаемому дядюшкѣ.

мните? Вѣрио я не такая, какъ вы, или мои родные другіе, не такие, какъ ваши. Я думаю и то и другое!.. Только намъ какъ-то лучшее врозь, чѣмъ вмѣсть. Я, правда, въ разлукѣ о нихъ не скучаю, но мнѣ ихъ какъ-то жаль,—ихъ самихъ; не для меня, понимаете, а для нихъ, потому что я издали лучше вижу, что имъ тоже не хорошо. Онѣ, какъ будто все веселятся, но имъ тоже, особенно, сестрамъ, скучно и не весело жить на свѣтѣ и мнѣ ихъ жаль! А когда мы вмѣстѣ—я не люблю ихъ, потому что онѣ все ссорятся, сердятся, и меня и всѣхъ бранятъ, и ничѣмъ никогда не довольны... Богъ ихъ знаетъ! Ужъ такъ онѣ несчастно созданы!.. Ну, онѣ сердятся, и я сержуся!

Вы, Федичка, не думайте, что я жалуюсь или ихъ обвиняю, право, нѣть. Только я хочу, разъ навсегда, вамъ это сказать, всю правду, чтобы вы знали, что я не виновата... То-есть, по крайней мѣрѣ, что *не я одна* виновата. А то я и сама огорчалась мыслью, что я—безсердечная, безчувственная эгоистка, не очень люблю самыхъ близкихъ мнѣ даже людей, а только ихъ жалѣю. Мнѣ это было очень обидно и больно! Но послѣ я немножко успокоилась: если бъ ужъ я была такой гадкой, такъ я бы никого не могла любить,—правда?.. А я многихъ... то-есть не очень многихъ, правда, потому что, вѣдь, я мало людей знаю, но изъ тѣхъ, кого знаю, я нѣсколькихъ очень, ужасно люблю!.. Вотъ васъ я крѣпко люблю, Федя,—ахъ! Я такъ рада, что могу вамъ писать, все знать о васъ и можетъ быть скоро увидѣть!.. Ну, такъ вотъ — васъ я очень люблю; всѣхъ Антоновъ люблю, хоть они мнѣ совсѣмъ чужие. Люблю очень Каракеевыхъ, особенно старушку, бабушку. Еще люблю Машу и Лидочку Страбановыхъ,—и всю ихъ семью, даже дядюшку - морака, старого ворчуна. Они всѣ добрые, хороши; вотъ и здѣшнихъ славныхъ вашихъ старушекъ, няню и гувернантку Ани, очень люблю. Но вотъ ужъ кого люблю такъ, какъ никогда, никого въ жизни не любила и любить-

не буду, это—самое Аню. Охъ, Боже мой! О разлукъ съ нею—я безъ страха и думать не могу!

Не потому, что мнъ съ ней хорошо, что она комъ такая добрая, заботливая—о нѣть, Федя! не думайте этого. Вотъ и въ пансионѣ у мистриссъ Аштонъ, въ Москвѣ, мнъ тоже было очень хорошо; всѣ они были ко мнѣ добры, я ихъ очень люблю и очень имъ благодарна,—но развѣ это *то?* Никогда!.. Я еще совсѣмъ почти ее не знала, подозрѣвать не могла, какова она ко мнѣ будетъ,—а глазъ съ нея свести не могла и просто сердце у меня билось, когда она къ намъ входила. Ну вотъ что-то тянуло меня къ ней, что-то родное въ ней для меня. И сама не понимаю, Федя, но думаю, что вы сестру свою Катю, и брата своего, и даже мать свою не можете любить больше, чѣмъ я сразу полюбила Аню!.. Ни къ кому въ цѣломъ свѣтѣ не бывало у меня такого чувства, да я и не знала, что можетъ такое быть, пока не узнала этой новой сестры своей.

Только пожалуйста, Федичка, ничего ей не говорите объ томъ, что я вамъ это пишу,—она не любить! Она сейчасъ опять будеть меня бранить за это, а я не хочу. Вообще, вотъ я теперь все вамъ сказала и больше повторять этого никогда не стану: вдали отъ своихъ родныхъ сестеръ я счастливѣй, потому что онѣ не мѣшаютъ мнѣ ихъ жалѣть и желать имъ счастія; ну а если бъ мнѣ пришлось разстаться съ Аней,—я не знаю, вынесла бы я разлуку или нѣть,—но счастлива безъ нея никогда не буду.

Пока довольно. Я рада: все сказала, что у меня лежало на сердцѣ.

Хотѣла я написать, какъ мы здѣсь гуляемъ, какъ здѣсь чудесно; но Аня прочитала намъ съ панией (она всегда ей читаетъ всѣ свои письма) письма къ вашей тетѣ и я вижу, что не за чѣмъ мнѣ обѣ этомъ говорить,—она все такъ чудесно рассказала, что лучше нельзя. Напишите мнѣ Федя. Тогда и я постараюсь написать вамъ что-нибудь интересное, о чѣмъ Аня

забудетъ. Прощайте милый Федя... Хоть мы съ вами теперь почти взрослые люди, но я все жъ таки, на правахъ кузины, вѣсъ цѣлую.

Вѣра Стрѣлынѣва.

XVII.

Нижній-Новгородъ.

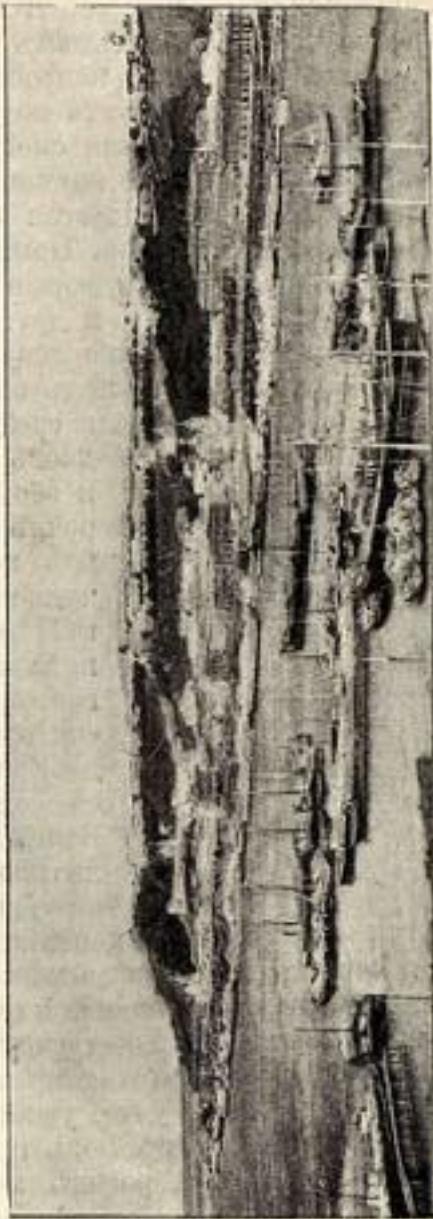
Огъ Алексѣя Сергеевича
Берестина Маріи Михайловны
Сахновичъ.

Дорогой, горячо любимый, благоразумный другъ мой, Манечка! Вы правы, какъ всегда вы правы. Я чувствую себя неспособнымъ мальчишкой передъ вами, а все-таки вы назидательная азбука! Вить, выбранился и легче на душѣ. Молодость подчасъ хороша своей непослѣдовательностью, своими увлеченіями, у васъ ихъ иѣть! Вы скажете, что вы — старуха, что вамъ скоро двадцать три года... Слышать, знаю, и все же (пусть Катя читаетъ) цѣлую вашу строгую мордочку, такъ крѣпко, чтобы разстояніе отъ Волги до Сены не могло уменьшить силы моего поцѣлуя.

Но довольно „личностей“, какъ сейчасъ сказала Катя, спѣшу отъ нея поблагодарить за длинное письмо, „историческое, географическое, этнографическое и патріотическое“. Спасибо и дѣвицѣ вашей, принявшей участіе въ описаніяхъ прогулокъ. Юленъка на-дняхъ угостила насъ такимъ „кусочкомъ“ исторіи, что мы читали его съ перерывами два дня. А нашъ спутникъ-британецъ, когда Катя переводила ему иѣкоторые отрывки Юленъкинаго письма, совсѣмъ преклонился передъ дѣльностью и образованіемъ молодыхъ русскихъ дѣвицъ и дамъ.

Кстати, голубка моя! Я думаю, что для внуковъ нашихъ эта переписка будетъ имѣть громадное значеніе не только образовательное, это-то безъ сомнѣнія,

Одеса-Новоград-на-Дністру

потому что знакомиться съ исторіей и памятниками столицъ Европы по частнымъ письмамъ своихъ родныхъ, перепутанныхъ частными подробностями ихъ жизни, гораздо легче, чѣмъ зубрить по учебникамъ, но, кромѣ того, внуки и дѣти наши смогутъ проходить за постепенно развивающимся романомъ ихъ „дѣушки“ и „бабушки“. Полагаю, дорогая будущая бабушка, что вы согласны со мной. Помимо наслѣдствъ вами, для меня стало очевидно, что добрый геній нашъ, чистый ангельчикъ Аня намѣтила и другую, совсѣмъ юную парочку, чтобы изливать на нихъ свои благодѣянія. Я глубоко убѣжденъ, что подъ ея нравственнымъ вліяніемъ и съ ея большими средствами она

дастъ воспитаніе и образованіе Вѣрочкѣ такое, что изъ нея выйдетъ чудная жена Федѣркѣ! Катя меня подняла на смѣхъ и говорила, что-то на счетъ родства Феди двоюродный братъ ея сводной сестры. Нынѣ и между двоюродными браками очень часты. Вы

Нижегородская ярмарка въ разгарѣ. Китайские ряды.

знаете, я противъ брака безъ фундамента нравственной привязанности и общихъ юношескихъ воспоминаній и привязанностей. Я думаю наша бѣлянка и сама это чувствуетъ. Она уже вырвала свою сестренку изъ несимпатичной семьи, и я счастливъ, что ея мрачные мысли о скорой смерти теперь, какъ будто, ушли на второй планъ. „Я нужна Вѣрочкѣ, дасть Богъ проживу еще для нея и для всѣхъ вѣсъ дорогихъ моихъ!“ Эта фраза ея послѣдняго письма порадовала меня очень. Не знаю, какому Богу молиться, чтобы отстоять жизнь нашей Анички, знаю только, что въ самыя счастли-

вые минуты жизни въ глубинѣ сердца щемить отъ сознанія хрупкости этого чудеснѣйшаго существа, этой моей сестренки, слетѣвшей съ небесъ къ намъ въ семью на радость смертнымъ земнымъ существамъ. Да, кстати, старочка Авдотья Фоминишна и альбонка наша Улиса, замѣтили поползновеніе родственниковъ на ея капиталы и, какъ вѣрные стражи, насторожились. Но они, Стрѣльневы, не знаютъ, что завѣщаніе Вѣрочки давно въ несгораемомъ шкатуле.

Благовѣщенская площадь.

Все завѣщано поровну намъ всѣмъ, но теперь я хочу писать домой о необходимости помочь Анѣ выйти изъ неловкаго положенія, она такъ привязалась къ маленькой Вѣрочкѣ, что пусть ей оставить большую часть своихъ лѣсовъ и имѣній.

Тьфу!.. болванъ я, негодный! Такъ внушили намъ доктора о серьезности ея болѣзни, что мы привыкли ее заранѣе хоронить. Просто сердце упало, какъ прочелъ, что написать. Ну, да ужъ вычеркивать не

III - 29 89.

стану... Поговорю о другомъ, чтобы разсѣять впечатлѣніе...

Громадное удовольствіе доставили намъ, Маня, что отдали француза, спасибо за ваши спокойныя, полныя достоинства и патріотизма слова! Молодець Маниша. Но все же скажу, что Франція, несмотря ни на что, величайшая страна міра. Въ самыхъ ошибкахъ ея, когда вспомнишь исторію, въ самыхъ яркихъ увлеченіяхъ и промахахъ, чувствуется душа живая, бессмертная душа! Выругать дурака всегда полезно, но не надо быть жестокимъ по отношенію остальныхъ. Ваши слова объ Александрѣ I въ Парижъ, я бы смягчилъ чуть-чуть, самую малость изъ чувства деликатности. Но, прости, голубка, не миѣлась учить. Все зависитъ отъ настроенія минуты.

Скоро конецъ нашимъ странствованіямъ. Мы съ Катей и Оедей вернемся домой. Наша мозаичная переписка всецѣло лежитъ на плечи ваши, Анны и Юлии. Но не подъ какимъ видомъ не будемъ ее прекращать. Я положительно увлекся этой затѣй и мечтаю даже иллюстрировать маленькими виньетками все эти письма. Хочу просить для этого всѣхъ присыпать миѣ маленькие видики, какъ на открытыхъ письмахъ. Эта появляющаяся мода на „открытки“ на мой взглядъ имѣть громадное образовательное значеніе. Но, довольно. Я тоже расписался на этотъ разъ. Горячай привѣтъ французскимъ друзьямъ и благодарность за любовь и заботы о моей Марусѣ. Скажите имъ ихъ любимую поговорку и отъ меня: „Les amis de nos amis sont nos amis“ Ждемъ скорѣе всѣстей. Помогай Вамъ во всемъ силы небесныя.

Вашъ Алексѣй.

С.-Петербургъ.
Мартъ, 1896 г.

В. П. Желиховская.

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ:

АМИЧИСЪ, Э. Школьный годъ. Изъ дневника ученика. Перев. М. Ватсона. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

БЕНЕТОВА, С. Два мира. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христианства. Съ рисунками. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к.

БИЧЕРЪ-СТОУ. Хижина дяди Тома. Романъ въ 2 частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.

ДЕФО. Робинзонъ-Крузо. Полный переводъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЗАГОСКИНЪ, М. Н. Собрание историческихъ романовъ, богато иллюстрированное художниками И. А. Ботатовымъ, З. Е. Пичугинымъ и В. Пчелинымъ. 1.250 стр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленкоре, перешаетъ 2 р. 25 к.

ЗАСОДИМСКИЙ, П. В. Блудный сынъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

Его же. Бывальщина и сказки. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Его же. Свѣтъ и тьми. Рассказы. Ц. въ папкѣ 1 р.

Его же. Задушевные рассказы. 2 т. Ц. по 1 р. 25 к.

Его же. Дѣдушкины рассказы и сказки. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Его же. Иль дѣтскихъ лѣтъ. Ц. въ папкѣ 75 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, Ка. Ясное солнышко и др. рассказы и повѣсти. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, ВАС. ИВ. Исторія брошенного мальчика. Ц. въ папкѣ 1 руб.

Приключение молодого американца Бастера Брауна и его вѣрнаго Тайга. Юмористическая повѣсть для дѣтей. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

СКВОРЦОВЪ, Н. А. Юный декламаторъ. Сборникъ для домашнихъ спектаклей, вечеровъ и дивертисментовъ. Въ обработкѣ для дѣтей старшаго возраста. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ-НЕСМѢЛОВЪ, Н. А. Гений изобрѣтатели и люди труда. Ц. 60 к.

Его же. Съ Поволжья. Родныя картинки. Ц. въ папкѣ 85 к.

Его же. Среди горъ и равнинъ. Сборникъ разсказовъ. Ц. въ папкѣ 60 к.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Камо грядеши? Повѣсть. Въ обработкѣ для юношества. Ц. 1 р. 50 к.

СЕРВАНТЕСЪ. Донъ-Хихотъ Ламанчскій. Полный перев. Ц. 1 р. 50 к.

ТВЭНЪ, МАРКЪ. Принцъ и нищий. Полный перев. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ТОМПСОНЪ. Маленькие дикари. Ц. 1 р. 50 к.

ЧЕХОВЪ, Н. В., и СКВОРЦОВЪ, Н. А. Родныя поэты. Иллюстрированное собрание произведений образцовыхъ поэтовъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Цѣна 1 руб.